

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 6 (69)

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ОБДОРЯ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ»**

САЛЕХАРД
2010

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК № 6 (69)

Редакционная коллегия:

С.Е. Алексеев –
директор ГБУ «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр», к.и.н.

В.П. Тимошенко –
д.и.н., ИИиА УрО РАН, главный научный сотрудник, профессор

А.И. Прокудин –
заместитель директора ГБУ «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр», к.полит.н.

В представленном Вашему вниманию Научном вестнике представлены материалы очередной (шестой) межрегиональной научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность». Периодичность ее проведения – один раз в два года. На конференции подводились итоги проекта создания академического издания «История Ямала».

В предложенном читателю издании содержатся материалы по истории Ямала, о состоянии культурного пространства, стратегических разработках и планах освоения на перспективу.

Издание представляет интерес для историков, регионоведов, краеведов, всех интересующихся прошлым и настоящим Ямала.

Цивилизационный подход

Цивилизации принадлежат к разряду мировых макросообществ. По мнению известного специалиста в области изучения цивилизационного подхода Л.И. Семенниковой, под цивилизацией следует понимать способ жизнедеятельности общества (или способ существования), который определяется наиболее общими факторами: географической (или природной) средой; системой ведения хозяйства (экономика); социальной организацией: духовными ценностями (религия, идеология) и культурой; политической системой; ментальностью; особенностями эпохи (или эпох), в которой цивилизация существует¹. Облик цивилизаций, особенно традиционных, в значительной степени обуславливается религиозно-конфессиональным фактором (при этом конфессиональное единство не является обязательным условием обоснования цивилизационного статуса; большинству цивилизаций присущи межконфессиональность и межкультурный диалог). «Главный смысл цивилизационного подхода, — как отмечает В.Ф. Шаповалов, — состоит в решении задачи обнаружения и описания устойчивых структур длительного действия. Само понятие локальной цивилизации предполагает наличие таких структур»². Далее автор называет те «глубинные основы современной российской цивилизации», которые мало изменились «в результате революций 1917 года, перестройки 1985 года, послеперестроечных событий»: это глубинные ментальные установки массового сознания, народный

характер; основные черты взаимоотношения народа и власти; образ России в глазах Запада и всего мирового сообщества; образ труда и хозяйственной деятельности; представления массового сознания о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия.

На протяжении второй половины XX в. переосмыслению подверглись фундаментальные положения, составлявшие теоретическую базу классического цивилизационного подхода конца XIX — первой половины XX в.³ Во-первых, было пересмотрено представление о механизмах внутренней динамики самих цивилизационных организмов⁴. Оказалось, что убедительно доказать некий универсальный для всех цивилизаций алгоритм — внутренний цикл, основанный на биологических параллелях (рождение — рост — зрелость — упадок — гибель), единые принципы внутренней динамики, практически невозможно. Более правдоподобной оказалась точка зрения многолетнего лидера французской историографической школы «Анналов» Ф. Броделя⁵, трактовавшего цивилизации как крупные исторические «длительности», которые могут то укрепляться, то ослабляться, стагнировать, «погружаться в сон», сохраняя «глубокие корни» «вопреки всем крушениям и “зимним холодам”».

Фактически произошел отказ от принципа «философской одновременности», который доминировал в классической

1 См.: Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 33.

2 Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 135.

3 Детальный анализ эволюции цивилизационной парадигмы дан в работе: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007.

4 См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 220—256; Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток—Запад—Россия. М., 2002. С. 53—58.

5 Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008; Он же. Цивилизация как длительная временная протяженность // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М., 1999. С. 229--230.

теории локальных цивилизаций. Согласно данному положению, цивилизации трактовались с позиций множественности, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению. В основе цивилизационной парадигмы лежала идея своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной степени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, не сводимыми к общемировым стандартным законам и механизмам. Однако, оказалось, что в действительности цивилизации развивались оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Соответственно, подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий, оказался явно противоречащим реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы⁶.

Получили развитие представления о внутренней структуре цивилизации. Последняя оказалась сложной, включающей социокультурное ядро, которое состоит из «сверхпрочных в плане исторического воспроизводства элементов» (составными элементами ядра являются мировоззренческие принципы, образцы мышления, жизненные смыслы, интегрировавшиеся в ядро в разные периоды времени), и обволакивающую его «периферию», которую составляют либо «быстропреходящие элементы», либо региональные, этнические, сословные и другие особенности, либо поисковые, инновационные элементы, способные со временем

перейти в ранг «ядерных». Для идентификации недостаточно зрелых, неустойчивых, симбиотических, антиномических образований была сформулирована концепция «пограничной» цивилизации, получившая наиболее основательную разработку на латиноамериканском и российском материале⁷.

Евразийская цивилизация

Что касается России, то своеобразие страны, сложный характер исторического процесса, значимость пространственного фактора и этнокультурных взаимодействий в ее прошлом и настоящем, обусловили широкий разброс мнений по вопросу о ее цивилизационном статусе. Споры об исторических судьбах и цивилизационной специфике страны не стихают до сих пор. При этом ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: 1) Россия — часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия — цивилизация восточного типа; 3) Россия — своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; 4) Россия — уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); 5) Россия — последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; 6) Россия — не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных

⁷ См.: Шемакин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001; Он же. Типы межцивилизационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях: Россия и Иberoамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 191—221; Он же. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96—114; Шемакин Я.Г., Шемакина О.Д. Специфика формообразования в российско-евразийской цивилизации // Цивилизации. М., 1992. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. С. 32—64; Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // Там же. 2000. № 5. С. 96—103; Он же. Экспансия XVI—XVII в. Испании и Англии в Америку, России — в Сибирь: варианты этнокультурного взаимодействия и генезис культурно-литературных моделей Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006 год. М., 2007. С. 82—120.

⁶ Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345—354.

анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация)⁸.

Не вдаваясь в детали данной весьма острой дискуссии, отметим, что целый ряд фактов (наличие определенной целостности, мощной способности к регенерации после «смут» и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии), все же, свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России (при одновременной ее «цивилизационной неопределенности», по выражению Е.Б. Рашковского).

Специфика последней в структурном плане, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной

8 См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. С. 419—461; Кантор В.К. «... Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторический очерки. М., 1997; Он же. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; Он же. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме миперского сознания в России. М., 2008; Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007; Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // Там же. С. 139—150; Он же. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115—116; Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 28—45; Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии-России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91—99; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997—1998; Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М. 1997; Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999; Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003; Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153—165; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10—11; Суворов Д.В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России / Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.

молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями).

В видовом отношении российский культурно-исторический массив адекватно раскрывается понятием евразийская цивилизация. Евразийская цивилизация входит в тот типологический ряд, который отмечен взаимодействиями цивилизационных компонентов западного и восточного типа, «двух основных типов мирового цивилизационного развития — Запада и Востока». К подобным зонам относятся, в частности, Пиренейский полуостров (иберокатолическое и мусульманское начала), Латинская Америка (автохтонное индейское, структурно сходное с древневосточным цивилизационным началом, и западное иберийско-европейское, получившее восточную прививку в процессе арабского завоевания Пиренейского полуострова в средние века), Балканский полуостров (христианские и исламско-тюркские компоненты), Евразия, арена развития взаимоотношений российско-православных, исламских, буддийско-ламаистских цивилизационных компонентов⁹.

Ядро евразийской цивилизации начало складываться в Восточной Европе на основе восточной ветви христианства, заимствованной в X в. во времена Киевской Руси из Византии. Будучи включенной благодаря христианству в общеевропейский культурный процесс данная цивилизация уже в период своего становления получила «прививку» достижений восточных миров, что облегчало в дальнейшем взаимодействие ее носителей с представителями культур Востока.

Российская евразийская цивилизация формировалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию

9 Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 56, 57; Семенов С.И. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В., Побрежников. М., 2004.

во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтальных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зоной такого цивилизационного пограничья в рамках евразийской цивилизации длительное время являлся Российский Север, в том числе Ямальский регион.

Вхождение Ямала в пространство евразийской цивилизации

Особое место в истории присоединения и освоения восточных территорий принадлежало и принадлежит Крайнему Северу Западной Сибири (Ямальскому региону), который стал первым зауральским регионом России, долгое время служил коридором для продвижения русских на восток, вглубь сибирских просторов, наконец, во второй половине XX столетия, с открытием на сибирском Севере месторождений нефти и газа, превратился в значимый фактор экономического развития страны и мира.

Древняя история Северной Азии отмечена несомненными культурными достижениями, ростом контактов с более развитыми центрами мировых цивилизаций. Тем не менее, до XVI—XVII вв., когда на ее территории во взаимодействие вступили представители трех обширных цивилизационно-культурных массивов — славянско-православного, исламского и буддистско-ламаистского, за Северной Азией сохранялась известная периферийность.

Российская колонизация северных территорий Западной Сибири имела свою существенную специфику, обусловленную огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами¹⁰. Активизация

освоения Северо-Западной Сибири в конце XV и на XVI веке совпала в целом с эпохой великих географических открытий. Растущий спрос на пушнину на рынках Западного Востока дал значительный толчок землепроходческой активности предприимчивых купцов и промышленников, а затем и «предпринимательству» самого государства на этом поприще. Подчинив себе торговый форпост России того времени — Новгород, Москва начала интенсивное продвижение в «полуночные страны», стимулом которого выступали пушные ресурсы. В результате московских походов второй половины XV века в Северное Зауралье были созданы основы для политической интеграции этой территории, Югорской земли, в состав Московского государства. К концу XV века угорские княжества Нижнего Приобья признали вассальную зависимость от Москвы, которая, однако, еще носила номинальный характер. Московское государство, поглотив новгородчину, в определенной степени унаследовало и традиции новгородской колонизации: воинские экспедиции, меновая торговля, пушной промысел, созданная к тому времени инфраструктура, в первую очередь коммуникации. Новшеством на данном этапе были укрупнение масштабов освоения, усовершенствование его инфраструктуры, расширение периметра освоения. Проникновение русских за Урал диктовалось торговыми и промышленными интересами. Одним из важнейших стимулов движения землепроходцев являлась погоня за ценной пушминой, которой изобиловала в тот период Сибирь. Товарные ресурсы, поступающие в казну от непосредственной эксплуатации государством инородческого населения восточных территорий, в частности, сибирская пушнина, активно использовались в торговле с Западом, а получаемые в итоге богатства расходовались не только на удовлетворение потребностей господствующего класса, но и на проведение в жизнь широкой программы общегосударственных мероприятий.

Включение Обдорского княжества в состав Российского государства было связано с основанием русских острогов в Нижнем

10 См.: Побережников И.В. Ямал в XII – начале XX вв.: периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX в. (документы и исследования) / К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа (серия Ямальская документальная коллекция). Екатеринбург-Салехард: Банк культурной информации, 2005. С. 3—57.

Приобье – Березовского и Обдорского. С момента основания в Березове был создан сильный гарнизон из государевых служилых людей. Северо-Западная Сибирь была включена в состав формирующихся Березовского и Мангазейского уездов, на земли которых распространялась система русского государственного управления в лице воевод, ясачных сборщиков. В данный период активизировался процесс объясачивания коренных народов, обложения их натуральной податью – ясаком, означавший реальное подчинение местного населения власти Москвы. Ясак, как известно, был заимствован российской администрацией от предшественников – татарских царств. Но при этом следует помнить, что Российское государство было более развитым сравнительно с ханствами кочевников-татар.

Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению земель за Уралом. Недаром именно на XVII век приходится пик русской промысловой деятельности. В XVII веке русские служилые люди и промышленники уже вполне обжились на Ямальском Севере, им была хорошо знакома северная тундра, они имели много знакомых среди автохтонов, знали местные языки. Промысловый характер колонизации сказывался на характере взаимоотношений пришлого населения и коренного. Государство было заинтересовано в сохранении коренного населения, являвшегося источником ясака, что выразилось в относительно гуманном и толерантном отношении властей к коренным народностям Сибири. Аборигенное население благополучно существовало на исторически занимаемых им территориях, даже расширяя их. Коренные жители сохраняли и развивали отличные от государственной собственные обычноправовые системы, сохраняли свои языки, хозяйственные и бытовые порядки, свою систему верований.

Упрочение русских позиций в крае на рубеже XVI–XVII вв. и доступность богатых драгоценным пушным зверем районов обеспечили высокий уровень динамики колонизации. В то же время имевшая ярко выраженный

товарный характер экономика русских промышленников была узко специализирована, слабо связана с преимущественно натуральной экономикой туземного населения и не оказывала на последнюю заметного влияния. Отличительными чертами сформировавшегося в XVI–XVII веках порядка была слабо скрепляемая внешними, торговыми связями дуалистическая социально-экономическая организация северных сообществ, представленная, с одной стороны, укладом жизни пришлого русского населения и, с другой, населения автохтонного. Будучи ориентированной вовне, эта экономика не создала прочной хозяйственной базы в крае, в результате во второй половине XVII столетия в Северо-Западной Сибири наступил упадок русской промысловой деятельности, исчерпавшей возможности своей ресурсной базы¹¹.

В дальнейшем, с последней трети XVII до начала XIX в., темпы хозяйственного освоения русскими крайнего севера Западной Сибири существенно замедлились, акцент был перенесен преимущественно в сторону обеспечения работы фискальных механизмов. На данном этапе русское освоение сузилось преимущественно до зоны Нижнего Приобья. Русское присутствие в крае по-прежнему обеспечивал Обдорск, в который присылались для сбора ясака служилые люди-годовальщики из Березова. Расселение русских по уезду шло настолько низкими темпами. В связи с уменьшением угрозы нападений со стороны туземного населения во второй половине XVIII века Обдорск в значительной степени потерял свои прежние военные функции. В то же время в это время в Нижнем Приобье шел процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских старожилов, обладавших заметной культурно-языковой спецификой¹². Русские устанавливали более тесные контакты с автохтонами

11 Побережников И.В. Освоение Крайнего Севера Западной Сибири в XVII в. // Научный вестник Ямало-ненецкого автономного округа. Салехард, 2008. Вып. № 4 (56): Исторические исследования. С. 19–25.

12 См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975.

Северо-Западной Сибири, а Обдорск и другие русские селения служили проводниками передовой русской культуры в крае. С начала XVIII в. начинается христианское миссионерство и массовое распространение православия среди коренных жителей края. XVIII век еще отмечен восстаниями, межплеменными и межродовыми войнами, которые, однако, не имели антирусской направленности, поскольку русские промышленные и служилые люди, подолгу жившие среди аборигенов, ведшие с ними оживленную торговлю, уже не воспринимались автохтонами как чужие. В связи с этим упрочение государственной власти на Ямальском Севере, приведшее к прекращению межплеменных войн, можно расценивать как благо.

Укоренение русских старожилов в Северо-Западной Сибири, упрочение их связей с местным населением незаметно готовили предпосылки для перехода к следующему этапу, начавшемуся в XIX веке. Данный этап характеризовался заметным ускорением темпов освоения, его нарастающей интенсификацией. Для него характерна важная тенденция — необратимость формирования постоянного русского населения на крайнем севере Западной Сибири, концентрировавшегося в Обдорске, селах Мужевском, Кушеватском, Полноватском и т.д. На данном этапе крайний север Западной Сибири, представлявший собой периферию Российской империи, в определенной степени испытал импульсы модернизации, разворачивавшейся в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII в., интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны, рост интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация географических исследований на Обском Севере, носивших практический характер, рост миссионерско-просветительской деятельности на крайнем севере Западной Сибири.

На протяжении XIX — начала XX века

крайний север Западной Сибири все еще оставался во власти традиции. Тем не менее, общестрановые модернизационные процессы оказывали влияние на регион. К началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции Крайнего Севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства, нарастала взаимосвязь хозяйственно-культурных укладов русского и туземного населения Севера, что выражалось в усилении товаризации промысловых хозяйств населения Севера. К рубежу XIX—XX веков экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товарно-рыночной значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственная деятельность.

Последствия освоения евразийского Севера для цивилизационного развития России

Освоение евразийского Севера, в состав которой входит и ямальский регион, имело важное значение для цивилизационной динамики России. Прежде всего, как отмечает историк К.И. Зубков, Север в самой существенной степени обусловил генезис российской государственности и цивилизации — по крайней мере, «на этапе ее перехода в режим устойчивого территориально-политического роста и создания единого государства с централизованным управлением». Во-первых, вплоть до конца XVI в. Север сохранял свою роль стратегического тыла России, территории возможного отступления, в наименьшей степени подверженной геополитическим рискам и внешним нападениям. Во-вторых, Север выступал не только пространственным резервом, но и емким ресурсным тылом, который позволял в конечном счете преобразовать окраинное положение страны в «наступательную» позицию или компенсировать иные стратегические слабости в геополитическом

положении Русского государства. В-третьих, освоение Севера являлось также важнейшим фактором внутренней трансформации политической организации Русского государства, поскольку ресурсы Севера, пополняя государственную казну, позволяли государству решать целый ряд задач модернизационного плана¹³.

Сложные, амбивалентные последствия для цивилизационного развития имело расширение территории страны в результате присоединения и освоения евразийского Севера. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по сравнению с Западной Европой (мозаично-дробная структура которой создавала материальные предпосылки для существования относительно небольших государств, обладающих большой хозяйственной вариативностью на малых площадях), четкой, широко скроенной сферой «флагообразного» расположения географических зон, «континентальностью», т.е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смешения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного конгломератного терри-

ториального каркаса. Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-правленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их геополитической инвариантности. Указанные обстоятельства, способствовавшие складыванию обширного внутреннего рынка, объективно создавали предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия по существу представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство». Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреватые для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать. В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Колоссальная территория восточных регионов, в значительной степени неблагоприятных для ведения хозяйства, растянутость коммуникаций, природно-климатическое разнообразие, этнокультурная гетерогенность, положение на стыке разных культурных миров, неравномерность экономического и социокультурного развития предопределяли

13 Зубков К.И. Север как геополитический фактор становления Российской государственности // Ямал в геополитической и цивилизационной динамике. (Роль геополитических систем и пространственных «социальных порядков» Арктики в российской истории). Салехард-Екатеринбург: БКИ, 2007. С. 10—19.

особую сложность и своеобразие развития России. Ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта страны стали миграции народов, их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов, колонизация новых земель. В формирование политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками. На антиномичность российской цивилизации, противоречивость русской души, как следствия диалога между различными социокультурными пространствами, указывал Н.А. Бердяев, писавший, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное»¹⁴. Особенностью российской культуры является ощущение связи с расширяющимся пространством. Представление о себе как о нации, географические границы которой чрезвычайно широки, оказывало глубокое влияние на развитие российской культуры, государственного строя. О «власти пространства над русской душой» писал Н.А. Бердяев: «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности»¹⁵. Это же необъятное пространство, отмечал Н.А. Бердяев, было не только внешним, материальным, но и внутренним, духовным фактором жизни. Восток сформировал «географию

русской души»; существенным проявлением этого влияния стала слабость формообразующих начал в русской культуре, слабость срединной культуры, способствующей организации устойчивой повседневности. Здесь уместно упомянуть развиваемую Л.В. Смирнягиным концепцию аспатиальности русской культуры, т.е. слабости ее реакции на фактор пространства, на такие его ипостаси, как место, расстояние, граница, и однотипность геокультурных проявлений в самых разных точках¹⁶. Рациональное зерно данной концепции заключается в точной фиксации относительно слабой для такой большой территории выраженности культурных различий в макроареале расселения крупнейшего этноса. Неизбежным следствием такой структуры русской духовности стала особая роль государства в регуляции не только политической и хозяйственной сфер, но и жизнедеятельности цивилизационных структур¹⁷. Специалисты неоднократно отмечали связь между присвоением государством (как в имперском, так и в советском формате) важнейших интегрирующих и регулирующих функций в целях обеспечения макроцивилизационного единства в социокультурном конгломерате и противоречивостью и неорганичностью цивилизационного устройства России.

Географические координаты Северного Зауралья предопределили его контактную природу, складывание здесь многоэтничного по составу населения, сложную этнокультурную историю. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и результативался

16 Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108—115.

17 См.: Ерасов Б.С. Образ Востока в русской культуре // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 353.

14 Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1990. С. 44.

15 Он же. Судьба России. М., 1990. С. 67.

в формировании различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. В ситуациях, когда уровень развития соседствующих народностей различался, этнокультурный обмен обычно носил асимметричный характер. Однако это не означало, что более развитое общество всегда выступало в процессе обмена в роли донора, а менее развитое — в роли реципиента. Процесс заимствований протекал в двух направлениях, способствуя как прогрессу менее развитых обществ, так и обогащению и диверсификации культур обществ, находившихся на более высокой стадии развития. В литературе отмечается, что аборигенная культура северных районов Зауралья и Западной Сибири испытала определенное русское влияние. Хотя христианизация коренных народов (мощный интегративный инструмент) отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов (изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий). К началу XX в. русская культура приобрела для автохтонов зауральского севера ценностное значение, что отметил в своем

сочинении наблюдательный путешественник Фритъоф Нансен, проследовавший в 1913 г. на судне «Коррект» мимо Ямала: «Разумеется, высшим мериллом культуры является для них (самоедов — *И.П.*) Обдорск, и они не отказывают в должном почтении культуре, создавшей такой «город», хотя, с гордостью номадов, ставят достаточно высоко и собственную, а также свою вольную жизнь в тундре, где ни русские, ни зыряне не могут тягаться с ними»¹⁸. Специалисты при этом подчеркивают, что процесс культурного взаимодействия был обоюдным. Многовековое проживание аборигенных народов в специфической природно-ландшафтной среде Севера способствовало образованию общего историко-культурного пространства, которое стали выделять в особый тип региональной цивилизации — арктической или циркумполярной. Особенность последней — максимальная реализация потенциальных возможностей человека в агрессивных условиях холода, которые оставляют ему минимальные возможности для поддержания жизненно важных источников: тепла, пищи и света. Народы Крайнего Севера выработали уникальные способы сохранения здоровья, механизмы адаптации к экстремальной природной среде. Заимствование пришлым, в том числе русским, населением уникальных культурных достижений автохтонов существенно облегчило первое существование в новой среде¹⁹. Материальная культура русского населения Крайнего Севера Западной Сибири по существу стала переплетением элементов двух культур: русской и аборигенной (материальная культура и быт русских переселенцев обогатились опытом и рациональными знаниями местного населения; элементами одежды, охотничьего и рыболовецкого инвентаря, производственными технологиями, способа-

18 Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан, 1969. С. 31.

19 См.: Народы Севера России как часть циркумполярной цивилизации. Якутск, 1994; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.

ми приготовления пищи аборигенов)²⁰. Таким образом, социокультурные взаимодействия в зонах фронта еще больше подчеркивали

пограничный и симбиозный характер евразийской цивилизации, склонной к «культурной метисации».

20 См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 152—172, 200—216; Федорова Е.Г. Роль русской торговли в процессе трансформации традиционной культуры обских угров // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 116—118; Еремеева О.И. О влиянии православной церкви на духовное развитие народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Там же. С. 43—44; Она же. Православие на Ямале (конец XIX – начало XX вв.) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума. С. 109—111; Мартынова Е.П. Этнические контакты русских и обских угров // Русские старожилы. С. 71—73.

**НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК В XV – XVI ВВ.:
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ 2006-08 ГГ.**

О.В.Кардаш

Результаты комплексных исследований культурного слоя Надымского городка относящегося к периоду конца XVI - первой трети XVIII вв., проводившихся в 1998-2005 гг., неоднократно освещались на научных конференциях, изложены в серии статей, диссертационной работе и монографии¹. Археологические данные о периоде конца

1 Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в 17 в. (по материалам археологических исследований) // Культурное наследие народов Западной Сибири. Русские. Тез. докл. III Сибирского симпозиума. – Тобольск–Омск, 2000. – С. 60–62; Он же. Материальная культура населения низовой реки Надым в 17 – начале 18 вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск, 2001. – С. 209–211; Он же. Материальная культура остяков Надымского городка // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск). Тезисы докладов. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 318–320; Он же. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 88–90; Он же. Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Том. Ун-та, 2004. – С. 375–379; Он же. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов / Научный вестник. Вып. № 4 (35) // Обдорья: История, культура, современность. – Салехард: Изд-во Красный Север, 2005. – С. 31–35; Он же. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. № 13, 2006. – С. 128–131; Он же. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук Санкт-Петербург, 2006; Он же. Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск, 2008; Он же. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV –XVII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. – С. 460–464; Он же. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII вв. – Екатеринбург–Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2009; Вершинин Е.В. Надымский городок в письменных источниках XVII –XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала (документы и исследования). – Екатеринбург: Изд-во Банк культурной информации, 2005. – С.134–149; Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург–Салехард: Изд-во Уральского университета. 2006.

XV - конца XVI вв. пока еще не вводились в широкий научный оборот. В процессе археологических исследований 2006 – 2007 гг. слоев раннего периода, на отдельных участках памятника еще продолжались исследования отложений конца XVI - первой трети XVIII вв. и какой-либо сравнительный анализ, а тем более выводы о предшествующей эпохе делать было сложно. Полевой сезон 2008 года можно назвать удачным, поскольку был выявлен комплекс археологических данных позволяющих сделать ряд определенных исторических заключений и выдвинуть несколько археологически и исторически обоснованных гипотез.

Подробнее остановимся на описании результатов раскопок последних лет. В задачи работ 2006-2008 гг. входило проведение раскопок оборонительно-жилого комплекса Надымского городка периода конца XV – конца XVI вв. и примыкающей к нему северо-западной многофункциональной площадки. В результате работ выявлены остатки сооружения функционировавшего до середины XVI в, но имевшего ряд особенностей и отличий в планировке и архитектуре которые отличают его от более позднего сооружения.

Оборонительно-жилой комплекс Надымского городка на период конца XVI – середину XVII вв. реконструируется как фортификационное сооружение размером 35 x 20 м. с планировочной структурой, сформированной в пространстве овала, разделенного на два сегмента центральным проходом - улицей шириной 1 м. Каждый из сегментов был разделен на секторы – жилые кварталы – перегородками, перпендикулярными центральной улице. Такое разграничение внутреннего пространства каждого сегмента позволяет охарактеризовать общую планировку жилого комплекса городка как уличную. Наличие в застройке северного и южного сегментов жилых построек, обращенных друг к другу выходами, позволяет допол-

нительно охарактеризовать ее как зеркально-симметричную. Планировка и архитектура застройки сегментов изменялись в рамках периода. Неизменными оставались контуры внешних конструкций и основной оси, а также соблюдение принципа зеркальности.

В рамках исследованного раскопками 1998–2005 гг. периода функционирования Надымского городка было условно выделено два основных этапа развития его планировочной структуры и архитектуры. Первый этап – с конца XVI по середину XVII вв., – «предпоследний», и второй этап – с середины XVII по первую треть XVIII вв., – «последний». Вероятно, выделенные этапы, в определенной степени, отражают геополитические изменения, происходившие на территории Северо-Западной Сибири, в частности – начало в последней четверти XVI в. активной «русской колонизации Сибири» – официальной экспансии с целью фактического присоединения «земель Сибирских» к государству Московскому. Этот процесс не только сопровождался приходом русскоязычного населения с новыми культурными традициями, но и влиял на миграции в среде аборигенных жителей. Появление иноэтничного населения, так или иначе, влияло на архитектуру поселений коренных жителей и отражалось в материальной культуре.

В начале «предпоследнего» этапа – в конце XVI века функционировала двухквартирная структура городка. Размеры «самоедских» (южных) кварталов № V и VI восстанавливаются в пределах 10x15 м. В них были построены большие дома каркасно-столбовой конструкции размером 8 x 10 м, с центральным очагом и наружной галереей. Постройки такой или близкой архитектурной традиции известны на территории Северо-Западной Сибири, по археологическим данным, как минимум с середины первого тысячелетия н.э.². По данным

этнографических исследований в бассейне р. Надым проживало древнесамодийское население – *няки (няд' хасово)*, и ряд информаторов именно с ними связывает Надымский городок³. Эти факты позволяют соотнести вышеописанные постройки кварталов № V и VI с сооружениями предков данной этнической группы, проживавших в городке. На принадлежность построек автохтонному и, кроме того, более привилегированному населению указывает расположение домов в наиболее освещенной, теплой, защищенной от северных ветров южной части жилого комплекса.

К северо-западу от «самоедских» кварталов № V и VI располагались «остяцкие» кварталы № I и II, каждый размером 10 x 20 м. В пространстве кварталов размещалось по 8 отдельно стоящих построек жилого и хозяйственного назначения размерами не более 2,5 x 3,0 м, а так же хранилища (погребя) для пищевых продуктов. При большой схожести материальной культуры всего населения Надымского городка в целом, этническая атрибуция жителей этих кварталов не вызывает больших сомнений. Предметы материальной культуры, найденные в пространстве северного и западного кварталов, их архитектура находят больше всего аналогий в хорошо изученной и описанной культуре остяков начала XX века и современной хантыйской⁴. Кроме этого, факт проживания остяков засвидетельствован письменными источниками XVII в.⁵.

В последние три года исследований работы были сконцентрированы в северо-западной части городка на территории северо-западной многофункциональной площадки и «остяцких» кварталов № I и II. Именно в этой части

2 Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 126–145; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Изд-во Внешторгиздат, 1994. С. 8-42; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург. Изд-во: «Тезис». – С. 44-73.

3 Кардаш О.В. Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск. 2008.

4 Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. I, II, III. – М.: Либерея, 1995—1996; Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001; Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург–Сургут: Уральский рабочий, 2004; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ, 1985.

5 Обдорский край и Мангазья в XVII в. Сборник документов – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2004. – С. 20-72; Кардаш О.В. Надымский городок. История и материальная культура...

городка сохранились элементы фортификации оборонительно-жилого комплекса и общественный вход в его пространство всех хронологических периодов. Анализ конструкций и хронологии этих элементов позволяет проводить сравнительный анализ на разных этапах развития Надымского городка.

Данные последних лет исследований позволили уточнить датировку начала предпоследнего этапа реконструкции Надымского городка и выделить еще один предшествующий строительный этап. Хронология культурного слоя и строений этого горизонта определена по результатам перекрестного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования построек. Время строительства жилых домов № 2 (9 уровня реконструкции) и № 6 (6 уровня реконструкции) раскопанных в 2007 году определено 50-ми годами XVI в. В 2008 году в ниже лежащем слое синхронном жилому дому № 2 (10 и 11 уровней реконструкции) и перекрывавшему окладной венец конструкции северо-западного входа найдена монета, первая в вещевом комплексе Надымского городка. Монета содержит на аверсе верхнюю часть титульной надписи «князь великий» и на реверсе изображение всадника с мечем, что позволяет её идентифицировать как московскую денгю и датировать временем княжения Ивана IV – 1533-1547⁶. По ряду признаков монета может быть отнесена к дореформенным монетам Ивана IV Грозного чеканенным с 1533 по 1535 гг. Весь комплекс хронологических данных с учетом времени накопления культурного слоя и периодами функционирования построек позволяет определить дату предпоследнего этапа реконструкции городка в интервале между 1530-40 и 1550-60 гг.

Следует отметить ряд особенностей оборонительно-жилого комплекса городка появившихся, с этого времени, и не изменявшихся на протяжении всего предпоследнего и последнего этапов строительства, которые

важны для последующего сравнительного анализа. Первая особенность, это неопределенная (нечеткая) в плане форма, более вписывающаяся в понятие овал или вытянутый шестиугольник. Второй важной чертой можно назвать каркасную конструкцию стен, состоявшую из вертикально вмороженных в грунт тонких бревен и плах. На разных участках стены плотность элементов была разной. Коридор, ведущий внутрь пространства сооружения к общественному – северо-западному входу и прилегающая наружная часть стены были укреплены сплошным тыном. Остальная часть стены набиралась из удаленных друг от друга столбов разного диаметра, пространство между которыми заполнялось жердями или ветками. Дополнительно снаружи стеновой конструкции была сделана насыпь из культурного слоя, имевшая в основании бессистемный каркас из веток и жердей. Третьей значимой чертой является конструкция и параметры общественного входа. Его проеомобразующие конструкции располагались внутри периметра наружной стеновой конструкции, имели дверной проем шириной до 0,6 м за которым следовал тамбур и далее центральный проход шириной до 1,0 м.

Архитектура Надымского городка в период до 1530 г. характеризуется радикальными отличиями в трех выше определенных элементах сооружения предпоследнего и последнего этапов. В связи с этим и был выделен строительный этап, который предварительно обозначен хронологически, а именно - этап середины XV – начала XVI вв. Нижняя дата этапа пока ни чем не обоснована, кроме максимально возможного интервала функционирования деревянного сооружения в таком ландшафте до времени обветшания строения.

Из значимых отличий архитектуры можно отметить, во-первых, форму городка в плане. При, почти, неизменном размере, форма оборонительно-жилого комплекса, на этом этапе определяется как прямоугольная. Иной была конструкция стен. Судя по обнаруженным остаткам на этапе середины XV – начала XVI вв. стеновая конструкция формировалась из горизонтального набора бревен, зафиксированных между вертикально установленных столбов. Такая стена совмещалась с фасадами

6 Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года (с дополнениями 1901 г.). Императорский Российский исторический музей им. Имп. Александра II. Описание памятников. Вып. 1. М.: Изд-во: Типография А.И.Мамонтова, 1896. – С. 280-290; Гарост С.А. Справочное пособие русских монет с 1462 г. по 1717 г. Минск. 2003. – С. 21-30.

примыкавших к наружной стене построек, собственные стены которых выполнены из плах и брусьев в охряпку. Перед ограждающей стеновой конструкцией зафиксированы вмороженные в грунт под углом около 45 градусов к напольной стороне тонкие бревна и жерди. Они находились на расстоянии 1,0 м. от стены, на удалении друг от друга так же около 1,0 м и очевидно являются остатками оборонительных «рогаток». С наружной стороны вся стеновая конструкция, скорее всего, была засыпана грунтом, из которого торчали только заостренные колья.

Вместо северо-западного общественного входа в пространство сооружения за периметром ограждающей стены были обнаружены остатки срубной постройки, которая за монументальность конструкции получил название «проходной башни». Эта постройка, очевидно, выполняла функции предвходового тамбура (сеней?). Сооружение имело прямоугольную в плане форму с внутренними размерами помещения 2,5 x 2,0 м. Судя по всему, надежности конструкций входа придавалось большее значение, поскольку все элементы выполнены из массивных бревен. Окладной венец сформирован из бревен диаметром 30-40 см. В наружном венце диаметром 40 см., зафиксирован порог шириной 1,0 м для шарнирной двери. Нижняя чаша под дверной шарнир находится с правой стороны от входа, что говорит об открывании двери направо вовнутрь помещения. За пространством постройки начинался центральный проход шириной 2,0 м. Таким образом, северо-западный общественный вход на период до 1530 г. реконструируется как бревенчатая конструкция срубленная «в обло с остатком» с дверным проемом шириной 1,0 м. Датировать его строительство без дендрохронологического анализа сложно, но предварительно можно определить в интервале сер. XV – конец XV вв.

На основе изменения трех основных признаков оборонительно-жилой комплекс Надымского городка этого периода реконструируется как прямоугольное в плане сооружение с двумя входовыми срубными постройками «башнями». Оборонительная

стеновая конструкция сооружения дополнительно укреплена валообразной насыпью с заостренными кольями «рогатками». Общие принципы такого сооружения находят аналогии архитектуре русских острогов конца XVI – XVIII вв. известных на территории Северо-Западной Сибири. Примерно так выглядел Юильский Казымский острог и ряд других Сибирских крепостей XVII-XVIII вв.⁷ Очень близкое описание 1789 г. имеет Обдорский острог: «Обдорский острог на реке Полуи на правом берегу на горе, церковь и крепость четверугольная загорожена стоячим тыном, две проезжие и две на северных углах башни, обнесенный вокруг рогатками, ...»⁸.

Кроме этого общего описательного сходства имеется и ряд других признаков определяющих близость архитектурных элементов Надымского городка сер. XV – нач. XVI вв. технологическим традициям древнерусского деревянного зодчества. Одним из первых элементов следует отметить конструкцию строения северо-западного входа и конструкцию дверей. Принцип, лежащий в основе дверной конструкции северо-западного входа указанного периода, в целом, аналогичен конструкции входов в исследованные синхронные и все позднейшие жилые помещения. Этот факт особо важен, для последующего анализа этнической принадлежности архитектуры Надымского городка.

В настоящее время, раскопками исследовалось два городища аборигенного населения региона с замороженным культурным слоем, в котором сохранились жилые дома XIII - XIV вв. Это постройки № 10, 11 Войкарского городка, расположенного в зоне северной тайги на р. Обь в Шурышкарском р-не, и постройки № 1, 2 городища Бухта Находка находящегося в тундровом ландшафте на п-ве Ямал⁹. При

7 Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Изд-во «Искусство». 1988. – С. 62-173.

8 Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Изд-во Наука. 1982. – С. 166.

9 Федорова Н.В. Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003-2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». Салехард: Изд-во «Красный Север», 2006. – С. 11-12; Кардаш О.В. Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск. 2008.

всех различиях в архитектуре Войкарские и Находкинские постройки имеют определенные объединяющие черты. Во-первых, в основе тех и других каркасная конструкция строения, стены которого формируются из вертикально установленных тонких бревен или жердей. Вторая черта это отсутствие двери, то есть проеомобразующая конструкция не предусматривала монтажа какого либо деревянного дверного полотна. Проеом - лаз, скорее всего, закрывался выделанной шкурой обеспечивавшей беспрепятственный проход в любую сторону, как из помещения, так и в помещение. В итоге можно заключить, что аборигенное население северо-таежных и субарктических районов Северо-Западной Сибири до XV в. не использовало в домостроении технологии возведения срубных построек с дверными конструкциями.

Эти факты являются ключевыми в понимании формирования архитектуры Надымского городка, где все жилые постройки уже с начала XVI в., выполнены в срубной технике и снабжены шарнирными дверями. Правда, зачастую, дома выполнены из грубого бруса и плах в охряпку, и, иногда, в совмещенной технике с рубкой в обло из бревен. В одном случае, постройка № 7, срублена в технике заплота. Тем не менее, во всех случаях вход в пространство жилого помещения построек закрывался дверными полотнами, выполненными из досок скрепленных шпонками (снаврами). Двери монтировались в проем на боковых шарнирах и открывались только вовнутрь. Все эти технологические приемы домостроения хорошо известны в русском деревянном зодчестве¹⁰.

Таким образом, формируется ряд археологических фактов позволяющих поставить вопросы о причинах и времени появления русских домостроительных традиций в архитектуре Надымского городка сер. XV – нач. XVI вв., а так же заимствований и использования

этих традиций аборигенным населением городка - остяками и самоедами в последующие столетия.

В вешевом комплексе конца XV – середины XVI вв., как и в более позднем, имеется достаточно много импортных предметов. Значительную часть привозных вещей мы, не бесспорно, но, тем не менее, в первую очередь, связываем с русским происхождением. Среди этих товаров: сукно и одежда из цветного сукна (зеленого, красного, коричневого, желтого), выделанная телячья кожа и обувь из телячьей кожи (коты), голубые бусы (голландские?), медные котлы, железные крицы и ряд изделий из железа. В период с конца XVI по первую треть XVIII вв. этот перечень остается не только неизменным, но и значительно расширяется. Совершенно очевидно, что со второй половины XV в. между аборигенным населением бассейна р. Надым в лице жителей Надымского городка и русскими торговцами существовали прочные и постоянные торгово-меновые отношения. Каким образом и где происходил торг, пока остается достоверно не известным. Археологически зафиксированных фактов пребывания русских купцов на городке позднее середины XVI в. не зафиксировано. Это позволяет предполагать, что в XVII - XVIII вв. осуществление торгово-меновых операций происходило далеко за пределами населенного пункта.

Первым фактом позволяющим предполагать непосредственное присутствие русских промышленников являются элементы архитектуры. По нашему мнению характерные русские домостроительные приемы и традиции не могли опосредовано появиться на территории Северо-Западной Сибири и осваиваться аборигенным населением. Для нас становится вполне допустимым и очевидным факт пребывания в Надымском городке русских первопроходцев или, как минимум, тесно связанных с русской культурой людей во второй половине XV – первой половине XVI вв.

Этот хронологический период хорошо известен в истории Московского государства как время активизации продвижения на

10 Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. – М.: Изд-во АН СССР, 1955; Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. – М.: Изд-во Стройиздат, 1983; Он же. Сокровища Русского Севера. – М.: Изд-во Стройиздат, 1989.

северо-восточные территории. В 1465 г. военный отряд под руководством устюжанина Василия Скрыбы был послан великим князем Иваном III «Югорскую землю воевати»¹¹. Немногим позже в 1472 г. московские воеводы князь Федор Пестрый Стародубский и Гаврила Нелидов направлены покорять Пермь Великую¹².

Через несколько лет, неоднократные разорительные набеги пелымских вогулов на колонизированные восточные провинции, стали поводом для организации Москвой в 1483 г. большой военной экспедиции «на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку» под руководством воеводы Ивана Салтык Травина и князя Федора Курбского Черного¹³. Кроме собственно московских служилых людей в походе участвовали и другие подданные Московского государства: вологжане, устюжане, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Этот поход оказался наиболее результативным. После него в 1484 г., в Усть-Выме, между Москвой, восточными московскими провинциями и Югорскими князьями был официально заключен и документально зафиксирован мир. После этого акта великий князь Иван III дополнил свой титул наименованием «великий князь Югорский». Хотелось бы подчеркнуть, что именно в этой документальной записи о мире впервые появляется термин «Обдор» и «обдорцы».

Из зырянского языка понятие Обдор (Обдория) означает место (местность) возле устья реки Обь¹⁴. Это обстоятельство следует отметить особо, поскольку географически место впадения р. Обь в Обскую губу (залив Карского моря) находится в 30 км на северо-запад от Надымского городка. Там и находится одно из самых известных с древности и особо почитаемых святых мест коренных

жителей - Святой Мыс - Хэбидя сале¹⁵. Не исключено, что в числе обдорцев заключавших Усть-Вымский мир могли быть и представители из Надымского городка.

Не смотря на успехи второго Югорского похода 1483 г. и мирный Усть-Вымский договор 1484 г., вероятно, административно-политическая ситуация с Югорской провинцией не была стабильной, что потребовало её разрешения путем организации в 1499 г. третьего Югорского похода войск Московского государства. Этой военной экспедицией, в состав которой входило более чем 4000 ополченцев, руководили князья Петр Ушатый и Семен Курбский (сын Федора Черного)¹⁶. Важным итогом этого похода стало пленение и подтверждение покорности Москве многих вогульских и Югорских вождей, а так же прибавление к титулу великого князя Ивана III нового звания «князь Обдорски и Кондинский».

По мнению некоторых исследователей XIX в., в частности Н.А.Абрамова, и А.А.Дмитриева именно во время похода 1499-1500 гг. московские воеводы князья С.Ф.Курбский и П.Ф.Ушатый основали русские крепости на месте семи вогульских и югорских городков, одним из которых считался Обдорский¹⁷. Правда следует заметить, что эта точка зрения критиковалась современными исследователями за необоснованность¹⁸.

Все же, по данным письменных источников известно, что маршрут последнего похода проходил в низовьях р. Обь. Косвенным сви-

11 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Изд-во Наука, 1982. – С. 91.

12 Полное собрание русских летописей. Т. 12. М.: Изд-во Наука, 1965. – С. 147.

13 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. – С. 95.

14 Дмитриев А.А. История Угорских княжеств // Уральский областник. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рынок», 1991. – С. 14.

15 Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р.Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Приложение к XXX-му тому Записок Имп. Академии наук. №2. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – С. 117-119; Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым // Ежегодник Тобольского Государственного Музея. Тобольск, 1918. Вып. 29. С. 41.

16 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Изд-во Наука, 1982. – С. 98.

17 Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки РГО. – СПб., 1857. Кн. XII. – С. 362; Дмитриев А.А. История Угорских княжеств // Уральский областник. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рынок», 1991. – С. 21.

18 Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV – XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург Изд-во НПМТ «Волот», 2000 – С. 97-98.

детельством того, что отдельные отряды во время третьего Югорского похода 1499—1500 гг. могли доходить до географического устья р. Обь и, соответственно, р. Надым является упоминание последней в «Записках о Московии» австрийского имперского посла барона Сигизмунда фон Герберштейна, который составлял описание «Пути к Печере Югре и до самой реки Оби» опираясь на сведения полученные, прежде всего, от князя Семена Курбского¹⁹. В качестве само крайнего, расположенного в районе устья р. Обь, отправного населенного пункта Герберштейном упоминается некая Обская крепость²⁰. Ряд исследователей, в частности А.Т. Шашков, идентифицирует её со столицей Обдорского княжества располагавшейся в районе устья р. Полуи (правый приток р.Обь)²¹.

Весь круг источников археологических и документальных в сочетании с мнениями различных исследователей позволяет нам выдвинуть собственный вариант реконструкции исторических событий связанных с третьим Югорским походом и Надымским городком на рубеже XV—XVI вв. Вероятно, незакрепленные военным присутствием, Усть-Вымские договоренности о мире и выплате великому московскому князю дани мехами, перестали выполняться значительной частью вогульских и Югорских князей. Такое обстоятельство могло послужить поводом для военной операции не просто с целью устрашения и возобновления даннических отношений Югорских князей, но и фактического закрепления этого статуса путем строительства опорных крепостей, в том числе для контроля за торговлей. Возможно, именно по этому, был направлен и снаряжен столь большой отряд (более 4000 человек), который, скорее всего, в весной 1500 г. не весь вернулся на Русь. Кстати в источниках говорится о возвра-

щении князей С.Ф.Курбский и П.Ф.Ушатый со своими ратями, и не говорится о стопроцентном возвращении всех участников военной экспедиции²².

Принимая во внимание вышеприведенные данные, вполне логично предположить, что на месте аборигенного Надымского годка зимой 1499-1500 одним из отрядов третьего Югорского похода был построен небольшой острог и остатки именно его строений (стены и «башня») были обнаружены при раскопках 2008 г. Не исключено, что это его назвал Обской крепостью С.Герберштейн. Возможно, именно это населенный пункт и был в то время центром Обдории, резиденцией обдорских князей. Не исключено, что об этом пункте упоминается в письме от четырех русских промышленников-поморов нанятых для торговой экспедиции на Обь находившимся в Москве служащим английской торговой компании Антоном Маршем в 1584 г. Промышленники описывали путь через «Камень» (горы Северного Урала) и назвали последний из пяти городков, расположенных в низовьях Оби: «Надежная (Nadesneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю»²³. Возможно, что А. Марш прочитал в письме русифицированное название городка Надымский – Надежный, хотя таким эпитетом мог именоваться городок, сохранивший свой статус по праву нахождения на его месте русского острожка выполнявшего функции охраны порядка для приезжающих промышленников и торговцев. В любом случае идентификация Надымского городка с самым крайним, в низовьях Оби, пунктом на пути в Мангазею - крепостью «Надежная» поддерживается современными исследователями²⁴.

19 Герберштейн С. Записки о Московии (пер. с нем. А. И. Малеина и А. Б. Назаренко). – М.: Изд-во МГУ. 1988. – С. 160-161.

20 Там же. – С. 157.

21 Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV – XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург Изд-во НПМТ «Волот», 2000 – С. 102.

22 Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Изд-во Наука, 1982. – С. 82.

23 Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. –Иркутск: Ирк. обл. изд., 1932. Ч. 1. С. 187.

24 Шашков А.Т. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV – XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург Изд-во НПМТ «Волот», 2000 – С. 107.

Вместе с тем существует еще один факт, который следует привести в контексте наших построений. Дело в том, что, судя по зафиксированной в результате археологических исследований, стратиграфии нижней, еще не раскопанной, части культурного слоя, мощность отложений содержащих срубные строения составляет от 0,7 до 1,1 м. Такой слой, даже при большой интенсивности формирования вряд ли мог сложиться за период менее 50 лет. По крайней мере мощность культурного слоя Мангазейского городища активно развивавшегося ограниченный период с 1601 по 1660-70-е гг. составляет 0,5-1,0 м²⁵. Если

наше предположение верно, то самые первые русские строения Надымского городка могли появиться ранее, предположительно в 1483 – 84 гг.

В итоге следует отметить особо значимый результат исследований полевого сезона 2008 года. Получены археологические данные позволяющие оценить материалы Надымского городка, как важный источник не только аборигенной, но и русского средневековой истории. Ключевой для раскрытия и понимания истории раннего и позднего периодов колонизации Сибири не имеющих достаточного числа письменных источников.

25 Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). – Екатеринбург – Нефтеюганск: изд-во «Магелан», 2008. – С. 152-153. Приложение: Карты и чертежи, лист. 112.

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДОБЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ
ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО (РУССКИЕ, КОМИ)
НАСЕЛЕНИЯ ОБДОРСКОГО КРАЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА).**

С.В. Туров

Старожилы (русские и коми) на Нижней Оби во второй половине XIX-первой трети XX в. проживали в основном в четырёх населенных пунктах-Обдорск (Салехард), Мужы, Лабытнанги и Аксарка. Рыбная ловля в этом регионе была традиционным занятием. Близ с. Мужы славились как богатые рыбой Истоминский яр и Шурышкарский сор.¹ Громкой славой пользовались неводные пески Куноватский и Мелексинский.² Старожилы Мужей вспоминают, что богаты были рыбой Илюшкинский и Нильчинский рыболовные пески. Пески - отмели с гладким дном, покатым к фарватеру, были самыми продуктивными угодьями. Другой тип угодий – сора – отлогие места на берегу реки, куда вода заходила во время разлива. Опромышлялись также «запорные протоки» и «курью» - речные заливы с отлогим берегом, имевшие «стрелку», которая постепенно смывалась водой. Главным объектом рыболовства были так называемые проходные виды рыб - сиговые (муксун, щекур, сырок, пыжьян), а также нельма и осетр – эта рыба по большей части шла на рынок. Для собственного употребления добывалась рыба попроще – стерлядь, щука, налим, язь, карась, сельдь. Рыбный промысел открывался весной сразу после вскрытия Оби, когда начинался «вонзевой ход» (подъем рыбы с моря). Ход рыбы вверх по Оби на нерест имел определенную последовательность, а она в свою очередь определяла способы лова: сначала поднимался сырок, за ним через 2-3 суток нельма, затем муксун, потом щекур, пыжьян, сельдь, налим и осетр. Подъем рыбы у Обдорска проходил между

1 ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. Л. 27.

2 Тузов Н. Рыболовство на реке Оби//Ирбитский ярмарочный листок. 1870. № 12. С. 49.

20 мая и 29 июня. Особенно уловистым был июль, когда обнажились неводные пески. Осенью и зимой лов был менее значителен.

Близ с. Мужы рыбу начинали ловить в сорах, когда сходила вода. Когда заканчивался «соровой лов» начинали неводить на неводных песках. На песках неводили до ледостава. Зимой неводили на озерах.³ Мужевские старожилы зимой рыбачили на оз. Сойбеда, которое находится в 2,5 км от села. В него попадали из Малой Оби по двум протокам. На озерах добывали окуня, ерша, щуку, налима и немного «белой рыбы». Карася ловили осенью в озерах, которые не заливаются весной, в других озерах карась не держится – уходит. Озера эти близ Мужей находятся «за гривой».⁴

Рыбы вылавливалось много. В 1922 г. жители с. Мужы – русские и зыряне (аборигены в это время в селе не проживали) сдали заготовителям – кооператорам 5834 пуда 27 фунтов рыбы.⁵ Это примерно 1% от добывавшейся на Обском Севере рыбы в конце XIX века.⁶ Если учесть, что в 1922 г. в с. Мужы проживали 319 мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, то получится, что только на продажу, а значит рыбы ценных пород, каждый из них в среднем добыл 18,28 пуда или 292,6 килограмма.⁷

Однако в годы неблагоприятные уловы резко падали. Хуже всего рыба ловилась в годы с высокой водой, так как основные рыболовные угодья могли находиться под водой вплоть до осени. Так, многоводным был 1925 г. «рыбы

3 Записано от Рочева Ф.А. и Артеевой М.В.

4 Записано от Рочева В.А.

5 ГА ЯНАО Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 68.

6 Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб., 1877. С. 41.

7 ГА ЯНАО Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 68.

не было ни зимой, ни летом».⁸ Плохи были уловы в годы, когда рыба из Обской губы уже начинала подниматься, а в районе Обдорска и выше на реке еще лежал лед. Один из таких ледовых заторов случился в 1911 году.⁹ Время разгула непогоды — бури на Оби также приходились на период интенсивного лова рыбы и могли очень навредить промыслу.

Много неудобств доставлял рыболовам так называемый «замор». Биолог Березовский писал в своё время: «Значение замора и влияние его на судьбу рыбного хозяйства в бассейне реки Оби огромно и не поддаётся учёту. В течение нескольких месяцев условия существования здесь рыбы становятся невозможными и громаднейшая река превращается в мёртвый водоём, в котором не выживают самые неприхотливые представители «чёрной рыбы». ...Но если замор, тяжко отражается на судьбе всего живого в Оби, мешает развитию чёрной рыбы, мало требовательной к количеству растворённого в воде кислорода, то на судьбе белой рыбы, чрезвычайно чуткой к понижению кислорода, он отражается катастрофически. Дело в том, что все представители этой группы (нельма, сельдь обская и сосвинская, сырок, щёкур, пыжьян) производят нерест поздней осенью. Выметывается икра на дне реки или даже зарывается в грунт. Развивается икра крайне медленно и только весной из неё выклевываются мальки. Для развития икринки требуется большое содержание кислорода, а как раз в зимний период и в Оби и в большинстве её притоков происходит замор, то есть полное исчезновение в воде растворённого кислорода¹⁰». Впрочем «вонзь», который так ждали каждую весну ямальские рыбаки, также был связан с замором. «За северной границей распространения замора (в Обской губе-С.Т.) начинаются места залегания зимующей рыбы. Здесь недостижимая для замора она проводит зиму, мигрируя в небольших пределах. С наступлением вес-

ны, подталкиваемая инстинктом питания и размножения, — эта рыба поднимается вверх по Оби. Как раз этот — то массовый подъём её и носит название «вонзя»¹¹.

Были и благоприятные для рыболовного промысла факторы. Так, рыбаки замечали, что появление в реке дельфинов (белух) благоприятствовало лову, так как дельфины гнали перед собой из губы рыбные косяки.¹²

Во второй половине XIX в. в Надымском районе, в «Хэнской стороне», начинают селиться русские и зыряне. К началу XX в. самыми крупными населёнными пунктами здесь были с. Хэ и селение Нори (Норэ). К 1890-м гг. на побережье Надыма появляется еще несколько небольших селений, в которых проживали русские и зыряне: Ватанга-3 дома, Варкута-3, Ярцанги-4, Шуга-5.¹³ На самом Надыме не было хороших рыболовных песков. Поэтому местным жителям приходилось неводить по сорам, курьям, салмам, протокам; городить запоры на Надыме и его притоках. Из указанных типов угодий наиболее продуктивными были салмы: «Под салмами следует понимать высокие образования в русле реки-острова или гольцы. Благодаря массовым наносам площадь салм увеличивается. Салмы характеризуются незначительной глубиной, песчаным грунтом, замедленным течением и присутствием на дне особого растения называемого по ненецки «нярцу». Какое это растение установить точно не удалось. Но по нашим предположениям, это или особый вид осоки или [...] курчавый (?) Величина и форма отдельных салм зависит от конфигурации фарватера и распределения глубин на смежных местах водоема. Типичными размерами признаются следующие длина-[...] километра, ширина- ½, ¾ километра, глубина-от 0,5 до 2 метров. В нормальную воду обсыхание салм наблюдается лишь в результате продолжительных южных ветров, сгоняющих воды губы. Срединка салм самое мелкое место. Отмечается общая вытянутость салм вдоль

8 Доронин Г. Пашня или пушнина? // Северянин. 1925. № 103.

9 Г-ий Лебедев Гиблое лукоморье // Вестник Западной Сибири. 1912. № 35.

10 ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 38.

11 Там же. Д. 30 А. Л. 42 об.

12 Ю.Г. Рыбный промысел по рекам Оби и Надыму // Сибирская жизнь. 1900. № 67.

13 Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2 т.-Т. 1. Омск, 2004. С. 40-41.

русла реки отдельными овалами. ...Салмы становятся пригодными для посещения рыб примерно со середины июля, когда вполне закончится процесс оттаивания их и разовьется в должной мере указанная выше трава. После этого вплоть до глубокой осени салмы остаются основными местами кормежки молодежи сиговых рыб бассейна Оби. В районе салмы имеются повсеместно, начиная от Варкуты, где они ясно выражены в виде отдельных островов вдоль жерла и кончая низовьями Тазовской и Обской губ, где под салмами понимаются сплошные прибрежные отмели в устьях рек. Лов на прибрежных салмах приравнен нами к лову на неводных песках, так как салмы в этом случае от песков ничем не отличаются.¹⁴ Следующими по продуктивности за салмами шли сора: «Озера они же сора. Все озера, по местному, зовутся сорами, хотя правильной было бы к сорам отнести лишь пойменные озера. Последних явное большинство и значение имеют только они. В целях удобства описания все озера разграничиваем на: 1) пойменные озера или сора и 2) материковые или собственно озера. Озера материка представлены в районе чрезвычайно бедно. На Обско-Тазовском полуострове известно 2 наиболее крупных озера: одно в вершине одного из притоков р. [Пойлово], второе р. [Пойлово], не имеющее однако с ней сообщения.

На Хэнской стороне отмечено много материковых озер, но в большинстве крайне незначительных от 100 кв. метров до 3-5 гектаров. Отдельно по своей площади стоит несколько замкнутых озер на водоразделе р. Шуги и Надымской Оби и два озера, лежащие в вершинах надымских притоков: Вэлла-То и другое без названия в вершине р. Вэлла-Яги. Самое крупное из них Вэлло-То, имеющее 2800 гектаров, затем озеро без названия-620 гектаров, Рыбой, как правило, данный вид озер не богат. В отдельных озерах обитает окунь, щука, иногда карась. Из белой рыбы местами попадает щёкур и сырок. Вообще же надо сказать, что в промысловом отношении озера материка ценности большой не

представляют во-первых по ограниченности их площади, во-вторых по бедности ихтиофауной и в-третьих по затрудненности самого промысла.... Что же касается затруднений при производстве промысла на озерах материка, то здесь надо учитывать удаленность последних от летних транспортных магистралей, заболоченность прилегающей к озерам местности, засоренность озер и др.»¹⁵ Даже в начале 1930-х гг. «материковые озера» Надымского района, скорее всего, не опромышлялись вообще. Только озеро Вэлло-То опромышлялось пришлыми промысловиками-казымскими хантами.¹⁶ Иначе обстояло дело с опромышлением соровых озер пойменного типа: «Сора или озера поймы представлены в районе уже более ярко. Общая площадь их, по самым скромным подсчетам, равняется 40 000 гектаров. В большинстве обсыхая осенью со спадом воды, сора таким образом могут быть охарактеризованы, как сезонные водоемы. Не отличаясь большой глубиной (в пределах 1,5-2 метра), за исключением очень немногих, эти сора даже в случае, если осенью уйдет не вся вода, промерзают до дна. Замор бассейнов большинства рек отражается и на сорах, дополняя картину опустошения этих угодий. На таком фоне выделяются лишь единственные сора, не обсыхающие и не промерзающие следовательно доступные для эксплуатации в зимний период, как, например, 3 озера в районе [Иевелеских] избышек по Надыму и другие.

Главная ценность соров падает на лето и заключается в том, что, благодаря обилию комаров, туда заходит для нагула различная рыба от чебака и до нельмы включительно. Как раз в этот период происходит лов на салмах и в устьях рек. Вследствие того, что поднимающаяся рыба не минует основных промыслов, можно считать не обязательным лов ее у входа в сор. Обратный же выход из соров заканчивается поздно, поэтому не всегда и не везде захватывается порядками подледных сетей, устанавливаемых в устьях рек, по которым рыба неизбежно должна пройти,

¹⁵ ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 93. Л. 63-65.

¹⁶ Там же. Л. 65.

¹⁴ ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 93. Л. 60-62.

направляясь в губу на зимовку. Значительная часть рыбы успевает пройти до ледостава и в период такового. ... Сора поймы по своей величине чрезвычайно разнообразны. От 800 гектаров ([Варкут сор]) до нескольких гектаров. О продуктивности озер следует сказать, что она будет выше продуктивности губы и одинаковой с продуктивностью рек».¹⁷

Итак, речки и протоки по продуктивности стояли вровень с соровыми озерами надымской поймы: «Не все речки района могут являться рыболовными угодьями. Некоторые или по своей мелководности или по сильной засоренности совершенно необитаемы... Более мелкие реки наследуют характер крупных, которым свойственна сильная извилистость, частое чередование направления, сравнительно быстрое течение, особенно в верхних участках реки (среднее 3 км. в час) и наличие песчаных перекатов. Берега всех рек, по преимуществу, низкие, легко заливаемые с прибылью воды, покрытые в низовьях мелкими ивняками, в верховьях более крупными кустарниками или мелким лесом (Надым, Ныда, Кутоп-Юган). ... По концентрации рыбного населения в период подъема и спуска рыбы низовья рек несколько не уступают сорамам. Разница лишь в продолжительности этой концентрации и постоянстве ее.

Протоки-побочные рукава основных рек, свойственные низовым поймам. По своему характеру близки к низовым рекам. Особенно обширной системой проток пререзается пойма р. Надыма в нижней ее части-примерно на 80 километров, где ненецкое название протоки «яга»-совершенно одинаково с названием речек».¹⁸

Наконец еще один вид рыболовных угодий, облавливавшихся непосредственно в поймах рек Надымского района-курьи: «Под курьей необходимо понимать залив реки или губы в берег, затопленный постоянно или временно. Как рыболовное угодье доступно для неводьбы, после сравнительно небольшой расчистки и-для сетевого лова. Излюбленное место обитания щуки всех рек района. Наибольшее количество таких курей отмечено по

р. Надыму. Угодье сравнительно мелкое, по продуктивности приравнивается к речкам... для потребительского лова весьма удобно».¹⁹

Несравненно значительнее было рыболовство в низовьях реки-в заливных сорах и речках, а также в Обской губе, на песках. В нашем распоряжении имеется характеристика неводных песков Надымского района, сделанная специалистами в начале 1930-х гг.: «Неводной песок-это место на реке, рсчищенное от задевов, имеющее отлогое, в большинстве случаев, песчаное дно и находящееся на пути движения рыбы. Все пески района могут быть разделены на 1) вонзевые и 2) летние. Вонзевые пески находятся исключительно по Надымской Оби, так как вонзь в более южных частях района протекает под льдом. Некоторые вонзевые пески, например, Шуга, Ям-Пугор и др. не совсем утрачивают свое значение и летом.

Чисто летние пески (собственно лишь потому летние, что в вонзь промыслять там невозможно) расположены по губе. Это [Сандибо], [Тояга], Горки, Белый Мыс, [Харвуты], и [Врлова]. Надо сказать, что отсутствие вблизи берегов губы и Надымской Оби лесонасаждений обеспечивает незасорённость дна берегов, благодаря чему, количество песков, особенно летних, как посещаемых не ходовой рыбой, а нагуливающейся может быть при желании легко увеличено.

Длина песков по берегу довольно разнообразна от-0,5 километров ([Тояга]) до 2-х километров (Ярцынги, Белый Мыс и др.). Поскольку речные массивы, на коих расположены пески, имеют ширину, измеряемую десятками километров,... На неводные пески издавна установился взгляд как на нечто неизменное и раз навсегда установленное природой. Между тем, на самом деле каждый песок претерпевает ежегодно значительные изменения и со временем портится совершенно, по причинам легкой размываемости почвы района и деятельности ветров».²⁰ Итак, рыболовные угодья Надымского района были представлены курьями, неводными песками,

17 Там же. Л. 65-67.

18 Там же. Л. 67-68.

19 Там же. Л. 70.

20 Там же. Л. 58-59.

салмами, речками и протоками, озерами и сорами. В начале 1930-х гг. соотношение этих видов рыбугодий выглядело следующим образом. Неводные пески давали 35,7% добычи рыбы, салмы-34%, озера и сора-4,4%, речки и протоки-10,6%, прочие угодья-15,3%. Таким образом, неводные пески и салмы давали основную долю добычи рыбы и были в этом отношении самыми ценными угодьями. В Надымской Оби основным предметом промысла были муксун, сырок, щёкур, пыжьян, нельма, обская сельдь. Больше всего вылавливалось муксуна. Далее следовали щёкур и пыжьян, «массами подходящие к устьям рек, впадающих в Надымскую Обь и в губу». На р. Надым преобладающими видами рыбы были менее ценные-щука, язь и другие. В надымских водах водились минога и корюшка, но их ловом население систематически не занималось.²¹

Рыболовная путина на Надыме начиналась, как и на Оби, с вонзя. В Надымском районе вонзь давал в 1930-х гг. около 10% годовой добычи рыбы. После вонзя ловили осетров на самоловы, а в невода попадалась обская селедка. 20-25 сентября летний неводной лов заканчивался. Подо льдом применяли ставные сети и запоры. Первые дни ледостава лов был особенно хорош в дельтах рек, включая Надымскую. Каких-либо особых требований к местам подледного лова не было. Главное заключалось в том, чтобы попасть на место хода рыбы: «В районе подледные сети устанавливаются как на губе, так и в устьях рек, впадающих в губу, причем в последнем случае наблюдается большая эффективность».²² С 15 ноября подледный лов начинал постепенно угасать и к 15 декабря в Надымском районе он прекращался полностью.²³

Основным объектом охотничьего промысла старожилов Обдории в таёжной местности был пушной зверь. Однако уже в XVII в. сказались результаты перепромысла соболя, популяция его была подорвана.²⁴ В XVIII – XIX

вв. ценного пушного зверя становится еще меньше.²⁵ К этому времени охотники все больше внимания уделяют лисице, песцу, выдре, горностаю, белке и даже колонку, медведю и росомахе. Кроме пушного зверя охотились на крупнокопытных – тундрового оленя, лесного оленя и лося. К концу XIX в. крупнокопытного зверя также стало заметно меньше. К началу XX в. наиболее ценный пушной зверь во многих местностях практически исчез.²⁶ К 1920-м гг. в южных районах Обдорского края наибольший интерес для охотника представляли: белка, куница, соболь и лисица. В некоторых местностях промысловое значение имели: колонок, горностаи, рысь. Попутно при охоте на перечисленных выше зверей добывали медведя, лося, выдру, норку, хоря, ласку и зайца.²⁷

В 20-начале 30-х гг. в охотничьих угодьях, тяготевших к с. Кушеват, из пушного зверя промыслили в основном: белку, лисицу, горностаю, песца. В охотничьих угодьях, относившихся к с. Мужы, русские и зыряне добывали и сдавали кооператорам шкуры лисиц, песцов, белок, горностаев, росомах, медведей, волков, зайцев, редко выдр и соболей.²⁸

Водоплавающей дичи еще в 30-е – 40-е гг. XX в. было так много, что в лёт ее не били. Стреляли только сидячую из скрадка. За одну ночь можно было добыть с одного места 10-15 птиц. Били в основном уток. Лебедей не стреляли вовсе. Боровую дичь добывали при помощи петель. Самой частой добычей была куропатка. Мест постановки петель у каждого охотника было несколько, соответственно складывался маршрут их посещения – тропа. За один осмотр тропы в хороший год можно было взять 15-20 куропаток. Примерно таким же образом настораживались петли на зайца. За один раз с тропы брали 2-3 реже 4 зверька.²⁹

25 Туров С.В. Промысловая деятельность русского населения Западной Сибири и состояние популяций редких животных края в XVIII–I половине XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. История. Вып. 1. С. 25-26.

26 Доронин Г. Указ. соч.

27 ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.

28 Там же; Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 40.

29 Записано от В.А. Рочева, с. Мужы.

21 Там же. Д. 30 А. Л. 178-179.

22 Там же. Д. 93. Л. 69.

23 Там же. Д. 30 А. Л. 195-197.

24 Павлов П.Н. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в. Автор. дис. ...д.и.н. Новосибирск, 1973. С. 24-32.

В п. Лабытнанги, близ Обдорска (Салехарда) в середине 1930-х гг. проживало много зырян. Здешние охотники добывали лисицу, горностаю, песца, зайца, «очень редко» белку. «Много водяной крысы, но промысел последней не развит». Большой удельный вес в хозяйстве охотников имела куропатка. Среди водоплавающей птицы промысловое значение имели черныш и гоголь. «Главным местом промыслов» для лабытнангских старожилов «...служит тундра, расположенная около Урала по рр. Хольве и [Подь-Яге] последняя [...] проходит около вершины р. Соби. Охотятся главным образом за песцом и попутно зайцем [...] от Лабытнанг 40-50 километров. Также производится охота по сорах, протокам, берегам Оби (в соровой пойме на удалении 15-20 км. к югу и северу от поселения-С.Т.) главным образом на лисицу, горностаю, зайца».³⁰

Во второй половине 20-х гг. XX в. в Ямальской тундре начинают появляться профессиональные охотники - промысловики из числа зырян. Самой желанной добычей охотника - тундровика был песец. Способы и сезонность песцовой охоты подчинялись возрастным и сезонным изменениям меха зверя. Песец-это полярная лисица. Южнее полярного круга он встречается только случайно. Живёт песец в норах. Нора достигает 5 м. в длину и имеет несколько выходов. Молодые песцы появляются на свет в 20-х числах мая. В одном помёте щенков бывает от 9 до 12. До конца июня щенки находятся в норах. У промысловиков такие щенки имели характерное название «копанцы». В июле щенки начинают совершать первые вылазки из норы-это «норники». В августе-сентябре щенок назывался «крестовиком» из-за характерного окраса меха. В октябре мех молодого песца приобретает серопепельный цвет с синеватым оттенком-«синяк». В ноябре мех делается ещё светлее-«недопёсок». В декабре песцы белеют и остаются таковыми до марта-это уже настоящий полноценный белый песец-предмет вождления охотника-тундровика. С марта взрослый песец начинает линять. Линька начинается с шеи-«душка». К концу

июля процесс линьки превращает «душку» в «дошлого крестовика». Вообще с марта по июль мех у песца пегий и свисает клочьями. Далее с мехом взрослого песца происходят те же метаморфозы, что и с мехом щенка³¹. Охота на песца в тундре делилась на летнюю и зимнюю. Летом основным объектом промысла были «крестовики» и «норники» - щенки. Их промышляли как на шкурки, так и для кормления в целях последующего забоя. Ненцы добывали молодняк с помощью капканов и петель, настороженных возле нор. Зверьков даже ловили руками, подкарауливая, когда они отойдут подальше от норы.

Зыряне привнесли в песцовую охоту элемент интенсивности. Только охотники-зыряне для отлова молодняка применяли три следующих способа. Первый-разрытие норы. Нора раскапывалась при помощи лопаты, и из нее извлекались щенки. Вторым «зырянским способом» добычи молодняка было выкуривание песцов из норы дымом. Делалось это следующим образом. Дождавшись благоприятного ветра, охотник разводил огонь из сухой травы в главном ходе норы и в одном из отнорков. Затем при помощи какой-либо ветоши или другого материала дым нагнетался в нору. Причем, все выходы из норы предварительно засыпались землей, оставлялись только два - противоположные задымленным. Перед этими двумя выходами выкапывались ямы с отвесными стенками. В эти ямы и сваливались, спасавшиеся от дыма, щенки. Взрослые особи, если они преодолевали яму, доставались охотником, стоявшим наготове, из ружья. Еще зыряне ловили молодых песцов, окарауливая их близ выкопанных возле выходов из норы и замаскированных ям. Но последний способ применялся редко, так как был малодобычливым.

Зимой в тундре охотились на взрослого песца. Аборигены в зимней охоте чаще всего применяли различные ловушки: капканы, чирканы и слопцы. С ружьем и собакой на песца охотились очень редко, только в случае, когда он случайно набегал на охотника. Экспедиция Евладова в 1928 г. выявила на Ямале

30 ГА ЯНАО Ф. 12. ОП. 1. Д. 75. Л. 86-88.

31 ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 2-2об.

только 5 чумов, где имелись собаки, натасканные идти на песца. Евладов, кстати, заметил, что среди собак самодийских («очень разнокалиберных и разнообразных») не встречается «вислоухих». Таких собак он видел только у остяков и зырян и склонен был объяснить это большей «примесью крови дворняжек».

Зыряне — ижемцы в 10-х гг. XX в. стали применять на Ямале облавную зимнюю охоту на песца. За день делалось от одного до трех загонов. За один загон добывали 3-5 зверей, но бывали случаи, когда попадались от 2-х до 3-х десятков особей. В исключительно удачные годы на пай приходилось до десяти и более песцов. Однако еще в конце 20-х гг. XX в. облавный промысел песца был развит только в некоторых местностях южного Ямала.³² Отчасти это объяснялось тем, что песца в Северо-Западной Сибири было сравнительно меньше, чем, например, в Северо-Восточной, где облавный способ охоты применялся в это время и позднее (1935г.) значительно шире.³³

Все приведенные выше способы охоты на песца охотоведы 1930-х гг. признавали в той или иной степени «вредными». Безусловно «вредным» был отлов молодняка. Не меньше вреда приносило раскапывание и окуривание нор. Раскопанные норы забрасывались песцом навсегда, а окуренные не занимались новым выводком около 3 лет. А ведь одна нора служила для выведения песцового потомства долгое время³⁴. Впрочем, в начале 1930-х гг. добыча молоди «синяка» и «крестовика» уже не велась. Сказались запреты и маловыгодность этого промысла³⁵.

Результатом интенсификации охотничьего промысла становился перепромысел. «Целый ряд ненцев-охотников (Надымский р-н, 1933 г.-С.Т.) жаловались нам на то, что к тому времени, когда они со своими стадами достигают верховьев Надыма, эта территория бывает уже опромыслена хантами из Сургутского района, уральскими зырянами и русскими охотниками, проникающими в эти места из

Сургутского района. Вследствие этого добычливость охотничьего промысла сократилась в 2-3 раза и некоторые виды промысловой фауны близки к исчезновению (дикий олень)».³⁶ В Надымской местности охота была возможна круглый год. А зимой охота становилась для большинства основным занятием: «Время со второй половины ноября, после замора, и до таяния снегов можно считать исключительно охотничьим».³⁷ В тундре охотились на волка и песца, куропатку в лесу-на медведя, лису, белку. Правда, медведь в низовья Надыма заходил редко, но в среднем течении реки встречался чаще. Здесь же в начале XX в. еще водился дикий олень, представлявший собой некий переходный вид от оленя тундрового к оленю лесному. Летовать он оставался на Надыме. На дикого оленя охотились с ружьем. В тундре к нему подкрадывались прикрываясь доской в форме тюленя, выкрашенной в белый цвет. Летом оленя окарауливали на берегах рек. Кстати еще в 1930-х гг. охотники использовали пистонные ружья и даже «кремневки», но у некоторых встречались и ружья центрального боя.³⁸ Пушного зверя-песца, горностаю добывали с помощью капканов, черканов, слопцов. Ловушки особенно слопцы настораживались в огромном количестве. Каждый охотник имел их десятки, а то и сотни.³⁹ Если в низовьях Надыма крупного зверя было мало, то зато здесь, а также в нижнем течении рр. Шуга и Ныда в изобилии гнездились дикие гуси и другая водоплавающая дичь. Особенно массовые гнездовья находились в рямовых ссорах устья р. Ярудея. Из боровой дичи в лесах по берегам Надыма было много куропатки, глухаря и тетерева. В хорошие годы водоплавающая дичь и куропатка добывались сотнями и тысячами на одного охотника.⁴⁰ На некоторых зверей не охотились вовсе, а брали их только «попутно-случайно».

36 Там же.

37 Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым. Этнографический очерк//Ежегодник Тобольского губернского музея. 1917. С. 19.

38 Там же. С. 19-22.

39 Носилов К. Охотничий промысел на Ямале//Естествознание и география. 1909. № 7. С. 49.

40 Дмитриев-Садовников Г.М. Указ. соч. С. 20.

32 ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 161, 77 об.-80 об.

33 Рахманин Г.Е. Ар. МАИЭ РАН Ф. К II. Д. 182.

34 Там же.

35 ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 69-71.

Так зайца никто не заготавливал на мясо, а шкурка его была малоценной.⁴¹ Не охотились специально и на волка, хотя от волков сильно страдали стада оленей. А аборигены и вовсе предпочитали с волком не связываться: «Объяснение этому находим в поверье туземцев: «Не трогай волка, а то его товарищи шибко отомстят. Волк тоже есть хочет». Только аборигены-охотники, близко сошедшие с русскими и зырянами, начинали охотиться на волка, но делали это при помощи ружья, что малопродуктивно. Только очень немногие охотники использовали в охоте на волка капканы.⁴² Росомаха была малочисленна и в этой связи особого интереса для охотников не представляла, но, если промысловик замечал ее след, обязательно начинал преследование. Росомаху ненавидели за то, что она, в свою очередь, редко проходила мимо зверей, пропавших в капкан или слопец, да еще и обязательно разрушала ловушку.⁴³

Охотничий промысел конечно во многом зависел от поведенческих особенностей (поводок) того или иного зверя и его «биологического цикла». Охотники-промысловики всегда пристально следили за объектами промысла. В 1928 г. председатель Обдорского райисполкома Ануфриев доносил в Тобольский окружной комитет Севера сведения о поведении песца, собранные от промысловиков: «В зиму 1926/1927 г. песец в большом количестве особенно осенью 1926 г. шёл по берегам реки Оби на юг и в массовом количестве держался всю зиму в районах Кушевата, Мужа. Главная часть песца уходила на юг за пределы Берёзова, Кондинска, Елизарово.⁴⁴ Иной раз промысловые животные вели себя достаточно странно, полностью срывая планы охотников. В Уральской лесотундре (р. Полуй, Собский нацсовет) охотники-зыряне повели специалистов-охотоведов о «массовом бешенстве песца» зимой 1932-1933 гг.: «Песцы подбегали к чуму, взбирались на него, грызли шкуры, нарты, хорей. Из роты шла кровь.

Бросались на собак. Ими убит один песец. В тундре находили несколько штук пропавших песцов. Осенью 1932 г. наблюдалась массовая гибель песца на губе. Песец шёл табуном на лёд только замерзший, лёд проламывался и песец погибал. Паршуков уверяет, что в зиму 1932 и 1933 г. пеструшки в тундре было много (то есть голод не являлся причиной такого поведения песца-С.Т.)⁴⁵». По другим наблюдениям массовый ход песца в октябре 1933 г. на лёд Обской губы был вызван тем, что: «...осень была дождливая, холодная. Образовалась гололедица. Вода, попавшая в гнёзда лемминга, замерзла. В силу гибели лемминга песец двинулся...» к Обской губе «...в массовом количестве. Песец плыл через Обскую губу на острова. Часть песца погибнул на воде, частью на островах»⁴⁶.

Среди других добывающих промыслов были заготовка дровяного (для проходов) и строевого леса. Дрова заготавливали в лесу и в пойме-«таловые». Кушеватские старожилы в 1930-е гг. рубили дрова рядом с селом, «преимущественно по протоке Кушеватской. Для заготовки дров использовали валежник и мелкий лес главным образом лиственные породы. Строевой лес для построек самих граждан с. Кушеват берется из обширных лесных пространств, расположенных по горе»⁴⁷. Жители с. Мужа заготавливали дрова для пароходов. Ещё в первой половине 1930-х гг. пароходы загружались здесь дровами из расчёта дойти без пополнения запасов топлива до низовий Оби и вернуться в Мужа⁴⁸. Жители пос. Лабытнанги в начале 1930-х гг. лес рубили «преимущественно в северной части от Лабытнангов»⁴⁹. Дрова здесь заготавливали для себя и для продажи в Обдорске. Но вблизи Лабытнангов лес имелся только дровяной. Поэтому за строевым лесом ездили на р. Собта-Юган «здесь лиственница была получше»⁵⁰. Немалое количество леса

45 Там же. Д. 75. Л. 19-20 об.

46 Там же.

47 Там же. Д. 26.

48 Там же. Д. 80. Л. 35.

49 Там же. Д. 82. Л. 54 об.

50 Там же. Л. 55.

41 ГА ЯНАО Ф. 12. ОП. 1. Д. 83. Л. 6.

42 Там же. Л. 45.

43 Там же. Л. 78.

44 Там же. Д. 75.

уходило на хозяйственные нужды. По подсчетам лесных специалистов, выполненным в первой половине 1930-х гг., на нужды одного хозяйства на р. Надыме в год уходило около 40 кубометров леса. Кроме дров и других потребностей лес шёл на строительство жилья и транспортных средств. Так, амортизация домов «...небольших, почти лишённых хозяйственных построек» на Надыме составляла около 40 лет. Амортизация лодки-колданки-3 года, городовушки-5 лет, неводника-6 лет⁵¹. Здесь же в лесных районах края (с.с. Мужы, Кушеват) собирали дикоросы (кедровый орех, грибы, ягоды), но промыслового значения эти занятия не имели. Так, в с. Мужы старожилы собирали «масленники», грузди. «До войны» грибов было очень много. Один грибник набирал по 8 ведер «за раз». Из ягод собирали бруснику, чернику, голубику: «Чернику брать трудно-с ведро наберешь. Легко брать бруснику-сразу в горсть». Бруснику брали на «гривах»-облесенных холмах. На таких холмах растёт одна брусника. С гривы брали иногда по 7 ведер ягоды. Ездили по ягоду с ночёвкой семьями⁵². На Надыме морошка могла собираться в первой половине 1930-х гг. до 50-ти кг. на человека в день, голубика-до 20 килограммов. Голубику здесь собирали до заморозков «...мариновали или обращали в повидло». Морошку собирали незрелой. Брусника и клюква на Надыме собирались поздней осенью и хранились в свежемороженном виде⁵³. Еще на Надыме произрастали «...употребляемая местным зырянским населением малоценная ягода водяника и редко костяника». Росли в надымских лесах княженника («куманика») «довольно обильно», рябина, черёмуха, два вида смородины-красная и чёрная. Из этих ягод «местное население» особенно охотно собирало смородину. Из грибов в надымской пойме преобладали «обабки» и «масленники». Белый гриб встречался лишь изредка⁵⁴. Лабытнангские зыряне в первой половине 1930-х гг. собирали близ посёл-

ка бруснику, клюкву, чернику «для своих потребностей»⁵⁵.

Таким образом, лес был настоящим богатством для местного жителя. Но леса страдали от пожаров. Обширные пожарища видел по берегам Надыма Н.К. Хондажевский в 1870-е годы⁵⁶. Скорее всего это были следы сильного пожара, произошедшего около 1853 года. К такому заключению пришли лесные специалисты Дзякович и Емельянов, которые в 1933-1934 гг. побывали на Надыме в составе экспедиция землеустроителей. Кроме того, они выяснили, что леса на Надыме сильно горели ещё дважды. Первый раз около 1883 года. Во время этого пожара деревья обгорели и валились с вывернутыми из почвы корнями. Во второй раз, в 1918 г.: «...было уничтожено всё горючее, почва оголена до песка»⁵⁷. Похоже, описанные выше лесные пожары носили характер региональных катастроф. Во всяком случае, около 1853 г. горели леса и в Приуральском районе. «Со слов местных жителей» по р. Сось-Юган в это время выгорели леса на площади в 500 гектаров. В надымских лесных пожарах, между прочим, молва винила ненцев. Якобы таким способом обитатели тундры мстили за притеснения со стороны революционных властей. Однако по этому поводу Дзякович и Емельянов замечали, что даже в 1934 г. революционные преобразования ненцев мало коснулись. Они, как и встарь, преспокойно каслали в отдаленных тундрах⁵⁸. Лесные пожары были страшны ещё и тем, что уничтожался ягель-корм оленей. На недавних пожарищах ягеля подолгу не было вовсе. Молодой ягельник, пригодный в пищу оленей, появлялся не сразу. Например, в 1931 г. на р. Куноват молодые ягельные боры (25-35 летней давности пожара) составляли около половины всей площади боров. Особенно широко такие боры распространялись в водоразделе Куновата и Казыма. Боров,

55 Там же. Д. 82. Л. 55.

56 Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом//Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. М., 1879. Кн. 2. С. 14.

57 ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 32-38 об.

58 Там же. 21. Л. 12, 18-18 об.

51 Там же. Л. 32.

52 Записано от Хозяиновой А.Н., Рочева Ф.А., с. Мужы.

53 ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 40-об.-41.

54 Там же. Л. 41.

выгоревших недавно и совсем лишенных по этой причине ягельников, было немного⁵⁹. Заметны были не только последствия пожаров, но и следы порубок. Так в 1934 г. лесные специалисты отметили, что вблизи Лабытнангов и Аксарки лес изрядно прорежен топором дровосека⁶⁰. Правда, места порубок подвергались элементарной очистке: «Способ очистки мест рубки зырянами-сжигание сучьев на костре»⁶¹. Впрочем, в целом лес в этом районе был в хорошем состоянии. Лес здесь тянулся на северо-восток до р. Хоровая, на северо-запад-до Сось-Югана, на запад—до тундры (8 км.). Основные породы-лиственница и берёза. Деревья были достаточно рослыми. Средняя высота составляла около 5 метров, а возраст от 80 до 150 лет. Отдельные экземпляры росли уже 200 лет (1933 г.)⁶². Хуже дела обстояли непосредственно близ Обдорска и в некоторых других местностях, где лес был в значительной степени вырублен уже к первой половине 1930-х годов. Под антропогенным воздействием формировались переотложенные почвы, так называемая пятнистая тундра. Пятнистая тундра получила такое название потому, что растительность на ней (мхи и трава) располагалась островками (пятнами). В результате рубки лесов почвенный слой разрушался и сдувался ветром. И только много времени спустя на песке вновь появлялась растительность, но уже пятнами. Замещение лесов пятнистой тундрой интенсивно шло к первой половине 1930-х гг. в окрестностях Обдорска, окрестностях Нового порта и в поймах «некоторых речек Обско-Тазовского поселкового совета»⁶³. О последней местности землестроители в 1934 г. писали, что «Безсистемные рубки последних лет, связанные с развитием хозяйственной деятельности района (Тазовский р-н-С.Т.) привели к полному уничтожению леса в местах, приближённых к населённым пунктам»⁶⁴. Правда, вряд ли,

повинны в таком положении дел были местные жители. Скорее всего, так похозяйничали государственные и кооперативные лесозаготовители. Местные жители, напротив, как умели, пытались защитить свои леса от государственных порубок. С этой целью они стремились ввести в заблуждение лесоустроителей, изучавших в 1933 г. вопрос о возможности заготовки дровяного и строевого леса в данном районе для государственных нужд, что неминуемо привело бы к массовым вырубкам: «Местное население всеми силами старалось препятствовать, тормозить в отыскании леса, а также запугивали сплавом, что здесь вода не поднимается, а сама река Сось очень быстрая и у вас всё изломает, всё пропадёт напрасно. Заготовление сплавом отговаривали и тормозили найти лес, на что было затрачено много времени и средств, а также при подготовке к сплаву затрачено лишние километры по вывозке»⁶⁵.

Таким образом, традиционная хозяйственная структура старожильческого населения региона во многом шла за природными условиями. Среди добывающих промыслов особенно выделялись охота и рыбная ловля. Способы и орудия добычи зверя, дичи и рыбы следовали за особенностями тех или иных промысловых угодий. Рыболовный и охотничий промыслы были просто невозможны без глубоких знаний о повадках и особенностях жизненного цикла промысловых животных. Необходимы были также знания о климате и особенностях речного стока. Все эти обстоятельства приходилось учитывать охотнику и рыболову. Так, рыболовный промысел должен был следовать за сроками вскрытия льда на Оби-«вонзь», учитывать явление «замора» и даже появление в Обских водах дельфинов (белух), которые распугивали рыбные косяки.

Интенсивная хозяйственная деятельность человека даже в условиях традиционной хозструктуры вела к изменениям природной среды. Экологически безвредных систем природопользования даже традиционных история мирового хозяйства не знает. Все хозструктуры в той или иной степени грешат

59 Там же. Д. 30.

60 Там же. Д. 82. Л. 54 об., 73.

61 Там же. Л. 67 об.

62 Там же. Л. 55.

63 Там же.

64 Там же. Д. 115.. Л. 120 об.

65 Там же. Л. 68.

потребительским, а то и напрямую хищническим отношением к природным ресурсам. Впрочем, традиционное лесопользование, по свидетельству лесных специалистов, в начале 1930-х гг. было вполне щадящим. Зыряне даже практиковали очистку мест порубок-костры из ветвей и вершинника. А вот в охотничьем промысле в частности при добыче песка самые варварские методы-выкуривание и выкапывание щенков из нор даже назывались «зырянскими». Это в купе с другими обстоятельствами привело к тому, что к началу 1930-х гг. были сильно

подорваны запасы ценного пушного зверя в таёжной полосе региона. В тундровой полосе практически исчезла популяция дикого оленя. Правда эти негативные результаты был достигнут совместными усилиями старожилов и аборигенов. Так же благодаря совместным усилиям старожилов и аборигенов появляется так называемая «пятнистая тундра». Как рядом со старожильческими населенными пунктами, так и рядом с аборигенными юртами лес исчезал значительно быстрее, нежели в местах не заселенных.

**ТРУДНАЯ СУДЬБА ЗАПОЛЯРНОЙ НИВЫ:
АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА ЯМАЛА
НА ПЕРЕЛОМЕ РАЗВИТИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – 1950-Е ГГ.)**

Зубков К.И., Корнилов Г.Е.

История Ямала в XX в. неотделима от упорных попыток сформировать в труднейших природно-климатических условиях Севера надежную базу развития отраслей растениеводства и животноводства, навыки которых были когда-то принесены сюда русской колонизацией из более южных районов страны. Осуществление этих опытов диктовалось не только необходимостью пополнять местными ресурсами небогатый рацион питания северян, но и определенными идеологическими установками — стремлением одержать средствами селекционной науки победу над силами природы и создать на Севере условия жизни, сопоставимые с «материком». Первые масштабные начинания в этой области были сделаны в конце 1920-х — 1930-х гг. В годы Великой Отечественной войны значительная часть населения Ямала, в том числе коренного, стала заниматься выращиванием овощей и картофеля, спасаясь от голода.

В послевоенные годы в округе были возобновлены активные усилия по развитию на Ямале ряда отраслей земледелия и животноводства. Большую роль в культивировании растениеводства на Ямале сыграл энтузиаст приполярного земледелия, видный ученый-селекционер и агроном Борис Владимирович Патрикеев. В 1945–1949 гг. он работал начальником сельхозуправления округа, а затем заведующим сельхозотделом окружкома партии. Работая с 1955 г. директором совхоза «Салехардский», Б.В. Патрикеев выполнял обязанности старшего агронома округа. В 1946 г. за заслуги в развитии сельского хозяйства округа в годы войны Борису Владимировичу было присвоено звание «Отличник сельского хозяйства», а в 1950 г. он был награжден орденом Трудового Красного знамени¹.

Площадь пашни в округе постепенно увеличивалась: в 1945 г. она составляла 345 га, в 1950 — 327 га, в 1955 — 420 га (из них на колхозы приходилось около 60%); общая площадь теплиц и парников составляла в колхозах, на предприятиях и в личных подсобных хозяйствах населения около 3 тыс. кв. м. О структуре посевных площадей округа дают представление данные за 1949 г.: из общей посевной площади в 316 га на картофель приходилось 146 га, овощи — 134 га, кормовые корнеплоды — 32 га, зерновые культуры (в основном ячмень) — 2 га, на лен и коноплю — 2 га². В отдельных колхозах округа получали с гектара до 100 ц картофеля с гектара, более 300 ц капусты, выращивали в открытом грунте скороспелые сорта других сельскохозяйственных культур (репа, редис, морковь, свекла), в теплицах — огурцы и томаты. В 1954 г. лучшие земледельцы края были посланы на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Лучшими показателями в развитии отраслей растениеводства отличались южные районы округа: Шурышкарский, Красноселькупский, Пуровский.

Однако, несмотря на эти достижения, в течение 1950-х гг. происходило постепенное сокращение посевных площадей и показателей урожайности. С 1952 по 1958 г. общие посевные площади в колхозах Ямало-Ненецкого округа сократились с 261,8 до 208,4 га. Урожайность картофеля — основной сельскохозяйственной культуры в округе — была отмечена неровными показателями: в 1948 г. она составила 100,6 ц с га³, в 1954 г. — 80,5 ц с га, а с 1956 г., достигнув своего пика — 101,1 ц с гектара, упала до 29,7 га в 1958 г⁴. Характерно,

2 Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 54. Д. 159. Л. 24.

3 Там же. Л. 25.

4 Броднев М.М. Экономика колхозов / Ямальская сельскохозяйственная опытная станция, отдел экономики. — Салехард, 1959. — С. 118, 124.

1 Патрикеев Н.Б. Патрикеев Борис Владимирович // Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. В 3 т. — Т. 2. — Салехард; Тюмень, 2004. С. 274.

что показатели урожайности картофеля по Салехардской (Ямальской) сельскохозяйственной опытной станции Института сельского и промыслового хозяйства Крайнего Севера в эти годы в среднем в 2 и более раз превышали результаты колхозов. Средний сбор овощей с гектара в опытном производстве в разные годы составлял от 150 до 300 ц/га, что было в несколько раз выше, чем в колхозах. Это говорило о том, что на Севере возможно было получать высокие урожаи картофеля и овощей, но это требовало неординарных усилий. Некоторые колхозы округа (например, «Путь к коммунизму» Шурышкарского района) достигали неплохих показателей рентабельности в производстве картофеля и овощей. В 1954 г. бригадир овощеводов колхоза «Путь Ленина» Шурышкарского района А.С. Рочева за высокие урожаи картофеля была награждена орденом «Знак Почета».

И все же отдельные достижения в развитии отраслей растениеводства и особенно показатели работы опытных хозяйств не определяли общей картины развития сельского хозяйства. В справке Тюменскому обкому ВКП(б) по состоянию сельского хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа за 1951 г., отмечалось, что продукция полеводства в многоотраслевом хозяйстве большинства колхозов не является доходной отраслью, а в других составляет ничтожную долю. Например, в колхозе «Промышленник» Надымского района доходы от оленеводства и животноводства составляли 33 тыс. руб., от рыбодобычи — 15 тыс., от охотничьего промысла — 2,8 тыс., а от полеводства — лишь 1 тыс. руб. В связи с этим, несмотря на трафаретный тезис о желательности превращения полеводства из подсобного занятия в отрасль общественного производства, констатировалось, что «в колхозах округа крайне слабо продвигаются полеводческие и овощные культуры», хотя «картофель и овощи вполне созревают, особенно в южной части округа». Главной причиной отставания отраслей овощеводства — вполне в духе времени — объявлялось отсутствие «достаточной заботы со стороны руководства округа», примером чему

являлась острая нехватка семенного картофеля во многих районах округа, в том числе для выдачи рабочим и служащим Салехарда⁵. Однако причины упадка отраслей полеводства в округе были значительно глубже: они коренились в общей неустойчивости его развития на Севере, в критической зависимости производства от погодно-климатических условий, в низком уровне механизации. В материалах, подготовленных в 1950 г. Тюменским областным статистическим управлением для выезжавшей в округ бригады ЦК ВКП(б), отмечался «низкий уровень агротехники и механизации сельскохозяйственных работ», полное отсутствие в сельском хозяйстве округа МТС и тракторов. На фоне значительного расширения посевных площадей количество сельхозорудий, находящихся в распоряжении колхозников, оставалось недостаточным. Весь «арсенал» сельхозорудий в округе в 1949 г. состоял из 75 плугов, 87 борон, 29 сенокосилок, 32 конных граблей. Количество парниковых рам составляло 573, общая площадь теплиц 352 кв. м. В округе практически отсутствовала структура сельхозснабжения, не завозились минеральные удобрения⁶.

На ограниченные возможности развития земледелия на Ямале влияли и причины общеэкономического порядка. Исходя из научно установленных норм потребления картофеля и овощей, общая потребность Ямало-Ненецкого автономного округа в этих видах продовольственных ресурсов составляла 7200 т и 6500 т, соответственно⁷. При имеющихся посевных площадях и низком уровне механизации колхозы округа могли удовлетворять лишь ничтожную часть этих потребностей; их усилия не снимали задачи доставки основных объемов сельхозпродукции с «большой земли» путем северного завоза. А это не побуждало должным образом ни колхозы, ни руководство округа заниматься формированием сколько-нибудь устойчивой организации сбыта сельхозпродукции колхозами потребителям и, как результат, не

5 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 158. Л. 98, 102.

6 Там же. Д. 159. Л. 25.

7 Броднев М.М. Указ. соч. — С. 118–119.

создавало серьезных стимулов для развития картофеле- и овощеводства. Другой важнейшей причиной отставания являлось то, что развитие производственной специализации как основной путь повышения доходности колхозов объективно ставило овощеводство в невыгодные условия по сравнению с более продуктивными отраслями северного промыслового хозяйства; усилия колхозников по расширению посевов картофеля и овощей, повышению урожайности становилось лишь фактором, отвлекающим их от основной производственной деятельности.

Не менее сложным было положение с развитием животноводства в округе. В предвоенные годы много сделали для развития животноводства в округе Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) и Салехардская (Ямальская) сельскохозяйственная опытная станция. За годы войны поголовье домашних животных значительно сократилось, но уже к концу 1940-х гг. наметилась тенденция к его восстановлению. По состоянию на 1948 г., животноводство в Ямало-Ненецком национальном округе развивалось в 50 колхозах, из них 10 имели молочно-товарные фермы, 18 — конефермы, 1 — птицеводческое хозяйство. Однако общие размеры поголовья в округе были незначительны: всего на начало 1948 г. в колхозах имелось 1271 лошадей, 1143 голов крупного рогатого скота, 85 овец⁸. Состояние дел в животноводстве находилось в критической зависимости от развития кормовой базы. Хотя заливные луга долины Оби позволяли развивать кормовую базу животноводства, в том числе молочного, неблагоприятные природные факторы этому препятствовали. Так, например, наводнение в 1946 г. не позволило многим колхозам заготовить нужное количество грубых кормов, а то, что было заготовлено, оказалось низкого качества. Результатом был значительный падеж скота в зиму 1946—1947 гг. За 1947 г. падеж взрослого поголовья лошадей составлял 6,2%, крупного рогатого скота — 2,5%, а молодняка существенно выше: жеребят — 14,4%, телят —

13,4%, ягнят — 46,6%⁹. Как результат, прирост поголовья был низкий, а иногда наблюдались его резкие колебания. Так, за 1949 г. за счет приплода и закупок общественное стадо крупного рогатого скота в округе выросло с 1218 до 1812 голов (т.е. на 594 головы), однако за то же время из-за падежа, вынужденного забоя и выбраковки было потеряно 445 голов. Таким образом, в результате действительный прирост поголовья составил лишь 149 голов. Поголовье лошадей в колхозах округа за 1948 г. увеличилось до 1468 голов, а за 1949 г. снизилось до 1058 голов¹⁰. Низкий уровень механизации в сенокосении, дефицит сенокосилок и конных граблей вели к недостаточным объемам заготовки кормов. Остро ощущался недостаток концентрированных кормов. Из-за небольших размеров посевных площадей и низкой урожайности зерновых кормов, ограниченных возможностей завоза комбикормов в округе, фактически, отсутствовали условия для развития свиноводства в сколько-нибудь крупном размере; свиней разводили лишь в подсобных хозяйствах предприятий, учреждений и отдельных семей. В личных подсобных хозяйствах сосредоточивалось и основное поголовье коз и овец. Таким образом, по условиям своего развития животноводство на Ямале, как и земледелие, было подвержено значительным факторам риска. Трафаретные же указания документов конца 1940-х — начала 1950-х гг. на наличие в округе колхозов, которые получали «основной доход» от животноводства и полеводства, не должны вводить в заблуждение: речь в этих случаях, как правило, шла о маломощных, хиреющих колхозах, где по причине преклонного возраста большинства жителей и неудовлетворительного развития промысловых отраслей население выживало в основном за счет домашнего животноводства и скудной продукции с личных огородов. Даже в тех местах, где было «достаточно выгонов и сенокосных угодий», скота в колхозах было мало — считанные единицы голов (менее 10)¹¹.

⁹ Там же. Л. 141–142.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 158. Л. 100–101.

¹¹ Там же. Л. 13.

⁸ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 1. Д. 120. Л. 140, 141.

В 1950-е гг. среди отраслей животноводства главное место занимало разведение крупного рогатого скота, а основные усилия колхозов сосредоточивались на развитии молочного животноводства. На начало 1950-х гг. приходится пик роста колхозного поголовья крупного рогатого скота (в 1952 г. — 2043 голов), к концу же десятилетия оно из года в год снижалось. В 1958 г. в общественном стаде содержалось только 1376 голов крупного рогатого скота. Особенно большое сокращение поголовья произошло за 1950-е гг. на севере округа, где остро ощущался недостаток кормовой базы: в Ямальском районе поголовье крупного рогатого скота сократилось со 124 голов в 1952 г. до 52 — в 1958 г.; в Надымском районе — со 180 до 58. В ряде колхозов сокращение стада, фактически, привело к тому, что животноводство перестало играть сколько-нибудь заметную роль в экономике колхозов. В 18-ти колхозах округа имелось менее 10 коров; в двух (им. Сталина Надымского района и им. Сталина Ямальского района) — всего по 2 коровы. Вместе с тем, на общем фоне сокращения поголовья крупного рогатого скота состояние поголовья коров выглядело более стабильным. В 1954 г. оно достигло максимума (959 голов), а затем плавно снижалось. Но при этом в 1958 г. в общественном стаде имелось 797 коров — на 13 голов больше, чем в 1952 г.¹² Это свидетельствовало о том, что, несмотря на общую убыль поголовья крупного рогатого скота и его низкую продуктивность, животноводство в округе к концу 1950-х гг. постепенно приобретало специализацию, связанную с развитием молочно-товарного хозяйства. Важным качественным показателем этой тенденции явился устойчивый рост надоев молока на одну фуражную корову на фоне некоторого снижения общего поголовья коров — с 1285 л в 1954 г. до 1641 — в 1958 г.¹³ В 1950-е гг. положительная тенденция наблюдалась в развитии коневодства: поголовье лошадей во всех видах хозяйств увеличилось с 2,4 тыс. голов в 1950 г. до 2,8 тыс. — в 1960 г. Лошади использовались на транспортных,

лесовозных, полевых работах, при заготовке сена на зиму¹⁴. В 1950-е гг. в сторону большей специализации изменялась и география развития животноводства: оно, по условиям своего развития, стало больше тяготеть к южным районам и приобской части округа, где имелись необходимые кормовые угодья.

В начале 1960-х гг. всего в округе насчитывалось 4,7 тыс. голов скота. Однако развитие животноводства было неустойчивым, а продуктивность скота оставалась низкой. Для большинства колхозов животноводство оставалось нерентабельной отраслью сельского хозяйства. К концу 1950-х гг. себестоимость производства молока в колхозах была неоправданно высокой и колебалась в очень широких пределах — от 157 до 600 руб. за ц, что объяснялось в основном условиями заготовки кормов. В большинстве колхозов сено по-прежнему заготавливалось вручную, уровень механизации животноводства оставался на низком уровне¹⁵. По показателям рентабельности домашнее животноводство сильно уступало промышленным отраслям, в частности, оленеводству. Так, по итогам работы Ямальской сельскохозяйственной опытной станции за 1962 г., на 100 руб. затрат в молочном животноводстве здесь было получено продукции на 106 руб., в то время как в оленеводстве — 183 руб.¹⁶ Если такой была ситуация в опытном производстве, то в обычных условиях содержание молочного скота становилось, конечно, просто убыточным. Не все выглядело таким безнадежным в опытном производстве мяса: на той же Ямальской опытной станции в 1962 г. себестоимость центнера говядины составила 18 руб. 80 коп., в то время как центнер оленины стоил здесь 29 руб. 96 коп.¹⁷ Однако, если оленеводство могло развиваться на подножном корме, то продуктивность домашнего животноводства критически зависела от наличия подготовленной кормовой базы, которую вне ограничен-

12 Броднев М.М. Указ. соч. — С. 120.

13 Там же.

14 Иваненко В.Е. Коневодство // Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. — Т. 2. — С. 44.

15 Броднев М.М. Указ. соч. — С. 121.

16 Липатова Л.Ф. «Сава луца» — хороший человек М.М. Броднев. — Тюмень, 2008. — С. 267.

17 Там же.

ных масштабов опытного хозяйства создать было трудно.

Попытки развивать в условиях Ямала в послевоенные годы различные отрасли растениеводства и животноводство, в широких масштабах практиковать парниковое и тепличное хозяйство еще в значительной степени являлись отражением господствовавшей в 1930-х – 1950-х гг. комплексной, или интегральной, концепции развития производительных сил Севера, рассчитанной на достижение максимального самообеспечения по всем видам продукции. Согласно этой концепции, имевшей определенный идеально-утопический крен, преимущества социалистического способа хозяйствования (прежде всего, сосредоточение всех финансовых ресурсов в руках государства и научное планирование), а также будущий прогресс науки и энтузиазм трудящихся позволяли создать на Севере такую же широко диверсифицированную экономику и такие же полноценные, комфортабельные социальные условия проживания людей, как и на «большой земле». Будущий образ экономики и социальной сферы Севера мыслился в рамках этих представлений довольно шаблонно – как полное воспроизведение в экстремальных приполярных условиях того, что могло быть типично для средней полосы Европейской России¹⁸. Как детище своего времени, политика интегрального развития объяснялась не только скудостью материально-технических, финансовых и кадровых ресурсов, но и «островным» характером самого процесса освоения Севера, обусловленным его суровыми природными условиями и транспортной изолированностью. В этом комплексном подходе к развитию Севера были свой позитивный смысл и свое рациональное зерно: он отчасти работал на преодоление однобокого, социально ущербного развития Севера как объекта избирательной ресурсной эксплуатации. В целом установка на достижение в условиях Севера такого же уровня рентабельности по

всем отраслям сельского хозяйства являлась объективно недостижимой и утопической, но до тех пор, пока эта изолированность Севера представляла непреодолимую проблему, в действие вступали в ряде случаев не законы рентабельности производства, а законы его принципиальной осуществимости. Невыгодные с общеэкономической точки зрения виды производства являлись абсолютно необходимыми с социальной точки зрения. М.М. Броднев в 1959 г. так обосновывал эту мысль: «Делячески подходить к рентабельности нельзя, даже в тех колхозах, где животноводство дает убыток, ликвидировать его нельзя. Общеизвестно, что большинство детей коренного населения питаются тем, что едят взрослые. Обеспечить хотя бы детей и больных свежим молоком – обязанность каждого колхоза»¹⁹.

Эволюция представлений о возможности развития на Севере земледелия и животноводства наглядно прослеживается по директивным документам, в соответствии с которыми осуществлялась организационно-экономическая деятельность партийного и хозяйственного руководства Ямало-Ненецкого национального округа. В постановлении Совета Министров РСФСР «О работе Ямало-Ненецкого окрисполкома Тюменской области» № 595 от 26 июля 1949 г., наряду с необходимостью «определить наиболее целесообразное направление развития хозяйства колхозов», перед руководством округа среди приоритетных ставилась задача доведения посевных площадей колхозов в 1950 г. до 450 га, количества парников – до 1500 рам, площади теплиц – до 600 кв. м²⁰, что явно превышало производственные возможности колхозов. К следующему сезону полевых работ в 1950 г. колхозам округа ценой больших усилий удалось построить лишь 900 парниковых рам и расширить площадь теплиц до 435 кв. м. Посевные площади были доведены до 310 га, но из них засеяно было только 282,6 га²¹. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию

18 См.: Незнаев А.М. Роль межрегиональной интеграции в социальном развитии Российского Севера // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации. – Екатеринбург, 2005. – С. 173–174.

19 Броднев М.М. Указ. соч. – С. 121.

20 ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 101. Л. 131.

21 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1398. Л. 338.

экономики и культуры народностей Севера» № 300 от 16 марта 1957 г. уже более реалистически подходило к развитию сельского хозяйства на Севере – требовалось обратить основное внимание на «развитие в колхозах основных отраслей общественного хозяйства – оленеводства, охотничье-пушного и морского зверобойного промыслов, звероводства и рыболовства», ограничив задачу развития животноводства, производства картофеля и овощей только теми районами, «где имеются благоприятные природные условия и экономическая целесообразность»²². Это свидетельствовало о том, что принцип хозяйственной специализации Севера постепенно пробивал себе дорогу; прежнее, не считавшееся с затратами стремление развивать в регионе весь

круг отраслей сельского хозяйства уже не считалось вполне рациональной практикой. Определившиеся в течение 1950-х гг. тенденции развития земледелия и животноводства на Ямале не только с очевидностью отражали эту смену установок, но и в известной степени ее предвосхищали. По мере того, как развитие отраслей растениеводства и животноводства становилось все более затратным, они стихийно стали сокращать объемы своего производства, перемещаться из общественного сектора в сферу коллективного и личного подсобного хозяйства. По мере улучшения транспортных связей и системы северного завоза, повышения их надежности, все больше продовольственных ресурсов стало завозиться из южных районов страны.

²² Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 149. Л. 46.

ЯМАЛЬСКИЙ СЕВЕР В СОВЕТСКОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

К.И.Зубков

В то время как значение XX века в истории Ямальского Севера можно обобщенно сравнить с мощным кумулятивным эффектом реализации тех исторических накоплений, которые совершались на его территории в течение многих столетий, сам этот век в истории Ямала характеризуется далеко не равномерными темпами исторических преобразований: то, что происходило здесь до середины 1960-х гг., с очевидностью несло в себе черты замедленного периферийного развития, а то, что наступило после этого рубежа, можно смело уподобить мощному историческому взлету, результатом которого стало превращение Ямала в один из важнейших в стратегическом отношении регионов России. То, что прорыв в развитии региона, связанный с эпопеей освоения богатейших газовых и нефтяных ресурсов региона, совершился именно в рамках советской модели экономики и политики, заставляет видеть его истоки в тех исторических предпосылках, которые были сформированы изменением общей политики государства по отношению к Северу после 1917 г.

Активный, хотя и не лишенный лихорадки ошибочных и поспешных движений, характер этой политики не вызывает сомнений. Уже по этим основаниям ее реконструкция, как и уяснение логики ее развития, имеет большое значение для нашего времени, когда внимание к Арктике как стратегическому резерву экономического возрождения России вновь заметно возрастает. Трудность же изучения этого вопроса заключается, во-первых, в том, что развитие территорий Севера на разных этапах советской власти неизбежно принимало избирательно-односторонний (в соответствии с профилем вовлекаемых в него ресурсов и факторов природной среды) и было далеким от идеального процесса освоения, понимаемого как достижение комплексного социально-экономического эффекта; во-вторых, в том, что в течение

советского периода так и не был до конца разрешен вопрос о том, должен ли Север, в принципе, осваиваться как комплексный, гармонично развиваемый в экономическом, социальном и культурном отношениях макрорегион. Ответ на последний вопрос обнаруживался не столько на уровне теории социалистического планирования, сколько эмпирически. Очевидно, что какой бы степени комплексности ни достигал тот или иной профиль освоения Севера, любая создаваемая здесь отрасль производства хотя бы в зачаточном виде порождала более широкий социальный эффект (заселение, создание транспортной и социальной инфраструктуры и т.п.) — и, наоборот, любые мероприятия административно-политического или социально-культурного, цивилизующего характера на Севере не могли не рассматриваться как плацдарм для будущего экономического освоения.

Не вполне состоятельны в этом свете и столь частые в прошлом попытки жестко «привязать» содержание и логику политики освоения Севера к этапам развития общей социально-экономической политики страны, а тем более оценивать ее по тем или иным объективным экономическим показателям степени развитости — например, по определенному уровню развития производительных сил и транспортной сети, по типу и техническому уровню создаваемых на местах производств¹. В силу неравномерности и «очаговости» развития в разных регионах северной зоны эти этапные рубежи развития советской экономики оказываются привязаны к разным отрезкам времени, и потому данный подход вряд ли может исчерпывающим образом характеризовать содержание процессов освоения Севера в историческом аспекте. Вряд ли даже можно

¹ Именно такой подход к проблеме когда-то предлагался видным советским североведом С.В. Славиним. См.: Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. С. 57–81.

в этом контексте рассматривать российский Север как принципиально единый макро-регион.

Эти методологические трудности хорошо иллюстрируют попытки распространить на политику освоения Севера общих приоритетов советской политики «строительства социализма», в частности, такого ее ведущего звена, как индустриализация. Достижения советской власти в индустриальном освоении Севера в 1920-х – 1930-х гг. бесспорны, но, в силу колоссальных затрат на него, осуществляемые индустриальные проекты не могли не носить очагового характера и ориентировались, прежде всего, на критерии ценности и дефицитности осваиваемых ресурсов (нефть Ухты, уголь Воркуты, апатиты Кольского полуострова, медно-никелевые руды Мончегорска и Норильска, золото, олово и полиметаллы Колымско-Индигирского района) или на удобство путей сообщения для вывоза продукции (лесная и целлюлозно-бумажная промышленность Карелии и Архангельского Севера)². Уже на этом основании из индустриализационной программы развития как общего порядка развития в довоенный период должны были исключаться обширные территории Крайнего Севера, в том числе и Ямальский Север, который, по справедливому замечанию канадского историка Р. Норты, вплоть до 1960-х гг. оставался экономической «тихой заводью»³. Единственным отзвуком индустриализации на Ямальском Севере стали технические усовершенствования в рыбной промышленности в 1930-х – 1950-х гг., но они не изменяли в качественном отношении тип хозяйственного развития Ямала, базировавшийся на традиционных промысловых отраслях, и не могли рассматриваться как полноценная индустриализация.

По этой причине в основу определения содержания советской региональной политики на Севере должны, скорее, быть положены комплексные управленческие подходы, конкретные проявления которых могли варьиро-

ваться в степени и способах охвата различных сфер жизни общества, но не утрачивали при этом связи с общим типом и уровнем разработки региональной политики. В этом отношении последняя была обусловлена, прежде всего, уровнем научного мышления эпохи, целями, задачами и ресурсными возможностями советской власти, господствующими представлениями о приоритетах развития.

В том повышенном внимании, которое с первых лет советской власти уделялось научным исследованиям и освоению районов Крайнего Севера, не следует искать каких-то особых, идеологически вдохновляемых амбиций советского руководства. Опережающее хозяйственные возможности политическое внимание к северным окраинам, прежде всего, объяснялось геополитикой становления «социализма в одной стране», и этот преимущественно политический подход, по условиям того времени, был вполне прагматичным. Собственно же экономическая политика для Севера не была тогда ни доктринально предпринятой, ни ситуационно-произвольной. К началу 1920-х гг. в проектах Госплана СССР существовало, по крайней мере, три варианта перспективной стратегии освоения Севера, которые причудливо отразили в себе вытекавшие из теории социализма политические иллюзии и грубо-меркантильные, почти колониалистские подходы⁴.

Первая стратегия (условно обозначим ее как «автохтонно-эндогенную») предполагала ставку на «туземный» вариант управления Севером – «употребить все силы на то, чтобы жители Севера постепенно вошли во владение территорией этого края». Основной политический акцент предполагалось сделать на «развитие населения» Севера и оказание ему всевозможной культурно-технической помощи с тем, чтобы оно в дальнейшем своими силами могло обеспечить общее экономическое и культурное развитие своих территорий. Попытка претворить в жизнь эту стратегию

2 Там же. С. 57–66.

3 North R.N. Soviet Northern Development: the Case of NW Siberia // Soviet Studies. 1972, October. Vol. XXIV, No. 2. P. 172.

4 Эти идеи были представлены представителем Госплана К.Н. Миротворцевым на Омском межгубернском совещании по районированию Сибири в августе 1923 г. См.: Государственный архив Свердловской области. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 68об. – 69.

в 1921–22 гг. воплотилась в захватывающей и полной интриги борьбе отдельных энтузиастов за создание туземной «Полярной республики», которая должна была включить в свои границы практически всю северную периферию России⁵. По мысли инициаторов проекта, это национально-политическое образование, в соответствии с декларируемым правом наций на самоопределение, должно было вручить судьбу аборигенов Севера в их собственные руки, обеспечив максимально свободную от внешнего диктата форму самоуправления. Понятно, что этот идеалистический проект столкнулся не только со слабостью собственных политических и культурных сил на Севере. Он был явно расхоличен с позиций текущих хозяйственно-финансовых приоритетов советской власти и к тому же чреват геополитическими рисками, поскольку выводил Север из-под эффективного политического контроля центра.

Вторая стратегия была рассчитана на постепенную «ассимиляцию» Севера южными частями Сибири, т.е. поэтапное втягивание его пространства в орбиту хозяйственных преобразований, осуществляемых в обжитой зоне. Недостатком этой градуалистской «ассимиляционной» стратегии было то, что отдача от колоссальных и по большей части не окупаемых затрат на ее реализацию могла быть рассчитана лишь на очень отдаленную перспективу.

Фактор времени и соображения экономии средств склоняли выбор Госплана в пользу третьей – более прагматичной – точки зрения: «Если мы не можем скоро ассимилировать Север, то мы должны его использовать». Эта третья, «эксплуатационная», стратегия предполагала в ускоренном порядке наладить извлечение богатств северных территорий для организации торговли с границей, в частности, через использование Северного морского пути. На первое место ставилось использование рыбных богатств, затем должна быть налажена добыча пушнины, а в дальнейшем

– разработка наиболее ценных полезных ископаемых (платины, графита, золота). Такая коммерчески ориентированная эксплуатация богатств Севера должна была определять содержание государственных задач по его развитию. Удовлетворение общегосударственных интересов за счет северных территорий ставилось на приоритетные позиции по сравнению с задачами местного значения, содержание которых в основном сводилось к текущей поддержке туземного населения «в порядке охраны национальностей». При этом очевидно для того, чтобы снять все возможные намеки на колониальный характер эксплуатации Севера, подчеркивалось, что использование его ресурсов будет скорее и вернее, чем что-либо еще, вести к охвату северных территорий торговыми и промышленными предприятиями, к «народнению» новых материализованных связей с Севером.

Перед нами, фактически, эскизный набросок той государственной стратегии развития Севера, которая доминировала в течение всего советского периода и представляла собой сложную амальгаму трех вышеназванных подходов. Выбор в пользу «эксплуатационной» модели развития был как будто вполне закономерен в условиях НЭПа, но в еще большей степени логичен для политики индустриализации. Однако на Ямальском Севере, где до войны еще не были обнаружены пригодные для масштабной эксплуатации минерально-сырьевые ресурсы, «эксплуатационная» стратегия должна была неизбежно видоизмениться, уступая место заведомо более фундаментальной и широкой по своим предпосылкам политике «строительства социализма», чем только очаговая индустриализация отдельных северных районов.

Содержание этой северной региональной политики хорошо запечатлено именно в истории Ямала 1920-х – 1950-х гг. Это, во-первых, был ясно выраженный курс на советизацию Севера, под которой понимается не просто создание политической системы советов, но комплексная стратегия социально-экономических и культурных преобразований, приспособленная к специфическим

5 См. об этом: Зубков К.И. К вопросу об идеях «автономизации» Ямальского Севера в 1920-е гг.: право наций на самоопределение и геополитика // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. Вып. 3. С. 42–46.

условиям северных окраин, прежде всего — к уровню развития туземного населения. Прима́т общеполитического фактора в этой стратегии, на наш взгляд, определялся тем, что, в сущности, речь здесь шла о необходимости наладить общую систему управления Севером как потенциально ценной для страны, но пока в основном резервной территорией. Именно поэтому на первый план закономерно выходила геополитическая задача поддержания эффективного государственного суверенитета над северными территориями, а последний мог быть закреплён здесь только на базе комплексной политики втягивания Севера в орбиту советского институционального влияния. Таким образом, в этом аспекте «эксплуатационная» модель освоения Севера, не утрачивая своего долгосрочного генерального значения, должна была на время уступить место — по крайней мере, в тактическом плане — градуалистской «ассимиляционной» модели, сориентированной на постепенный материально-культурный прогресс северных окраин в общецивилизационном смысле.

Как выясняется, в этом отношении политика советизации Севера имела совершенно очевидные параллели с освоением Канадского Севера в 1920-е — 1940-е годы. Как показывает Ш. Грант, стратегия «поддержания суверенитета»⁶ в Канаде точно так же вобрала в себя комплекс неотделимых друг от друга задач по улучшению снабжения коренного населения, охране его здоровья, рационализации традиционных промысловых занятий, развитию путей сообщения и систем культурного обслуживания, научному изучению ресурсов и т.п. При этом развитие Ямальского Севера в 1920-е—1950-е гг. показывает, что попытки пойти дальше — форсировать «социалистические» преобразования в среде коренного населения (коллективизация, перевод на оседлость и др.), придать им «революционные» темпы и формы — как правило, имели если не разрушительные последствия,

⁶ Другое название этой стратегии — «civilianization policy» — весьма характерно. На русский язык его можно перевести буквально как «политика огораживания», т.е. воссоздания на периферийной территории нормального порядка гражданского управления.

то крайне неустойчивые, половинчатые или компромиссные результаты. Невозможно ставить под сомнение стремление советской власти (по крайней мере, на уровне «высокой» политики) улучшить материальное и культурно-бытовое положение коренного населения Ямальского Севера, однако эта политическая цель при отсутствии в его среде достаточных политических и культурных сил неизбежно приобретала характер внешней патерналистской опеки, навязывающей аборигенам непривычные для них ценности и нормы жизни. Это отчасти объясняет, почему попытки обеспечить экономический и культурный подъём Ямальского Севера путём его административно-политической «привязки» к той или иной из крупных и хозяйственно сильных областей (Уральской, Обско-Иртышской, Омской, Тюменской) обернулись менее чем скромными результатами, не позволили в короткие исторические сроки преодолеть периферийность и отсталость северного региона. Лишь к 1960-м гг. можно отчасти говорить о создании на Ямале устойчивой системы снабжения, элементарной сети культурного и медицинского обслуживания населения.

Второе, не менее, важное измерение советской региональной политики на Ямальском Севере в 1920-е — 1950-е гг. — втягивание региона в орбиту общего развития через специфические формы колонизации, основанной на использовании принудительного труда и спецссылки. Сегодня среди историков уже нет сомнений относительно того, была эта колонизация Севера явлением только карательной политики или только экономической. Как детище своего времени, эти формы колонизации объяснялись не только скудостью материально-технических, финансовых и кадровых ресурсов, но и «островным» характером самого процесса освоения Севера, обусловленным его суровыми природными условиями и транспортной изолированностью. В этих условиях не могла не родиться специфическая «политэкономия» сталинского социализма, которая исходила из того, что при дефиците средств и изоли-

рованности Севера в действие вступают не законы рентабельности освоения, а законы его принципиальной осуществимости. Опора на принудительный труд была одной из черт специфического типа экономики, характерного для исторически бедного государства. Невыгодный с общеэкономической точки зрения, принудительный труд заключенных и спецпереселенцев приобретал совсем иное значение при отсутствии на Севере необходимой рабочей силы и невозможности ее привлечения с помощью экономических стимулов. По меткому выражению английского экономиста Р. Хатчингса, практика принудительного труда находила свой смысл именно в том, что требовала от людей того, чего «в рыночной экономике или в условиях политической демократии они не делали бы и не смогли бы сделать»⁷. Это очень хорошо подтверждает история Ямала, где тяжелейшие климатические условия и бытовые лишения препятствовали сколько-нибудь надежному закреплению вольнонаемной рабочей силы (госслужащих, рабочих, врачей, учителей и др.), а коренное население оказалось неподготовленным в культурно-техническом отношении к массовому участию в современных сферах занятости. Отсюда столь значительная роль спецссылки в развитии предприятий рыбной промышленности, промысловой кооперации, создании сети школ и культурных учреждений на Ямальском Севере — роль гораздо бóльшая, чем доля этой категории в общем населении региона.

Советизация и колонизация как составляющие ранних форм региональной политики на Ямале органично вписывались в более общую советскую модель развития Севера, характерную для 1920-х — 1950-х гг., — модель интегрального развития. Ее основным признаком являлось соединение (интеграция) всех видов хозяйственной и социально-культурной деятельности в районах нового освоения в руках единого интегрально-хозяйственного органа управления, что во многом объяснялось институциональной

слабостью структур общегражданского управления на Севере. Такими органами для разных регионов российского Севера в разное время были комбинаты (Транспортно-промышленный комбинат Мурманской железной дороги, Норильскстрой, Дальстрой), акционерные общества (Комсевморпуть, Камчатское акционерное общество), транспортные управления (Главное управление Северного морского пути). Концентрация всех материально-технических, финансовых и кадровых ресурсов (тогда еще весьма скудных) в единых руках давала возможность более или менее сбалансировано осуществлять очаговый тип освоения перспективных в хозяйственном отношении регионов Севера.

На Ямальском Севере период деятельности интегральных органов управления связан с функционированием в 1933—1938 гг. Северо-Уральского (Северо-Обского) треста Главсевморпути (с 1935 г. — Омское территориальное управление ГУСМП), соединившего в своих руках транспортную, хозяйственную, массово-политическую и культурную работу в регионе. Справедливым будет распространить этот тип управления и на более значительный промежуток времени, поскольку в 1920-х гг. интегральный характер, по существу, носила также деятельность ряда хозяйственных и заготовительных организаций, вовлеченных в работу на Ямальском Севере (Северосоюз, Обьтрест, Тобольский интегралсоюз и др.).

На наш взгляд, понятие интегральности следует связывать не только с особенностями управления северными территориями, но и с самим подходом к развитию региона. Закономерности интегрального типа регионального развития на Ямале можно распространить на весь период 1920-х — 1950-х гг., поскольку в течение всего этого периода региональная политика отличалась интегральностью в том смысле, что не имела признаков четкой хозяйственной специализации, но вбирала в себя целый спектр направлений развития — начиная с создания системы поддержания суверенитета над северными окраинами (что в советском случае было связано с советизацией и коллективизацией туземного населе-

7 Hutchings R. Soviet Economic Development. Oxford, 1971. P. 293.

ния, спецссылкой как формой колонизации территорий) и заканчивая рационализацией промыслового хозяйства, созданием перерабатывающей промышленности и систем снабжения, социально-культурным строительством. По существу, это было замедленное, периферийное, но, тем не менее, по общему вектору изменений комплексное, разностороннее (интегральное) развитие.

Важной чертой его являлось и не считавшееся с затратами стремление создавать на Севере производства, которые опять-таки были нерентабельны с экономической точки зрения, но абсолютно необходимы для организации самообеспечения северных регионов важнейшими продуктами и материалами. На Ямальском Севере, например, в 1930-х – 1950-х гг. получили развитие и поддерживались многие отрасли овощеводства и животноводства, совсем не типичные для данной территории и, по меркам «большой земли», совершенно не рентабельные. Вполне понятно, что по мере улучшения транспортных связей и системы северного завоза, повышения их надежности большинство таких производств постепенно угасало уже в 1950-е гг.

С 1960-х гг., с открытием крупных месторождений нефти и газа, на Ямале на смену интегральным подходам приходит политика моноресурсного развития, приоритеты которой воплощал отраслевой принцип управления в рамках реализации крупных народнохозяйственных программ. (В ряде районов Крайнего Севера, там, где раньше определилась промышленная специализация, отсчет этого этапа региональной политики можно вести даже с конца 1930-х гг.). На этом этапе освоение Севера утрачивает свой интегральный характер; на северной сцене утверждается диктат общесоюзных отраслевых министерств и их главков, ответственных за крупнопромышленную разработку отдельных видов природных ресурсов (леса, угля, руды, нефти, природного газа и др.). Хотя основанное на принципе специализации моноресурсное освоение северных регионов более или менее четко ориентировалось на показатели рентабельности и характеризо-

валось охватом более крупных, чем прежде, территорий и заметным возрастанием вклада Севера в снабжение страны стратегическими ресурсами, оно закономерно порождало ведомственный подход к освоению со всеми присущими ему издержками (приспособленное к потребностям отдельных министерств формирование производственной и социальной инфраструктуры; хроническое отставание социального комплекса от развития основного производства, нерациональное использование природных богатств территорий и нарушение их экологического баланса).

Социальные тенденции этого периода в развитии Севера можно оценивать как достаточно противоречивые. Во многом они являлись точным слепком со столь же противоречивой экономической политики. С одной стороны, в развитии экономики северных регионов определился курс на усиление ее ресурсно-сырьевой специализации, за счет которой в основном и обеспечивался ее стремительный рост. С экономической точки зрения, форсированная специализация северных регионов на крупномасштабной добыче топливно-энергетических (а в ряде случаев и других сырьевых) ресурсов, приобретавших стратегическое значение и для сохранения динамики экономики страны, и для увеличения валютных резервов государства за счет наращивания экспорта, виделась как наиболее оптимальное направление их хозяйственного развития. С другой стороны, масштабная ресурсная эксплуатация вела к сужению спектра других отраслей северного хозяйства, их относительному недоразвитию, а также к известной деградации природно-экологических основ традиционного хозяйства коренных народов Севера. Гигантский объем затрат на освоение нефтегазовых месторождений на Обском Севере накладывал жесткие ограничения не только на развитие здесь других отраслей экономики, но и на развертывание необходимых обслуживающих и вспомогательных производств, а также социальной сферы.

Оцениваемая с учетом этих обстоятельств, эволюция советской региональной политики

на Севере в целом отражала напряженный, но так и не завершившийся к 1990-м гг. поиск оптимальной модели его развития, которая позволяла бы непротиворечиво сочетать повышение народнохозяйственной отдачи от эксплуатации северных ресурсов и поддержание эффекта комплексности развития. Отчасти снять обозначившуюся дилемму развития позволил на Ямальском Севере переход к рыночным отношениям и корпоративно-региональной модели управления в начале 1990-х гг. Переход к рынку, несмотря на все издержки своего первоначального этапа и жесткие принципы функционирования, покончил с представлениями о «бесплатности» природных ресурсов и других факторов производства, позволил более конструктивно выстраивать отношения северных регионов

с добывающими компаниями и федеральным бюджетом на основе принципов социального партнерства. Эти отношения еще очень далеки от «прозрачности» и равной взаимответственности, но объективно рынок создал определенные условия, при которых взаимосвязь устойчивого экономического развития Севера с эффективным решением социальных вопросов становится совершенно очевидной, а это, в свою очередь, является гарантией дальнейшего прогресса в области социальной политики, расширяет горизонты для возвращения к идее комплексности развития Севера на новом уровне понимания — с учетом оптимизации всех видов затрат на освоение. В огромной степени это явилось накопленным результатом исторического опыта советской региональной политики.

**КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА
КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

С.П. Постников

Пространственно-временная парадигма, пришедшая на смену территориальной в конце XX в., широко вошла в научный оборот и активно используется в гуманитарных исследованиях. Если территория двумерна, то пространство по крайней мере трехмерно, а пространство с включенным в него человеком вообще многомерно. Пространство характеризуется такими качествами как полиструктурность, многослойность, единство прерывности и непрерывности, интеграция и дезинтеграция, неисчерпаемость¹.

Социальное пространство, включая его культурно-историческую составляющую, - это особая сфера жизнедеятельности, значимая для человека. Оно включает в качестве своих компонентов предметный мир, который человек создает и обновляет в своей деятельности, самого человека и его отношения с окружением, человеческое сознание².

Центрами культурного пространства региона выступают города. Более 4/5 населения ЯНАО проживает в городах и поселках городского типа. В широком смысле слова социокультурное пространство города – это среда, создаваемая и преобразуемая человеком. Это система, в которой имеются материальные (здания, предметы, вещи) и духовные объекты (правила, нормы, ценности), и в которой человек ведет себя определенным образом, взаимодействует с другими людьми, система, которую он так или иначе воспринимает (ощущает, осознает)³.

Каждый город это уникальное социокультурное пространство, со своей градостроительной планировкой, с определенной архитектурой зданий, особыми нормами, ценностями, традициями, менталитетом жителей. Любой город, как правило, имеет свой имидж в глазах горожан и гостей города. Социокультурное пространство влияет на поведение горожан, их отношение к своей «малой родине». Город включает в себя центр и периферию. Центр, как правило, представляет собой четко организованное пространство. Кроме того, центр – самое многолюдное пространство, где осуществляется активная коммуникация между горожанами. Центр отличается просторными улицами и площадями, он более привлекателен эстетически по сравнению с окраинами. В нем расположены не только административные, но и культурные учреждения. К городскому культурному пространству относится и топонимия – названия улиц и площадей. В советское время они, как правило, спускались сверху и должны были отражать революционные события и память о выдающихся деятелях мирового коммунистического движения. На втором месте обычно шли названия в честь местных деятелей, а также ведущих рабочих профессий (металлургов, нефтяников, газовиков и даже стрелочников). Позже в топонимике появилась военная и космическая тематика. «Мода» на переименования улиц и площадей в постсоветский период вряд ли способствовала самоидентификации регионального сообщества, в том числе и в рамках ЯНАО.

Понятие «культура», как известно, весьма широко трактуется в специальной литературе. Культура как феномен цивилизации определяется как описательное понятие, как продукт человеческой деятельности, как образ жизни, поиск смысла⁴ и проч. Всего в литера-

1 Анимидца Е.Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки // Известия Урал. гос. экон. ун-та. 2007. № 2 (19). С. 82 – 83.

2 См.: Балакин В.С. Историческое пространство России: проблема идентификации // Историческое пространство России: инерция и трансформация. Материалы Всерос. науч. конф. 12 мая 2003 г. Челябинск, 2003. С. 4.

3 Заборова Е.Н. Город на грани веков. Екатеринбург, 2007. С. 28 – 29.

4 См. : Гуревич П.С. Культурология. М., 2008. С. 30 – 59.

туре встречается до 400 определений данного понятия. Для историков культуры важно выделить три основных научных подхода к данному определению: антропологический, социологический и философский. Очевидно, что социальная история, наиболее близкая для историков культуры, определяет культуру как духовную жизнь общества, включая достижения материальной культуры⁵.

Исходя из данного понимания категории «культура», можно сделать вывод, что культурное пространство региона как система включает целый ряд компонентов. Прежде всего это культурное наследие, понимаемое в широком смысле как совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох⁶. Это своего рода универсальная знаковая модель передачи социальной памяти из поколения в поколение. В узком смысле культурное наследие — это многообразие доставшихся от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых современниками. Это совокупность памятников археологии, истории, архитектуры, науки, техники и искусства. В Ямало-Ненецком автономном округе, территория которого стала осваиваться около 12 — 14 тыс. лет тому назад, насчитывается более 360 памятников археологии, некоторые из них не имеют аналогов и представляют историческую ценность федерального и мирового масштаба. Прежде всего это святилище Усть-Полуй (г. Салехард) и Мангазейское городище ((Красноселькупский район). Кроме археологических, в округе имеется 172 памятника этнической культуры. Памятников архитектуры сохранилось сравнительно немного. И это вполне объяснимо. Город Салехард (Обдорск), получивший в 1990 г. статус исторического, вплоть до второй половины XX в. состоял в основном из деревянных, недолговечных построек. Но к счастью, сохранились такие уникальные объекты, как Никольская

башня Обдорской крепости XVII в., церковь во имя Святых апостолов Петра и Павла (90-е гг. XIX в.), самый большой купеческий дом в Обдорске — дом купца Голева. Их следует не просто сохранить, но активно использовать в социальной практике в целях укрепления самоидентичности регионального сообщества. Архитектурные и исторические достопримечательности имеются и в других городах Ямала — Ноябрьске, Лабытнанги, Надыме.

Культурное пространство региона в узком смысле слова — это вполне реальное физическое пространство, на котором располагаются конкретные учреждения культуры — библиотеки, музеи, театры и т.д. Иначе говоря, это определенная территория, обладающая совокупностью учреждений культуры и имеющая определенные административные рамки.

Ямало-Ненецкий автономный округ располагает разветвленной сетью учреждений культуры. Всего их насчитывается, по данным за 2009 г., 235, в том числе 85 муниципальных библиотек, 19 музеев, 40 образовательных учреждений культуры и искусства, более 80 учреждений клубного типа и т.д.

Главными хранителями материальной культуры являются музеи. Их совокупный фонд составляет более 180 тыс. единиц хранения. Ведущее место в культурном пространстве Салехарда занимает Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского, обладающий богатыми музейными коллекциями и яркими, содержательными экспозициями. Важно, что музеи округа применяют в своей работе не только традиционные, но и инновационные формы работы, связанные с внедрением в практику музейной педагогики, информационных технологий, интерактивных методов работы и т.д. Общий фонд библиотечных учреждений составляет 1,5 млн. экземпляров. Библиотеки, несмотря на развитие интернет-технологий, сохраняют свою роль носителей знаний и свое место в культурном и информационном пространстве региона.

Но дело не только в разветвленной сети учреждений культуры, но также в их востребованности. Услуги учреждений культуры на

5 См.: Соскин В.Л. Российская советская культура (1917 — 1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. С. 10 — 11.

6 Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987. С.56.

Ямале пользуются повышенным спросом. Так, музеи ежегодно посещают более 130 тыс. человек, около 140 тыс. жителей, или каждый четвертый, являются постоянными читателями библиотек, 15 тыс. ямальцев участвуют в работе клубных самодеятельных коллективов. Более 10 тыс. детей и подростков учатся в образовательных учреждениях культуры, что в полтора раза превышает общероссийский показатель на тысячу жителей (15,5% против 10% в среднем по России).

Несмотря на географическую удаленность ЯНАО, культурное пространство округа не изолировано. Учреждения культуры Ямала принимают активное участие в международных, всероссийских и межрегиональных культурных мероприятиях, а их участники становятся лауреатами самых престижных конкурсов.

Культурное пространство – это также способ коммуникации. Недостаток или отсутствие досуговых учреждений, невысокое качество предоставляемых ими услуг ограничивают для горожанина выбор мест и форм общения. Это вызывает психологический дискомфорт и может способствовать стремлению человека поменять место жительства, переехать туда, где больше возможностей для разнообразного и полноценного общения.

Культурное пространство – важный фактор и ресурс устойчивого развития региона. Комфортную среду проживания создают не только экономическая сфера и социально-политическая обстановка в регионе, но и имидж территории, возможность жителей удовлетворять свои возрастающие научно-образовательные и культурные потребности.

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
 АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
 УСТРОЙСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.В. Сердюков

Уже в первые десятилетия советской власти Тюменская область складывается как «сложноустроенный субъект». Еще в 1918 г. центр губернии был перенесен из Тобольска в Тюмень. В 1920–1940-е гг. территория современной области перенесла несколько административно-территориальных реорганизаций. В 1930 г. было образовано два национальных округа – Остяко-Вогульский (с 1940 г. Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий. При образовании округов учитывалось преобладание доли коренного населения на этих территориях – около 50% в Остяко-Вогульском и более 70% коренного населения в Ямало-Ненецком. Знаковым событием в жизни региона явилось образование в 1944 г. Тюменской области, в состав которой вошли округа. По Конституции СССР 1977 г. округа получили название – автономные. Была создана достаточно запутанная схема управления территорией, что во многом определило дальнейшие конфликты между региональными элитами.

В конце 1980-х гг. в условиях обострившегося кризиса советской модели федерализма стали проявляться центробежные тенденции. Административный и экономический статус округов стал камнем преткновения в работе депутатов областного и окружных Советов. Областной Совет выступил против самостоятельности округов. В ответ на это на сессии Ханты-Мансийского окружного Совета прозвучало предложение заместителя председателя Совета по малочисленным народностям Севера В.М. Молоткова о преобразовании автономного округа в автономную республику¹. К обсуждению вопроса автономии был привлечен потенциал окружной интеллигенции. Так, в газете «Ленинская правда» появилось письмо мансийского поэта А. Тарханова с красноречивым названием «Статус республики

округу». Автор писал: «Тюмень снова хочет «наращивать свои мускулы» за счет автономных округов. Если появится Тюменская республика, то автономные округа останутся в роли просителей своих денег. Автономные округа должны обрести статус автономных республик – вот подлинно справедливое решение вопроса»².

После расстановки нужных акцентов в средствах массовой информации по данной проблеме, в 1990 г. в Югре было организовано социологическое исследование. Результаты исследования убедительно доказывали, что население оказывает явную поддержку идее расширения автономии. Отвечая на вопрос о независимости округа, 32% респондентов выступили за полный территориальный хозяйственный расчет на основе самофинансирования, а 21% опрошенных высказались за экономическую и политическую независимость округа. Аналогичная ситуация разворачивалась и в Ямало-Ненецком автономном округе. 18 октября 1991 г. окружной Совет принял декларацию о суверенитете Ямало-Ненецкого округа в статусе республики³.

Тюменский областной Совет народных депутатов и областной исполком согласились на переговорный процесс по разграничению полномочий. В 1992 г. был заключен многосторонний федеративный договор, по которому область и автономные округа получили равный статус субъектов. А в 1993 г. этот принцип зафиксировали в ст. 65 Конституции РФ. В апреле 1997 г. был подписан договор о сотрудничестве между тремя территориями. В соответствии с его положениями создавались координационные органы из представителей законодательных и исполнительных органов власти регионов. Но это не удовлетворило руководство округов, и они инициировали судебное разбирательство в Конституционном

² Там же, 11 октября, с. 3).

³ см.: Союз можно было сохранить, 2007, с. 181

¹ см.: Ленинская правда, 1990, 2 октября, с. 1).

суде РФ. Формально данный спор завершился принятием постановления Конституционного суда от 14 июля 1997 г. (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П) Был подтвержден факт вхождения автономных округов в состав Тюменской области, но признавалось и равноправие этих субъектов. Суд пришел к выводу о необходимости единой власти для всех трех субъектов, которая должна избираться населением области и округов. Ситуацию еще более запутали.

В начале 2000-х гг., после избрания Президентом России В.В. Путина, была обозначена новая политическая задача — построение «вертикали власти». В 2002 г. участники переговорного процесса, чувствуя веяния нового времени, пролонгировали договор 1997 г., помимо Совета Дум создали еще и Совет губернаторов. 23 июля 2003 г. появился указ о проведении административной реформы, направленной на повышение эффективности органов власти⁴. С новой силой стали обсуждать тему «сложноподчиненных территорий», но теперь вместо идеи выделения округов из состава Тюменской области в СМИ рассматривалась возможность их слияния.

Законотворчество этих лет фактически подталкивало к такому способу разрешения конфликта. Так, Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов госвласти субъектов РФ», разграничивая полномочия автономного округа, перераспределял данные полномочия в пользу органов госвласти области, если иное не было установлено договором между ними⁵. Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ» установлено, что доходы от федеральных налогов должны зачисляться в бюджет области, в состав которой входит автономный округ. Фактически округа исключались из состава бюджетной системы⁶.

4 Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824

5 Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 95-ФЗ

6 О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ

Административная реформа, разработанная и курируемая заместителем руководителя администрации Президента Д.Н. Козаком, ускорила объединительные процессы в России. В результате включения автономных округов в состав краёв и областей в 2003—2008 гг. число субъектов федерации сократилось с 89 до 83, прекратили существование 6 из 10 автономных округов, а три области (Пермская, Камчатская, Читинская) сменили название на края.

Руководители Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов в 2004 г. вынуждены были активизировать переговоры с Тюменью о перераспределении финансовых ресурсов и полномочий. Конфликт разгорелся в первую очередь из-за разной трактовки 6-го пункта 26-й статьи федерального закона № 95. В Тюмени его читали так: с 1 января 2005 г. областные власти получают в свое ведение исполнение и финансирование 24-х из 41-й госфункций, которые до этого момента выполняли автономии. В Ханты-Мансийске и Салехарде считали иначе: федеральный закон позволяет не передавать функции областным властям, если между администрациями «сложносоставного региона» заключен договор о разграничении полномочий. Противостояние с Тюменью привело к появлению на территории ЯНАО сепаратистски настроенных организаций. Так, 18 января 2004 г. лидеры общественной организации «Ямал — потомкам!» призвали окружную власть к выходу из состава Тюменской области. А власти Ямало-Ненецкого округа пригрозили провести референдум об отделении от Тюменской области⁷. В дальнейшем позиция тюменцев была несколько смягчена. Так, было предложено изъять не 24, а только 12 функций. Тюменский губернатор согласился сохранить Ямалу и Югре право финансировать адвокатов и мировых судей, контролировать нотариусов, содержать архивы, заниматься экологической безопасностью, помогать жителям материально в проведении похорон, курировать вопросы образования, поддержки-

7 РИА «Новый Регион»: http://www.nr2.com.ua/aen/16_40900.html

вать сельхозпроизводителей и т.д. Казалось бы, вопрос об объединении закрыт.

Но неожиданно для многих аналитиков 24 февраля на совместном совещании в Тюмени губернаторы области С.С. Собынин и Ямало-Ненецкого округа Ю.В. Неёлов дали понять, что договорились о полном объединении. В совместном заявлении губернаторов, в частности, говорилось: «Сегодня на повестке дня стоит задача комплексной интеграции региона, не исключая, возможно, и ее административно-политических аспектов, связанных с изменением статуса субъектов РФ, составляющих Тюменскую область»⁸. Изменение позиции ямальского губернатора, скорее всего, произошло после январского совещания с главами автономных округов в Совете Федерации. Эту информацию фактически подтвердил чиновник из областной администрации. «Видимо, им объяснили, что обратного пути нет, что никто не собирается с ними торговаться и тем более вносить изменения в федеральные законы и бюджетный кодекс в их интересах», — сообщил источник газете «Коммерсант»⁹.

Однако А.В. Филипенко предложил другой вариант. Он заявил, что округ готов поделиться с соседями частью своих доходов в размере порядка 20 млрд. руб.¹⁰. Сразу после этого Ю.В. Неёлов вернулся на прежние позиции экономической интеграции через перераспределение полномочий.

Переговоры весной 2004 г. шли на фоне информационного противостояния. Так, депутат Думы Ханты-Мансийского автономного округа и член партии «Единая Россия» С.В. Кандаков призвал жителей поддержать интеграционные процессы в регионе. «С приходом Собынина юг области развивается очень быстрыми темпами... если задействовать сейчас совместный потенциал юга и

севера... можно будет построить жизнеспособную экономическую политику, от которой выиграем мы все», — заявил депутат¹¹. Такое оппозиционное мнение югорского политика можно объяснить в первую очередь тем, что он проиграл выборы в Государственную думу по 221-му Нижневартовскому избирательному округу заместителю губернатора ХМАО В.М. Асееву. Однако у него оставался шанс стать депутатом областной Думы, а для этого необходимо было заручиться поддержкой областного руководства. Во-вторых, нужно отметить, что между сургутскими и окружными политиками традиционно существовали напряженные отношения. Сургутяне считали, что губернатор ущемляет интересы самого большого города округа. А окружные власти раздражала излишняя самостоятельность сургутян.

Было очевидно, что в автономиях нет единой позиции, поэтому нужно было активизировать работу по консолидации окружной элиты. В марте 2004 г. депутат Государственной думы В.М. Асеев заявил: «Все еще остается возможность выхода нашего округа из Тюменской области... Для изменения отношений между округами и областью, прежде всего, должны быть веские экономические причины. Я их пока не вижу»¹². А в апреле в Государственной думе прошли парламентские слушания «О законодательном обеспечении процедуры образования в составе РФ новых субъектов Федерации». От Югры выступала заместитель председателя окружной Думы. Л.А. Чистова заявила, что: «Наш Ханты-Мансийский автономный округ имеет территорию — 534,8 тысяч квадратных километров. У нас полтора миллиона человек, стабильные демографические показатели. Мы занимаем первое место по добыче нефти, объему промышленной продукции, выработке электроэнергии. Второе — по добыче газа и пополнению федерального бюджета. И, почему-то, на этой общей волне, нас агитируют и подталкивают взять за основу пример

8 Коммерсантъ: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=452553>

9 Там же: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=ba6210fc-cad5-4d00-bb92-7a03df4ac996&docid=446568>

10 Там же: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=0cf5fca0-d11e-4de3-9c0c-ad92ff21a4c6&docid=461357>

11 РИА «Новый Регион»: http://www.nr2.ru/16_40848.html

12 Сайт администрации г.Мегиона: <http://old.admmegion.ru/news/1023>

коми-пермяков. Кому плохо живется, необходимо искать соседа посильнее. Но мы не хотим воспринимать этот шаг, как команду к действию... Не надо перед нами ставить определенную задачу — интегрироваться в такой-то срок, достичь нужных результатов»¹³.

Для усиления своей позиции окружные власти в апреле 2004 г. провели опросы населения, с целью демонстрации солидарности. Опрос показал, что 8% югорских респондентов положительно относятся к идее объединения региона, более 50% отрицательно¹⁴. 75% опрошенных на Ямале также отрицательно высказались о возможности объединения¹⁵. Таким образом, в северных территориях формировалось нужное общественное мнение.

Все три территории «матрешки» практически одновременно весной 2004 г. подали заявки в избирательные комиссии субъектов о проведении референдумов. Однако эксперты оценили этот шаг как бесперспективный, так как в российском законодательстве не разработан механизм выхода одного субъекта из состава другого, а объединение возможно при обоюдном согласии всех сторон, к тому же вопрос об изменении статуса субъектов находится в ведении федерации¹⁶. Избиркомы вынуждены были отклонить просьбы инициативных групп. Региональные элиты просто предприняли попытку взаимного психологического давления. Но это не принесло явного преимущества ни одной из сторон. Необходимо было вновь садиться за стол переговоров.

В результате трудных переговоров в июле 2004 г. был подписан договор о сотрудничестве и перераспределении полномочий между органами госвласти Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, заключенный до 2010 г. В рамках договора родилась программа «Сотрудничество» (см.: О договоре между органами государственной власти). Среди

задач программы — переселение жителей из северных территорий в южные, предупреждение чрезвычайных ситуаций, развитие транспортных сетей, медицинская помощь, обеспечение населения качественными продуктами питания и т.д. «Сотрудничество» планировалось на 2005—2009 гг., а на реализацию плана предполагалось затратить более 127 млрд. руб.¹⁷ Отчисления двух округов являлись единственным источником финансирования программы. Теперь, в бюджет области должны были зачисляться доходы от налога на прибыль предприятий, зарегистрированных на Ямале и Югре (29,5%), а также НДС в размере 100%¹⁸. В результате компромисса стороны договорились не поднимать вопрос о пересмотре статуса трех территорий. А в администрации Тюменской области предполагали, что договор и программа «Сотрудничество» в перспективе приведут к созданию единого субъекта федерации¹⁹.

СМИ еще некоторое время продолжали обсуждать тему объединения и использовали для этого любой информационный повод. Так, в 2005 г. С.С. Собянин, в связи с изменением процедуры назначения губернаторов, не дожидаясь срока окончания своих полномочий, направил запрос о доверии Президенту России. В.В. Путин внёс его кандидатуру на рассмотрение в Тюменскую областную думу. 17 февраля 2005 г. кандидатура была утверждена. Ряд аналитиков, опираясь на факт поддержки губернатора со стороны Кремля предсказывали, что он может стать главой объединенного субъекта. А судьбы глав Югры и Ямала расписывали в мрачных тонах²⁰. Еще определеннее журналисты и политологи заговорили о грядущем слиянии «тюменской матрешки» после назначения С.С. Собянина главой администрации Президента в декабре 2005 г. Рассуждения базировались исключительно на том аргументе, что он получил ключевой ресурс для завершения процедуры

13 Сайт фракции «Единая Россия»: <http://www.duma-er.ru/news/2489>

14 Образовательный информационный портал ХМАО: <http://www.eduhmao.ru/info/1/4093/25518/>

15 Сайт «Группа 7/89»: <http://www.789.ru/new/?id=3124>

16 Информационно-аналитическое агентство «УралБизнесКонсалтинг»: <http://www.urbc.ru/press.asp?ida=74610>

17 Агентство нефтегазовой информации «Самотлор-экспресс»: <http://samotlor-express.ru/news.shtml?oid=1759755>

18 Время новостей: <http://www.vremya.ru/2004/145/4/105195.html>

19 Там же: <http://www.vremya.ru/2004/111/4/101601.html>

20 Там же: <http://www.vremya.ru/2004/111/4/101601.html>

объединения. Но, эти мнения не в полном объеме учитывали все обстоятельства ситуации, а также упрощенно рассматривали роль Москвы. Во-первых, к этому моменту округа уже были финансово подчинены области и центру. Во-вторых, С.С. Собянин перешел на административную работу, сделал успешную, но личную карьеру, без получения особых преференций для региона. Вероятно, федеральные власти посчитали нецелесообразным объединение региона, опасаясь усиления позиций губернатора единого Тюменского края.

На это указывает и то, что преемник В.В. Якушев в бытность заместителем губернатора активно участвовавший в переговорном процессе с округами, после своего назначения не стал открыто форсировать вопрос объединения, а удовлетворился возможностями программы «Сотрудничество». В это время и на федеральном уровне такие политики как С.М. Миронов и В.В. Жириновский, ранее призывающие регионы к укрупнению, говорили о преждевременности такого шага относительно Тюменской области. Действительно, на протяжении 2006–2008 гг. вопрос об объединении в прежнем открытом режиме не обсуждался. В целом руководство трех субъектов было удовлетворено, особенно на волне увеличивающихся нефтедолларовых доходов, результатами программы «Сотрудничество».

Изредка в СМИ мелькали отдельные недовольные комментарии окружных чиновников и политиков. Так, заместитель председателя окружного парламента А.Н. Сидоров в интервью корреспонденту газеты «Тюменские известия» в 2006 г. сообщил: «Мы направили на финансирование программы около 60 млрд. руб., а получили назад всего 21 млрд.»²¹. Зампред правительства Югры по экономике В.А. Бец возмущался тем, что в 2007 г. Тюменская область получит от Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов около 29 млрд. руб. Югорский же вклад в программу составит 75 % от общего объема поступлений. «По сути, Югра и Ямал создали второй бюджет

Тюменской области», – сетовал Бец²².

Несмотря на сложную схему финансирования в мае 2008 г. губернаторы пролонгировали трехсторонний договор и программу «Сотрудничество» до 2015 г. Очевидно, что программа является компромиссом, который был возможен в период экономического роста. Но в условиях кризиса региональные власти вынуждены были пойти на сокращение бюджетов. Областной бюджет уменьшился на 35%²³, Ямала на 20%²⁴, Югры – 50%²⁵.

Соответственно, было принято решение о сокращении финансирования программы «Сотрудничество» до 16,582 млрд. руб., т.е. на 50%. В первую очередь решили экономить на строительстве и реконструкции автодорог. Эту статью урезали на 7,253 млрд. руб. Затем подверглись сокращению расходы на ремонт социальных учреждений, приобретение оборудования и мебели для профессиональных училищ и колледжей и т.д.²⁶

Нужно отметить, что с одной стороны, губернаторы еще в докризисный период прозорливо продлили программу «Сотрудничество» до 2015 г., что сняло с повестки дня вопрос об объединении. С другой, в условиях резкого сокращения прибыли данный компромисс для северных округов превращается в тяжелую ношу, а юг области недополучит значительную часть запланированных доходов, что в перспективе может закончиться пересмотром условий договора.

Приходится признать, что в регионе уже созрели дискомфортные условия. Возникает резонный вопрос, являются ли экономические трудности достаточным условием для пересмотра отношений между округами и областью? Для удачного исхода такого решения необходимо получить согласие жителей

22 РИА «URA.Ru»: <http://ura.ru/content/khanti/11-07-2007/articles/2254.html>

23 Там же: <http://www.ura.ru/content/tumen/30-01-2009/news/1052091884.html>

24 см.: ИА «СЕБЕР-ПРЕСС»: <http://www.yamal.org/all-news/1815--2009-.html>

25 см.: ИА «Югра-Информ»: http://ugrainform.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9400&Itemid=51

26 Тюменские известия: <http://www.t-i.ru/?w=2&articleID=22583>

21 Тюменские известия: <http://www.t-i.ru/?w=2&articleID=12293>

всех трех субъектов. Результат референдумов во многом зависит от позиции губернаторов. А в условиях измененной системы выборов глав исполнительной власти такая возможность гипотетически существует. В принципе, Кремль должен лишь определиться в вопросе, что делать в условиях кризиса. Либо сохранить статус-кво, но оголить бюджеты всех трех субъектов, что приведет рано или поздно к социальному недовольству. Либо, в условиях нарастания протестных настроений заменить губернаторов на более эффективных (лояльных) людей. Текущая ситуация позволяет федеральной власти и её «наместникам» обосновать необходимость укрупнения региона в целях лучшей управляемости и оптимизации бюджетных средств. Региональные лидеры, опираясь на административные и информационные ресурсы, могут в короткий срок сформировать желаемое общественное мнение.

Отдельного внимания заслуживает позиция глав «тюменской матрешки» в данном вопросе. Л.Ю. Рокецкий долгое время занимал руководящие посты в ХМАО. В 1980-гг. был заместителем, затем председателем Сургутского горисполкома. В этот период своей деятельности он не был замечен в желании объединиться с югом региона. Однако, в 1990-е гг. будучи губернатором области, стал активно пропагандировать эту идею. Фактически, поражение в 2001 г. на выборах губернатора, во многом, произошло из-за его твердой позиции по данной проблеме. По итогам выборов, его обошел С.С. Собянин, в тот момент являющийся заместителем полпреда Президента в УрФО. До этого он долго работал в Югре под началом А.В. Филипенко, затем возглавлял

Думу ХМАО, представлял ее интересы в Совете Федерации, где лоббировал вопрос автономизации округа. Но позже, являясь губернатором Тюменской области, поменял позицию и стал настаивать на слиянии в единый субъект. Примерно такие же метаморфозы произошли и с позицией Ю.В. Неёлова, длительное время работающего в северных округах. Затем с 1992 по 1994 гг. являясь заместителем главы администрации Тюменской области, он фактически поддерживал линию Л.Ю. Рокецкого. Но с 1994 г., после назначения главой администрации Ямало-Ненецкого автономного округа перешел на сепаратистские позиции. Кстати, нынешний губернатор области В.В. Якушев, долгое время работавший на Ямале, также совершал попытки навязать округам концепцию единого субъекта. Пожалуй, единственный из участников переговорного процесса, кто не изменил за многие годы свое мнение, был и остается губернатор ХМАО А.В. Филипенко. Скорее всего, по причине того, что на протяжении длительной политической карьеры представлял интересы только Югры и не работал в других частях «матрешки». Но также очевидно и то, что точка зрения любого из губернаторов может измениться под влиянием обстоятельств.

Анализируя историю формирования территориальной конструкции Тюменской области, временный характер соглашений и программ, остается признать нерешенность проблемы и перманентное обострение конфликтов внутри «сложноустроенного субъекта». А текущий экономический кризис лишь создает условия для возобновления дискуссии об оптимальном административно-территориальном устройстве региона.

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС ЯМАЛА В 2000-Е ГГ.:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В.П. Карнов

В 2000-е годы национальный нефтегазовый комплекс вступил после глобальных перемен 1990-х, в результате которых физический объем производства промышленной продукции России сократился более чем вдвое, достигнув в 2000 г. 48% от уровня 1990-го. За тот же период доля России в мировой экономике сократилась почти в 10 раз — с 6% в 1990 г. (доля СССР — около 9%) до 0,65% в 2000 г.¹ Российскую экономику удалось сохранить на плаву только благодаря нефтегазовому комплексу.

Однако в постсоветский период усилилась тенденция к ухудшению структуры запасов нефти и газа в результате преобладающей выработки крупных и наиболее благоприятных для промышленности месторождений, невыхода на новые перспективные площади. Каждая нефтегазовая компания стала проводить работы по своему усмотрению, а роль геологических служб снизилась. Страна «проедает» запасы, разведанные в советский период.

Существенное влияние на едва сформировавшуюся структуру нефтегазового сектора РФ оказал 1998 год и, особенно, августовский дефолт. С одной стороны, падение мировых цен на нефть до 9 долларов за баррель привело к резкому сокращению доходов нефтяных компаний. С другой стороны, обвал курса рубля по отношению к доллару, связанный с дефолтом, способствовал увеличению доходов экспортеров сырья. В 1999 г. начинается новый этап развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК): нефтяные активы стали выкупать уже не финансовые группы, а успешно преодолевшие кризис 1998 г. компании. В результате слияний и поглощений на рубеже 1990-х/2000-х гг. было сформировано 8 крупнейших ВИНК, добывавших в совокупности

свыше 90% российской нефти и производящих более 70% нефтепродуктов: «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС», «Сургутнефтегаз», «ТНК-ВР Холдинг», «Сибнефть» (преименованная в 2006 г. в «Газпром нефть»), Роснефть, «Татнефть» и «Башнефть». Именно они, за исключением «ЮКОСа», обанкроченного государством, продолжают играть ключевую роль в отрасли и на современном этапе.

В газовой отрасли ситуация развивалась по иному сценарию. «Газпром» не удалось «растачить» на части, как Миннефтепром. На вопрос, почему руководителю газодобывателей В.С. Черномырдину удалось сделать то, что не получилось у нефтяников — создать единую структуру — «Газпром», последний руководитель «Главтюменнефтегаза» В.И. Грайфер ответил так: «Черномырдин сохранил не Главк, а Министерство. В Москве второго Черномырдина среди нефтяников не нашлось. Ни Динков, ни Филимонов, ни Чурилов (руководители Миннефтепрома СССР) сохранить Министерство, к сожалению, не смогли»².

Реформы 1990-х гг. подорвали не столько систему (видоизменившись, она в глубинных проявлениях сохранена и сегодня), сколько национально-государственную безопасность и сами цивилизационные основы российского общества. И только в конце 1990-х годов разрушение промышленного потенциала стало рассматриваться как угроза национальной безопасности, а его сохранение, усиление практической отдачи — как важнейший фактор поступательного развития страны.

В 2000-е годы в нефтегазовом секторе возросло значение компаний, контролируемых государством, произошли изменения в списке ведущих российских нефтяных компаний. Частные «Сибнефть» и «ЮКОС» исчезли, а их активы по большей части влились в государственные «Газпром» («Газпром нефть»)

1 Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3.

2 Сратники: Поколение Виктора Муравленко / Сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. — Тюмень, 2002. С. 140.

и «Роснефть». Во многом в результате этого перераспределения активов «Газпром», занимавший десятое место по добыче нефти в 2003 году, в 2008 г. вышел уже на пятое. «Роснефть» в 2004-2008 гг. совершила еще более впечатляющий скачок, переместившись с восьмого места по добыче на первое.³

Госкомпании обычно менее эффективны по сравнению с частными и рост государственной собственности в нефтегазовом секторе может привести к замедлению темпов развития ведущих отраслей отечественной экономики. Специалисты отмечают и другую закономерность: и теория, и международная практика показывают, что отношение государственных и частных компаний к наращиванию добычи часто не совпадает. Частные компании при наличии соответствующих стимулов всегда стремятся нарастить добычу, так как это их единственный путь к закреплению на рынке в борьбе с конкурентами. А у государства и принадлежащих ему компаний могут быть иные задачи. Например, манипулировать добычей для поддержания цен, как это делают страны-члены ОПЕК.

Нужно ли вообще наращивать добычу, если 70% добытого продукта РФ экспортирует либо в виде сырой нефти (преимущественно), либо нефтепродуктов?⁴ Естественно, право распоряжаться природными ресурсами страны принадлежит национальному правительству, и только ему решать, что лучше соответствует интересам страны. Но среди специалистов, как и среди нефтегазодобывающих стран, единой точки зрения по вопросу, увеличивать добычу углеводородов или придержать в недрах ценный невозобновляемый ресурс, нет. Так, Саудовская Аравия — мировой лидер в нефтедобыче — заявляет, что часть открытых на ее территории месторождений сознательно не разрабатываются из-за необходимости сохранить полезные ископаемые для будущего. А Великобритания и Норвегия не сожалеют о том, что за прошедшие 40 лет с начала разработки нефтяных месторождений Северного моря большая часть имевшихся ресурсов уже

извлечена (пик добычи в Великобритании пройден в 1999 г., в Норвегии — в 2001 г.).

Сторонники консервации месторождений исходят из предпосылки, что нефть и газ будут нужны всегда и цена на эти энергоресурсы будет постоянно расти. Сегодня это выглядит логично, но в мире ведутся активные поиски альтернативных источников энергии. «Из уроков истории уместно вспомнить, — пишет эксперт Бритиш Петролеум (BP), — как британские паровозостроители просчитались в начале XX века, ознакомившись с первым немецким локомотивом с двигателем внутреннего сгорания. «Нет, — сказали они, — будущее за паром!» И ошиблись!»⁵.

Сегодня Российская Федерация по-прежнему располагает значительными потенциальными ресурсами углеводородного сырья. По данным американской Администрации в области энергетической информации прогнозные ресурсы нефти РФ оцениваются в объеме до 38,6 млрд. тонн и газа — 42 трлн. кубометров (соответственно 22,3 и 26,5% от прогнозных запасов мира). Отечественный прогноз запасов газа почти в четыре раза превышает американские оценки — 160 трлн. м³.

Крупнейшим нефтегазодобывающим районом России остается Тюменский север, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (ХМАО и ЯНАО). Говоря о будущем Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (НГП), следует подчеркнуть, что здесь, а именно на полуострове Ямал, сосредоточены гигантские неосвоенные ресурсы нефти и газа, уникальные в мировом масштабе (Бованенковское, Харасавэйское, Новопортовское и другие месторождения). Намечается ввод в разработку ряда крупных месторождений на севере провинции в Надым-Пурском междуречье (ЯНАО) и в её центральных районах (ХМАО). Свыше 90% добычи российского газа сосредоточено в Ямало-Ненецком автономном округе.

На территории Западной Сибири добы-

³ Там же. С. 63.

⁶ Вахитов Г.Г., Витрик Н.Н. Российские вертикально интегрированные нефтегазовые компании на современном этапе развития отрасли // Нефть новой России. — М., 2007. С. 218.

³ Oil & Gas Eurasia. 2009. № 2. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

чу нефти ведут практически все крупные вертикально-интегрированные нефтяные компании России. Наибольшие объемы производства в регионе имеют «Роснефть» (32%), «ЛУКОЙЛ» (24%) и Тюменская нефтяная компания-Бритиш Петролеум (ТНК-ВР Холдинг) (21%). На территории ХМАО работает также 18 малых и средних компаний⁷.

Руководители России на протяжении 2000-х гг. неоднократно заявляли о том, что необходимо исправить сырьевой перекос в отечественной экономике, избавиться от «нефтяной иглы». Разумеется, в промышленную политику государства необходимо вносить серьезные коррективы, однако «историческое и природное наследие России таково, - пишет академик Г.А. Агранат, - что благополучие страны опиралось и будет опираться в обозримом будущем на сырьевые ресурсы и территории»⁸. Подтверждение тому – мегапроект «Урал промышленный – Урал Полярный», одобренный и поддержанный на правительственном уровне. В конце 2008 г. на совещании по вопросам социально-экономического развития УрФО в г. Курган Президент РФ Д. Медведев специально подчеркнул необходимость дальнейшей реализации мегапроекта⁹, предусматривающего, в частности, дальнейшее освоение нефтяных и газовых богатств Тюменского Севера, выход на полуостров Ямал. Глава государства назвал проект «Урал промышленный – Урал Полярный» одним из самых известных и наиболее подготовленных стратегических проектов.

Создание на Ямале производственной, транспортной и социальной инфраструктуры требует привлечения огромных средств, сопряжено с большими трудностями и только государство может и обязано выбрать оптимальный сценарий действий в отношении Севера. В постсоветский период попытки концептуализации регионального развития районов Севера предпринимались Прави-

тельством РФ неоднократно¹⁰. Перспектива развития Тюменского Севера связана с реализацией либо ресурсного, либо инновационного сценариев. Совместить их, учитывая российские реалии, будет очень трудно. Реализация первого сценария ведет к консервации тенденций развития советской эпохи. Но для этого придется реанимировать мобилизационные методы. Перспективы второго сценария еще более проблематичны, так как в стране нет на сегодняшний день институтов, заинтересованных в его реализации¹¹. В полусвободной экономике бизнес не будет рисковать, вкладывая средства в инновационные проекты, которые окупят себя не скоро.

Сырьевая ориентация экономики Тюменского Севера не отвечает долгосрочным интересам государства и регионального общества, но в обозримой перспективе отказ от освоения новых месторождений выглядит утопично: это больно ударит и по российской экономике в целом, и по региону, спровоцировав снижение уровня жизни населения. Так, по расчетам специалистов СО РАН, затягивание разработки газовых ресурсов полуострова Ямал приведет к недополучению существенного объема конечного продукта (2,4 трлн. рублей) и замедлению роста всей экономики РФ¹².

Нефтегазовые ресурсы, сами по себе, не могут быть причиной ни ускорения, ни торможения страны. Все зависит от общего вектора социально-экономического развития государства. СССР не смог должным образом распорядиться природными богатствами. Не сумела ими толком распорядиться и новая

10 См: Концепция и основные направления Российской программы развития районов Севера на 15-20 лет. - М., 1992. 176 с.; Концепция устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации. - М., 2004. 89 с.; Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. - М., 2004. 115 с.; Программа комплексного освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающих акваторий. - Москва-Салехард, 2007. 176 с.

11 Подробнее об этом см.: Тимошенко В.П. Перспективы развития Тюменского Севера (К вопросу об исторической преемственности) // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Материалы Всероссийской науч. конф. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. С. 13.

12 Алёшина О. Ямал не ждёт // Нефть России. 2009. № 12. С. 73, 74.

7 Стефаненко С. Бессменный лидер // Нефть России. 2009. № 2. С. 52.

8 Агранат Г.А. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 27.

9 УрФО. 2009. №№ 5-6. С. 7.

Россия в «тучные» 2000-е гг., когда конъюнктура цен на мировом нефтяном рынке была очень благоприятной для страны (до 160 долларов США за баррель летом 2008 г. против 8-12 долларов в конце 1980-х гг.) и накопленный за счет нефтедолларов валютный запас позволял менее болезненно, чем в условиях мирового кризиса, решить проблемы модернизации национальной промышленности.

В конце 2000-х гг. в старых нефтегазовых провинциях России – Западной Сибири и Поволжье – объемы добычи снижаются, а разработка новых регионов – арктического шельфа, Восточной Сибири, Тимано-Печоры и Каспия – требует колоссальных инвестиций. В 2006-2008 гг. впервые за 2000-е годы в нефтегазовой промышленности РФ проявилась тенденция к снижению уровней добычи. В Ямало-Ненецком автономном округе – та же картина. В 2006 г. было добыто более 571 млрд. кубометров газа, 2007-м – 563, 2008-м – снова 571,5, а в 2009 г. – только 483 млрд. кубометров. По нефти: 2006 г. – 48,4 млн. тонн, 2007 г. – 44,5, 2008 г. – 40, 2009 г. – 37,6 млн. тонн¹³. Фундаментальными причинами снижения добычи стали: истощение сырьевой базы на значительной части эксплуатируемых месторождений в традиционных нефтегазоносных районах; задержка с выходом на новые провинции и крупные месторождения. Только по ХМАО бездействующий фонд скважин составляет более 17 тысяч (крупные компании считают их нерентабельными), а по РФ в целом бездействуют более половины нефтяных скважин.

Мировой экономический кризис оказал заметное влияние на условия функционирования нефтегазового комплекса. Произошли: снижение цен на углеводородное сырье, сокращение спроса на него (впервые с 1982 г. в мире произошло снижение потребления энергии в связи с сокращением промышленного производства). В связи с изменением условий привлечения финансовых ресурсов уменьшились объемы инвестиций в геологоразведку и научно-исследовательские и

опытно-конструкторские работы, сместились сроки реализации проектов в новых перспективных регионах, в том числе – на Ямале.

В этих условиях возрастает роль государственного участия в развитии нефтегазового сектора. В связи с освоением новых нефтегазовых месторождений и провинций основной объем инвестиций будет направлен в объекты внешней инфраструктуры. Инвестиции в данные объекты в период до 2030 г. должны достигнуть 7,5 трлн. рублей.

Реализация программы «Урал промышленный – Урал Полярный» началась в условиях кризиса, а значит, как и в советское время, во весь рост встанет фактор времени и проблема инвестиций. Ввиду сокращения расходов на геологические изыскания акценты смещаются, и базисным регионом для реализации мегапроекта становится Ямал. Стратегической задачей обозначено строительство железной дороги Салехард-Надым, с продолжением через Пангоды на Новый Уренгой – на востоке округа и на западе – от левого берега Оби к станции Обская (Лабытнанги). Работы начнутся в 2011 г. и продлятся 3 года.

Несколько отдалается перспектива строительства меридиональной дороги от Агириш до станции Полуночная (Свердловская область). В отличие от первоначальных планов оно отнесено ко второму этапу реализации проекта. Хотя его куратор от тюменского регионального отделения «Единой России», председатель комитета Тюменской областной думы по государственному строительству Фуат Сайфитдинов считает изменения в проекте рабочим моментом¹⁴, понятно, что сокращение финансирования может привести к искушению сэкономить на отдельных элементах инфраструктуры, производственной и социальной.

Транспортное обеспечение освоения нефтяных и газовых месторождений полуострова Ямал требует завершения строительства железнодорожной линии Обская – Бованенково с дальнейшим выходом к портам Северного морского пути. Создание транспортных коридоров должно придать новый и мощный импульс социально-

13 Анненкова А. На юге Тюмени без перемен // Нефть России. 2010. № 9. С. 58.

14 Тюменские известия. 2010. 29 октября.

экономическому развитию прилегающих районов и всех субъектов УрФО в целом. Но уже сегодня специалисты расходятся во мнении: есть ли нужда в опережающем строительстве дорог? Не разумнее ли прежде завершить комплекс геологоразведочных работ, получить неоспоримые доказательства геологических данных, а затем браться за строительство дорог? В то же время руководитель Всероссийского института минерального сырья Г. Машковцев утверждает, что у геологов еще работы – непочатый край: на доразведку и доказательство запасов понадобится не менее 10-15 лет (докризисная оценка)¹⁵. Вопрос о приоритетах носит принципиальный характер, так как значение транспортного фактора не ограничивается решением проблем доступа к отдаленному северному региону и организацией его регулярных сообщений с «материком» – долгосрочный эффект транспортного развития заключается в создании действенных стимулов к трансформации сложившейся на Севере в предыдущий период модели регионального хозяйства.

Хорошо бы, подобные дискуссии не привели к реализации уже знакомого по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу (ЗСНГК) сценария, когда не дороги прокладывали пути для промышленности и торговли, а наоборот, промышленность и торговля, надрываясь в преодолении бездорожья, тянули за собой дороги. Этот хозяйственный абсурд напоминал, по выражению В.А. Ламина, «времена царя-гороха» и обошелся России не только астрономическими материальными потерями, но еще большим ущербом для цивилизационного прогресса ее окраинных пространств¹⁶.

Главный урок советского освоения Севера состоит в том, что при разработке и осуществлении новых грандиозных планов не следует, образно говоря, забывать про дороги (опережающее инфраструктурное обеспечение основного производства), а сфера государственных интересов (производство) не должна заслонять человека (жизнеустройство).

15 УрФО. 2009. № 3-4. С. 33.

16 Ламин В.А. Аналитический обзор методологии исследований истории регионального социально-экономического развития // История Ямала: дискуссии и научные решения. – Салехард – Екатеринбург, 2006. С. 35, 36.

Важно учитывать, что в условиях Крайнего Севера социально-бытовые проблемы тесно переплетаются с медико-биологическими. По данным обследований второй половины 1990-х гг., у 55% практически здоровых людей на Крайнем Севере отмечалась сильная эмоциональная напряженность, у трети обследованных проявлялся высокий уровень нервных расстройств¹⁷. Эту проблему изучали и в советское время, особенно интенсивно с началом широкого развертывания работ по освоению газовых ресурсов полуострова Ямал, где на начало 1988 г. общая численность работающих по линии Мингазпрома СССР составляла уже более 1 400 человек¹⁸. Приказом Министерства от 5.02. 1988 г. был создан научный коллектив, которому было поручено подготовить технико-экономический доклад «Обоснование организации труда с использованием вахтово-экспедиционного метода (ВЭМ) при освоении и эксплуатации газовых месторождений полуострова Ямал». Изучив отечественный и зарубежный опыт освоения месторождений в полярной и арктической зонах, специалисты подготовили предложения, некоторые из которых выглядели довольно необычно. Так, с целью улучшения морально-психологического состояния считалось целесообразным обеспечить организованные посещения экспедиций, занятых на полуострове, членами семьи, обеспечение работников видеотелефонной связью с «Большой землей». Предлагалось повысить уровень заработной платы вахтовиков до размера заработной платы специалистов, направляемых в зарубежную командировку. Для обеспечения комфортабельным жильем вахтового и экспедиционного персонала предлагалось построить в Тюмени современный жилой комплекс на 25 тыс. человек с объектами социальной инфраструктуры стоимостью 120 млн. рублей¹⁹.

17 . Букин С.С. Индустриальные районы Севера Западной Сибири: советский опыт и рыночные преобразования // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. Вып. 2. С. 79.

18 Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2101. Оп.1. Д. 1528. Л. 33.

19 Там же. Л. 34.

Выход на Ямал был отложен в связи с общим ухудшением социально-экономической ситуации в стране, но предложения ученых свидетельствовали о том, что серьезность проблемы адаптации человека на Крайнем Севере вполне осознавалась и 20 с лишним лет назад.

Сегодня и на обозримую перспективу нефть и газ остаются главным ресурсом России, а Ямал – стратегически важным регионом страны. Но нельзя сформулировать задачи, кото-

рые должен решить нефтегазовый комплекс (и национальный, и ЯНАО), не определив общую концепцию и цели промышленной политики государства. Если в концепции нового мегапроекта на первый план опять выйдут промышленный и политический аспекты, оттеснив проблемы, связанные с социальной составляющей, экологией и природопользованием, то мы увидим на Ямале повторение пройденного в советский период.

НОВЫЙ ЭТАП ПРОМЫШЛЕННОГО
ОСВОЕНИЯ ЯМАЛА.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

В.П. Тимошенко

Основные противоречия в развитии экологической ситуации на Севере имеют место между потребностью экономики страны в крупномасштабном хозяйственном освоении территории таких уникальных регионов как ЯНАО и необходимостью сохранения природной среды Арктики и Субарктики, между необходимостью использовать уникальные природные ресурсы Севера для нужд современных отраслей промышленности и одновременно сохранять среду обитания и традиционные промыслы коренных народов¹.

Своеобразие современной ситуации в обеспечении экологической ситуации в округе состоит в том, что ЯНАО становится инвестиционно привлекательным регионом для добывающих компаний, ГОТОВЫХ НАЧАТЬ КРУПНОМАСШТАБНУЮ разработку новых месторождений минерального и углеводородного сырья². Для минимизации экологических последствий осуществление инвестиционных проектов требует квалифицированной экологической экспертизы, разработки нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие компаний с коренным населением северных территорий по охране среды обитания.

При дальнейшем промышленном освоении ЯНАО для прогноза экологических последствий, необходимо учитывать сегодняшнее состояние городов, районов и НГК, природный потенциал региона. При анализе экологических последствий, необходимо помнить о неоднородном освоении территории округа, рассматривать проблемы, возникающие в конкретном районе, муниципальном образовании.

1 Тимошенко В.П. Индустриализация – рецепт развития уходящей эпохи? (Обзор дискуссии вокруг мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный») // Уральский исторический вестник. 2007. №16. С.80-88.

2 Чуканов В.П. Нужен системный подход // Вестник УрО РАН. 2006. №3. С.4-5.

Наиболее актуальные экологические проблемы округа:

- Старение магистральных и внутрипромысловых нефтепроводов на территориях районов с развитой нефтяной и газовой промышленностью (г. Ноябрьск, г. Муравленко). На территории эксплуатируются внутрипромысловые нефтепроводы, на которых уже сейчас отмечаются случаи технологических отказов, что может привести к значительному загрязнению территории;

- Вовлечение в хозяйственный оборот новых территорий. Многие месторождения в ЯНАО находятся на стадии падающей добычи, однако, с 2001 г. наблюдается устойчивая тенденция повышения добычи нефти, в основном за счет освоения новых территорий, увеличения количества скважин, а, следовательно, требуют внимания вопросы рационального размещения промысловых объектов;

- Проблема утилизации и захоронения отходов, отсутствие специализированных полигонов по-прежнему будет актуальной для предприятий отрасли. Увеличение наращивания темпов бурения нефтяных скважин приведет к еще большему объему образования токсичных промышленных отходов.

В районах с развитой нефтяной и газовой промышленностью (гг. Ноябрьск, Муравленко, Губкинский, Новый Уренгой, Надым и Надымский район, Пуровский район) приоритетным в области охраны окружающей среды, требующими немедленного решения, остается предотвращение и уменьшение негативных последствий при авариях при бурении и эксплуатации нефтяных скважин, нефтепроводов; сжигании на факелах попутного газа; образования промышленных отходов; утечка нефти и пластовой воды с кустовых площадок и из шламовых амбаров.

Развитие инфраструктуры и рост городов и поселков также влияет на экологическую

ситуацию в районах. Загрязнения техногенными и бытовыми отходами и стоками, рекреационные нагрузки (вытаптывание, сбор пищевых, лекарственных и т. д. растений), выбросы двигателей автотранспорта лишь часть пагубного воздействия на природную среду. Не случайно, в последние годы в территориальной структуре природоохранных инвестиций повышается доля районов с относительно низкой нагрузкой предприятий нефтегазового комплекса.

Для обеспечения производственной деятельности предприятий нефтедобывающего комплекса ежегодно отчуждаются значительные территории. Это приводит к расширению территорий, где техногенная нагрузка, создаваемая нефтегазовым комплексом, весьма значительна. В районах размещения объектов нефтегазодобывающей отрасли, происходит деградация почв, что ведет к трансформации естественного ландшафта, в связи с этим необходимо проведение своевременных рекультивационных работ, имеющих природоохранное и сельскохозяйственное направления.

Развитие промышленности в перспективных нефтегазовых районах округа (Ямальский, Тазовский, Красноселькупский) с одной стороны позволит преодолеть депрессивные процессы в районах, с другой стороны повысит нагрузку на окружающую среду. При освоении новых газовых месторождений важность природоохранных вопросов постоянно растет в связи с возрастанием общего уровня загрязнения природной среды. Учет экологических интересов на всех этапах освоения месторождений (предпроектный, строительный, эксплуатационный) способствует более рациональному использованию ресурсов³.

Использование вахтового метода, в том числе внутрирегионального, и отказ от строительства и содержания городов-спутников не только оправдан в районах с крайне тяжелыми условиями труда, но и позволяет снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду. На этапе строительства необходимо оптимизировать количество внутрипромысловых до-

рог, исключить бессистемное использование транспорта. Для уменьшения воздействия на рельеф, минимизации нарушения природной среды строительство производственных объектов предпочтительно производить на свайных основаниях.

Одной из главных проблем в добывающей промышленности являются отходы, поэтому при освоении месторождения должна быть программа контроля над отходами (сточными, твердыми и попутным газом). Особо остро стоит проблема удаления буровых отходов, правильное использование и утилизация бурового раствора и шлама на стадии бурения скважин. Твердые бытовые и промышленные отходы должны быть ликвидированы на специальных полигонах, а стоки очищаться на канализационных очистных сооружениях.

Необходимо учитывать, что одной из самых главных экологических проблем ЯНАО остается аварийность на предприятиях нефтегазодобывающего комплекса, сопровождающаяся залповыми выбросами в окружающую среду нефти и нефтепродуктов. В результате аварийного попадания на почвенные грунты, нефть, оставаясь на месте разлива, постоянно просачивается в почвенные воды, что создает угрозу загрязнения подземных водоносных горизонтов, являющихся источником водоснабжения. Постепенно мигрируя, нефтяное загрязнение распространяется на территориях, значительно превышающих площадь первичного загрязнения.

Таким образом, в районах крайнего Севера вследствие развития нефтегазового комплекса, строительства объектов и предприятий добывающей, перерабатывающей промышленности, энергетики, транспорта продолжается уничтожение больших территорий оленьих пастбищ и, как следствие, происходит уменьшение запасов лишайниковых кормов.

Основными причинами вывода из строя значительных территорий пастбищ в округе являются: промышленное освоение, не соблюдение проектов землеустройства, а так же бессистемное использование пастбищ.

При дальнейшем промышленном освоении района необходимо учитывать интересы ко-

³ Тезисы докладов участников выездного заседания Президиума УрО РАН в г.Салехард. Салехард, 2006. С.37.

ренных народов Севера. На земли традиционного хозяйствования идет огромная нагрузка, приводящая к экологическим проблемам, на сегодняшний день наиболее важными из них, волнующими коренное население, являются:

- Загрязнение водоемов промышленными и бытовыми отходами, и как следствие уменьшение количества рыбных ресурсов;
- Отвод земель под промышленные нужды;
- Загрязнение почв промышленными и бытовыми отходами, что влечет за собой ограничение территорий традиционного природопользования;
- Проседание и заболачивание территорий.

Потеря земель приводит к утрате национальных традиций, обычаев и как следствие — к росту безработицы среди коренного населения.

На территории перспективных нефтегазовых районов будут наблюдаться не только нарушения, связанные с интенсивными формами ведения хозяйства (нефтедобыча, геологоразведка, промышленность, транспорт, строительство), но и нарушения, связанные с традиционными экстенсивными формами ведения хозяйства (оленоводство, охотничий и рыболовный промысел), имеющими длинную историю.

Структурные изменения экономики территорий, обусловленные размещением горнодобывающего производства, является одной из важнейших проблем освоения минерально-сырьевой базы и развития отраслей минерально-сырьевого комплекса в России⁴. Исторически сложились представления, что основным критерием строительства нового промышленного предприятия, особенно градообразующего характера, является не развитие и экологическая безопасность конкретной территории, а развитие отрасли. Традиционно предприятия одной или смежных отраслей территориально тяготели друг к другу, что с планово-экономической точки зрения снижало транспортные издержки и укрепляло хозяйственные связи. Это привело к возникновению низко диверсифицирован-

ных территориально-экономических комплексов, насчитывающих в своей структуре только промышленные или только горнодобывающие предприятия без существенного развития природоохранного сектора.

В последние годы существовавшая структурная диспропорция большинства горнопромышленных регионов в ходе рыночных реформ не была сглажена, напротив, произошло дальнейшее утяжеление структуры промышленности в сочетании с усилением антропогенной нагрузки на экологическую систему. Кроме того, процесс реформирования экономики России для крупных территориально-промышленных комплексов был связан со старением основных производственных фондов и объектов инфраструктуры, возрастанием риска производственных аварий и техногенных катастроф, повышенной экологической нагрузкой. С другой стороны, функционирование крупных моноспециализированных промышленных комплексов отличается сильной подверженностью влиянию внешних факторов на уровень социально-экономического благополучия территории. Изменения в отраслевой конъюнктуре, в стратегии экономического развития России приводят к существенным, а зачастую и критическим, последствиям для конкретной моноспециализированной территории. Особенно это свойственно для горнодобывающей промышленности, поскольку основная масса предприятий этой отрасли является градообразующими, и, в отличие от других промышленных комплексов, в самом своем источнике функционирования имеют предпосылку наступления кризиса в связи с исчерпаемостью разрабатываемого полезного ископаемого⁵. Эти посылы важно учитывать при расширении масштабов промышленного освоения Крайнего Севера.

Россия в своем региональном развитии очень долгое время следовала рецептам девятнадцатого века: развитие — это индустриализация; территория есть технологическая площадка — «физическая платформа» — для раз-

4 Урал промышленный — Урал полярный: история и современность // Вестник УрО РАН. 2006. №4. С.3-10.

5 Исследования социально-экономических последствий реализации программы «Урал промышленный — Урал полярный». Тюмень, 2006. С.13-14.

мешения производительных сил; обеспечить развитие территории значит сосредоточить на ней главные факторы индустриального производства - сырье, основные фонды, капитал и рабочую силу. Современный этап освоения ресурсного потенциала Ямала обуславливает необходимость перехода на принципиально новый технологический уклад социального и инфраструктурного обустройства территорий. Переход на новый технологический уклад сопровождается высокими организационно-экономическими рисками.

Территории Российского Севера находятся в ситуации, когда воздействия рыночной реформы на социально-экономическую ситуацию пока не компенсируются конструктивными потенциями рыночной системы хозяйства. *Происходит нарастание неравновесности, неустойчивости экономических процессов, сопровождающихся ростом социальной напряжённости.* Она вызывается разрушением базовых систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения - экологической среды, демографического потенциала, отраслевых

производств, жилищно-коммунального комплекса, социальной сферы и инфраструктуры.

Необходимость социально-экономических программ для моноресурсных районов Севера очевидна. Но такие программы требуют огромных средств, затраты которых на реабилитацию должны быть эффективными. Подобные программы на Западе сочетают государственное регулирование с рыночными механизмами. Из этого следует необходимость специальных исследований, методических разработок оценочно-прогнозной и перспективно-проектной работы с целью научного обоснования развития моноресурсных территорий.

Развитие топливно-энергетического комплекса, горнорудной промышленности, создание перерабатывающих отраслей представляет собой «полюс роста» всей отечественной экономики. Это означает, что решение задач повышения экологической безопасности использования ресурсного потенциала Полярного Урала напрямую связано с развитием технологических инноваций.

ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ

**БЕРЕЗОВСКИЕ КАЗАКИ
НА «ГОДОВОЙ» СЛУЖБЕ В ОБДОРСКЕ.
XVII ВЕК**

М.О. Акишин

В 1990-х гг. была проведена серьезная археографическая работа, создавшая основательную источниковую базу для изучения истории Ямальского Севера¹. Настоящая работа в исследовательском и археографическом отношении является продолжением этих трудов. Ее целью является выяснение причин и установление максимально полной хронологии восстаний, межплеменных и межродовых войн хантов и ненцев в Обдорской волости, а также роли березовских казаков в их пресечении. В приложении впервые публикуется двенадцать документов, связанные с рассматриваемой темой. Публикация документов осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических источников в СССР» (М., 1990).

Включение Обдорского княжества в состав Российского государства произошло в связи с основанием русских острогов на Севере Сибири – Березовского и Обдорского. С момента основания в Березове был создан сильный гарнизон из государевых служилых людей. Следует отметить, что в него вошли казаки Ермака. Первым березовским атаманом был Алексей Галкин, начавший службу «в Сибири с Ермаком Тимофеевым»,

участник «взятия Сибирского царства». В атаманах на Березове он прослужил около тридцати лет, а затем был послан в Мангазею, где «от иноземцев убит»². Память о казаках Ермака сохранялась в Березове в течение столетий. В конце XIX в. в Воскресенском соборе как священные реликвии хранились иконы Архангела Михаила и Святителя Николая, принесенные в Сибирь дружиною Ермака, а в соборной избе городской казачьей сотни находилось некогда принадлежавшее дружине старинное ветхое знамя³.

Основной податью и одновременно символом подданства от российского монарха стал для коренных народов Сибири ясак. Как доказал С.В. Бахрушин, российская администрация заимствовала эту подать от своих предшественников – монголо-татарских завоевателей Сибири. В тюркских языках «ясак» означал «закон, устав, уложение», почему С.В. Бахрушин давал следующие определения: «Ясак – это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, в отличие от добровольного приношения, «поминков». Ясак – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю; он является признаком подданства»⁴.

Констатируя факт заимствования ясачного обложения народов Сибири, следует помнить, что Российское государство было более развитым в сравнении с ханствами кочевников-татар. В Сибири конца XVI – XVIII вв. ясак собирался в двух формах – неокладной и окладной. Неокладной ясак

1 Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. – М.; Ньютонавилль, 1993; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. /Автор вступ. ст. и комм., сост. М.О. Акишин. – Новосибирск, 2000. – С. 97 – 101, 215 – 221, 233 – 239, 289 – 293; Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 1994. № 1; Манькова И.Л. Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века // Русское освоение Ямала до XX века (документы и исследования). – Екатеринбург, 2005; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. прав. актов и док. /Ред.-сост. А.Ю. Конев. – Тюмень, 1999; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. /Авторы-составители Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. – Екатеринбург, 2004.

2 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1389. Л. 933.

3 Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 36.

4 Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. Т. III, ч. 2. – С. 49.

собирался «без имен», т.е. без переписи плательщиков, почему его размер невозможно было знать заранее: «кто что приносит..., и то приносят повольно». Думается, именно эта форма и была заимствована от тюрков. Окладной ясак предполагал перепись населения и обязанность каждого плательщика «по именам» вносить определенное количество шкурок пушнины (в дальнейшем оклад стал выражаться в денежной стоимости пушнины). Окладной ясак был более тяжелым, нарушал традицию-«старину» и не мог не вызвать сопротивления. Между тем, население остяцких княжеств Березовского уезда обложили именно окладным ясаком.

В 1595 г. в Березовском уезде началось восстание: «березовские де остяки и самоедь к городу и к острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших служилых людей побили. А достальные де наши люди от тех остяков сидели в городе в осаде больши полугода. И ис Тоболска де наши воеводы присылали на Березов выручати Черкаса Александра с служилыми людми. Да с Москвы прислан де был князь Петр Горчаков да Олександра Хрущов с служилыми людми и с нарядом. И тех остяков и самоедь привели под нашу царскую высокую руку и ясак с них взяли. А которые де остяки и самоедь нам ясаку давать не похотели, и они де тех многих остяков и самоедь, переимав, казнили. И иных ис тех людей, князьков, лутчих людей, прислали к нам к Москве»⁵.

Как установил А.Т. Шашков, в связи с подавлением этого восстания произошло покорение русскими Обдорского княжества. Летом 1595 г. из Москвы на выручку березовскому гарнизону был послан отряд князя П.И. Горчакова. Этот отряд перешел через Уральские горы зимой и довершил разгром повстанцев. Спустившись из Березова по льду вниз по Оби, они нанесли удар по Обдорскому княжеству. Взятый в плен обдорский князь был доставлен в Москву, где принял крещение под именем Василия и вернулся на родину подданным русского царя.

В отсутствие Василия в княжестве произошли значительные изменения. Не позднее весны 1596 г. близ древней княжеской столицы Пулинг-авот-ваш (по-самоедски – Саля-хард) был построен небольшой русский острог, называвшийся первоначально Носовым городком, а затем Обдорском. В 1597 г. в этих местах появились две русские таможенные заставы – Обдорская и Собская. Г.Ф. Миллер писал о значении Обдорского острога в XVII в.: «...им пользовались, чтобы держать в нем, особенно в зимнее время, небольшое число служилых людей для сбора с тамошних остяков и самоедов ясака, а также чтобы разрешать там их споры ... там же взымались таможенные пошлины. Если бы самоеды задумали произвести нападение на других самоедов или на остяков (а это в прошлые времена не представляло ничего необычайного), то служилые люди из Обдорского городка должны были удерживать их»⁶.

Несмотря на поездку в Москву и принятие православия, князь Василий не стал надежным подданным российских государей. В 1600 г. он во главе подвластных ему хантов участвовал в мангазейском походе отряда Мирона Шаховского и Даниила Хрипунова, в ходе которого русский отряд понес большие потери: 30 казаков были убиты, а самого Шаховского тяжело ранили. О тяжелом бое с мангазейской «самоядь» участвовавшие в нем березовские казаки вспоминали: «Как де их громила самоед и они де у смерти обещались к соловецким чюдотворцам молиться»⁷. Воеводы Березова и Тобольска, проводившие следствие о причинах нападения мангазейской «самояди», заподозрили князя Василия в сговоре с ними, что и стало, по мнению воевод, причиной больших потерь⁸.

В 1607 г. произошло очередное «изменное дело»: князь Василий и куноватский князь

6 Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. Т. I. – С. 280, 491; М., 200. Т. II. – С. 26; Шашков А.Т. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XX веков: Материалы третьей региональной научной конференции. – Новосибирск, 1998. – С. 15 – 16.

7 Архив РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 130об.

8 Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. Т. I. – С. 303 – 305, 387.

5 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. – Новосибирск, 1994. – С. 183 – 184.

Шатров Лугуев подняли восстание. Весной «к Березову городу остяки и самоедь, собрався, приходили приступом. И в уездех, в Березовском и в Сургуцком, ... служилых людей и которые были посланы для ... ясаку, и торговых и промышленных людей, которые ходят для своих промыслов, побивали». Осада для гарнизона Березова оказалась тяжелым испытанием. В 1607 г. царю Василию Ивановичу били челом «Березова города атаман казачей Истома Аргунов да казак Васька Юрьев, да литвин Фетька Волошин и во всех товарищев своих... место, а сказали: ...как де изменили Березовского уезду все ясашные люди и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца и около города ров копали и во рву острог ставили и город крепили и Божию милостью многих изменников переимали»⁹.

Восставшие разошлись по своим юртам, но их лидеры начали готовиться к новой попытке, которую предполагалось осуществить в конце июня. Однако среди самих хантов начался раскол. В 1657 г. «новокрещенный» Григорий Ваюсев вспоминал: «...была на Березове Березовского уезду в ясачных людех в остяках шатость великая, хотели они те остяки всех волостей Березов город и острог выжечь, а воеводу и служилых людей хотели побить всех без остатку. И я... в те поры, не хотя такова дурна и православного христьянства в погибели видети, проведаль у ясачных остяков и у отца своего Ваюся такое заводное воровское умышление, сказал на Березове воеводе князю Петру Черкасскому, что в остяках и отца моего шатость и измена великая»¹⁰.

На сторону русских перешел не только Григорий Ваюсев. Кодский князь Онжа Юрьев, схватил и доставил в Березов куноватского князя Шатрова Лугуева и еще нескольких «воров». Еще в 1600 г. в обдорской княжеской семье произошел раскол: «князь Василий самоеде говорил, чтоб сыну его Мамруку большего изменного дела не сказывали», потому

что он — сторонник русских, «а его, князя Василия, не слушает». В 1607 г. Мамрук Васильев перешел на сторону русских. На помощь Березову прибыла помощь из Тобольска.

В 1607 г. березовский воевода князь Петр Черкасский арестовал и повесил некоторых «изменников» — новокрещена Левку, Петрушку Куланова с женой-«ворожеей» и сыном Антоном, а также Ваюся, «лучшего человека» Подгородной волости. Тогда же отряд кодских остяков под командованием служилого человека Ивана Рябова был отправлен на правый берег Оби, где ему удалось поймать князя Василия Обдорского и десятки других участников восстания. Некоторых из них «били кнутьем», а Шатрова Лугуева, тобольдинского «шайтанщика» и двух «лучших» кодских остяков по приказу воеводы повесили. Судьбу «пущих изменников» — обдорского князя Василия, ляпинского князя Лечмана и казымского князя Богдана Цынгопова (Сенгепова) — решал в Москве царь Василий Шуйский, утвердивший им в конце октября того же года смертный приговор¹¹. Тела Шатрова Лугуева, Василия Обдорского и еще четырех хантов оставались на виселицах вплоть до весны 1610 г. Только после челобитья царю ляпинского ханта Кушкула Наева и казымского мурзы Ювана Ладыкина эти тела разрешено было снять с виселицы и похоронить¹².

Еще до восстания 1607 г. русская администрация передала Обдорскую волость под власть Мамрука Васильева. Правительство царя Бориса Годунова вручило ему в 1601 г. жалованную грамоту на обдорское княжение. В 1606 г. только что вступивший на престол царь Василий Шуйский подтвердил права Мамрука новой жалованной грамотой. После подавления восстания 1607 г. Мамрук окончательно укрепил свою власть в Обдорской земле и до 1635 г. правил ею. С 1636 г. до начала 50-х гг. XVII в. князем в Обдорске был его сын Молик¹³.

9 Архив РАН (С.-Петербург). Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 141 – 141об.; Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. II. – С. 240; Бахрушин С.В. Науч. труды. – М., 1955. Т. III, ч. 1. – С. 81.

10 РГАДА. Ф. 214. Стб. 505. Л. 58 – 58об.; Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 1994. № 1. – С. 127 – 128.

11 Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. II. – С. 236 – 239; Тобольский архиерейский дом... – С. 184.

12 РГАДА. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 114об.; Сословно-правовое положение... – С. 46 – 47.

13 Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III, ч. 2. М., 1955. – С. 133; Обдорский край и Магазея... – С. 19.

Новый обдорский князь Ермак, сын Мамрука и брат Молика, был вновь заподозрен в «измене». 20 ноября 1662 г. тобольскому воеводе Ивану Хилкову письменный голова Ворфоломей Головин и подьячий Савва Тарков, ездившие на Собскую и Обдорские заставы, сообщили: «...сказывали им остяки, что к остяцкому князю Ермаку многие остяцкие князцы и остяки на думу съезжались по многие времена, а для чего съезжались, того де им не сказали». Сам Ермак Мамруков жаловался Головину и Таркову на ясачных сборщиков, которые «...собирают с них на великих государей ясак и больши де того на себя, и им де от тех сборщиков чинитца налога большая». Тобольский воевода приказал березовскому воеводе «жить с великим бережением» и «шатости и измены розведывать».

В 1663 г. березовский воевода Александр Давыдов провел сыск. Пойманные первыми куноватский и сосвинский ханты Какунчей Лемтохтыев и Умба Панжиев показали, что весной 1662 г. в Куноватскую волость приезжали ханты из Чердынского уезда и купили двух «малых» (ханта и ненца), которых затем убил «чордынской шайтан». Какунчей также показал, что ранее человеческие жертвоприношения ханты приносили только накануне «шатости», когда замыслят «на город притти и людей государевых побить». Воевода не удовлетворился их показаниями, приводил их «в застенок и к пытке и роспрашивал накрепко». Под пыткой они показали, что еще весной 1661 г. ханты всех волостей были готовы «идти... на город и служилых людей побить», но отказались от этого замысла из-за того, «что де они с собою в измену... не могли самоедь призвать».

Между тем, березовские казаки доставляли в город новых хантов. Все они подвергались сначала допросу, а затем пытке. Большинство давали показания о намерении всех их соплеменников напасть на Березов. Под пытками появились и более фантастические показания: «коцкой остяк Анка Конжиков... пытан накрепко и огнем сжон, а с пытки говорил и винился, что у всех де у них Березовского уезду у остяков была дума и измена... А зачалась

де у них та шатость и измена во всех городках Тобольского разряду и Томского разряду ж в прошлом во 169-м году... И договорились на том, что быть де царевичю Кучюмову в Тобольску и владеть ему всею Сибирью... А ...в Березове и владеть Березовым обдорскому князю Ермаку Мамрукову». Таким образом, смутные слухи стали превращаться в фантастический по своим размахам замысел всех «иноземцев» Западной Сибири уничтожить русских людей и восстановить власть наследников Кучюма.

Был захвачен и доставлен в Березов «карачейский лутчей самоедин Пося Хулеев». Он был только допрошен, но пыткам не подвергался. На допросе Пося Хулеев показал: ханты разных волостей «...в прошлом де во 170-м году призывали де их, самоедь Пося и иную самоедь, на город войною, город Березов и служилых людей побить». Участвовал в уговорах самоедов и обдорский князь Ермак Мамруков. Но «он де, Пося, ...не послушал, и того лета в измене... отказал». На следующий год ханты вновь обращались с такими предложениями, но самоеды им вновь отказали.

Наконец, сын боярский Родион Лихачев доставил в Березов князца Ермака Мамрукова, его брата Сыклю, еще одного представителя княжеской династии Гынду Моликова и других «лутчих людей» Обдорской волости. На допросе Ермак, Сыкля и Гында показали, что ничего об «измене» не знают, но другие «лутчие люди» заявили, что Ермак призывал их к «шатости». Представители обдорской княжеской династии подверглись пытке. Воеводе удалось выбить у Ермака фантастического признания о том, что он со всеми березовскими хантами и ненцами хотел захватить город, перебить всех русских людей, после чего вместе с другими остяцкими князцами править на Березове, но собирать ясак Ермак якобы должен был единолично, чтобы «отсылать тот ясак в Тоболеск к царевичю Кучюмову».

Проведя этот сыск, воевода Александр Давыдов квалифицировал действия Ермака и хантов по ст. 1 и 2 главы второй Соборного уложения 1649 г., т.е. как государственное преступление. По приговору воеводы Ермак

Мамруков и еще 15 «лутчих» остяков из всех волостей Березовского уезда были повешены. Решение Березовского воеводы было явным своевољством. Узнав об этом, тобольский воевода Иван Хилков сделал Давыдову выговор: «И то ты учинил не по государеву указу, что березовских ясачных лутчих остяков перевешал без вины, для своей бездельной корысти, нороя вораи, березовским ясачным сборщиком, и ясачных же остяков, которых ты пытал, пограбя животы их себе, распустил по волостям»¹⁴.

С 1663 г. и до конца столетия Обдорской волостью правил князь Гында, сын Молика. Он также был склонен к «шатости». В 1668 г. пустозерский воевода Иван Неелов сообщал березовскому воеводе князю Петру Гагарину, что «войною... на Пустозерский острог» из Березовского уезда приходила карачейская самоедь во главе с Посей Хулеевым и обдорские ханты во главе с князем Гындой Моликовым: в 1665/66 г. убили шесть пустозерских самоедов, нескольких захватили в рабство и «животы» их пограбили; в 1667/68 г. убили трех самоедов, «побрали и перевязали пустозерской самоеди 30 человек... и самоедок, со всеми их животами и с оленьми»; захватили русских людей на рыбной ловле «и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было»¹⁵.

Русская администрация вынуждена была мириться с участием Гынды в межплеменных и межродовых войнах. Более того, 24 июня 1679 г. березовский воевода получил от царя грамоту с подтверждением прав Гынды на управление Обдорской волостью. Права обдорского князя, закрепленные в грамотах 1601 и 1606 гг., расширялись. Гында и его преемники получали право «не в больших делах» быть подведомственными березовскому воеводе, «а для больших дел ... отпускать их к... Москве». При этом, под «большим делом» понимались, в частности, вопросы об изменениях в ясачном сборе. Фактически эта норма означала запрет сибирской администрации вмешиваться в какие-либо дела Обдорской

волости без челобитья ее князцов и их личную подсудность исключительно царю. Грамота была составлена в связи с конфликтом между хантами и ненцами, воеводе поручалось хантов «от воровской самоеди оборонить». В дальнейшем эта норма стала основой для укрепления власти обдорских князцов над ненцами-кочевниками Ямальского Севера¹⁶.

«Замирение» Обдорской волости не означало распространения власти российских монархов на весь Ямальский Север. Дело в том, что основным его населением были кочевые «самоедцы — люди дикие, вольные», по выражению их соседей хантов. В течение почти всего года ненцы («самоеды») кочевали по северным тундрам от Канина полуострова до низовьев Енисея и далее на восток до Хатанги. Ненцы, платившие ясак в Обдорске, ежегодно перекочевывали в Мангазейский уезд на р. Таз промышлять пушнину для меновой торговли и уплаты государева ясака. Только «в летнее время... самоед... выезжает для рыбных ловель край моря и живет по островам»¹⁷.

Бескрайние просторы и сложные природные условия заполярной тундры делали ненцев фактически недоступными для русских властей. До 60-х гг. XVIII в. их даже не могли переписать, чтобы обложить окладным ясаком¹⁸. Березовские воеводы писали: «самоедь — люди кочевые, живут от Березовского уезду далече по тундрам и у моря, а приезд ... карачейской самоеди на Обдор живет по первому по зимнему пути до ясачного платежа». Ясак самоеды привозили «повольно», то есть нерегулярно, причем «небольшой». Его передача производилась «на тундре и на льду под Обдорским городком»¹⁹.

В XVII в. хозяйство обдорских хантов и ненцев носило многоотраслевой характер: включало рыбную ловлю, охоту на диких оленей и песцов. Основой их хозяйства являлось разведение домашних оленей. Но уровень развития хозяйства хантов и ненцев не гарантировал их

16 Сословно-правовое положение... – С. 53 – 55.

17 Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III, ч. 2. – М., 1955. – С. 5.

18 Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1975. – С. 139, 231.

19 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 656. Л. 402; Стб. 594. Л. 202.

14 Обдорский край и Мангазья... – С. 48 – 66.

15 Обдорский край и Мангазья... – С. 67 – 69.

от голода. С 1630 по 1644 гг. в Березовском уезде был большой голод. Ханты Казымской, Обдорской, Куноватской и Сосвинской волостей писали об этом: «...со 139-го года ... пришла на нас нужда великая: от больших вод рыбного промыслу у нас не стало, терпим нужу... И многие обдорские остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные ... остяки жены и дети свои для голоду продали в работу». Этот голод имел тяжелые последствия и для ненцев²⁰. Крупными бедствиями были эпидемия оспы 1630 – 1631, 1691 – 1692 гг. В 1700 г. «изволением Божиим был на Березове мор, и многие де служилые люди и с детьми и ясачные иноземцы померли»²¹.

В условиях голода война была одним из средств захватить необходимое продовольствие. Причем, в нападениях зачастую участвовали наиболее бедные ненцы. Так, в 1652 г. князец Большой Карачеи Пося Хулеев свидетельствовал: «...во 150-м году ехал из Сибири за море в Мангазею с твоими государевыми с хлебными запасы торговой человек Офонасей Обрамов служилыми людьми вместе одним кочем. И на море тот коч кинуло на кошку и на кошке коч с твоими государевыми с хлебными запасы обсох. И на кошке те твои государевы хлебные запасы тот Офонасей Обрамов и служилые люди покинули. И карачейская самоед Надеры и Яптики, кочевые худые людишка, те твои государевы розгромные хлебные запасы розвезли по себе»²².

Воинственная «самоедь» нападала не только на русских, но и вела затяжные межплеменные и межродовые войны. В 1633 г. карачейская «самоедь» совершила нападение на казымскую, в результате чего было убито 30 мужчин, а четырех взяли «в полон, опричь жен их и детей и подростков» (всего было уведено в тундру более 50 человек), «и животы их пограбили»²³. В 1649 – 1652 гг. часть березовских ненцев откочевала в Мангазейский уезд после чего между пришлыми и местными

ненцами начались конфликты: «...в леших промыслех почали у них быть меж себя драки большие и друг друга побивают до смерти, и ... меж землею ссора большая»²⁴.

12 апреля 1679 г. вернувшийся из Обдорска ясачный сборщик Иван Шахов сообщил о начале межплеменной войны: «лучшие» Маула и Игона Посевы «изменили и с собою подозвали иных городов воровскую самоедь многих людей, больше четырех сот человек», напали на Обдорск и осаждали его в течение шести дней, «многих остяков и самоедь ранили, и ясачных остяков, которые были в юртах, и на промыслех, и у рыбной ловли, убили двадцать три человека да дву человек самоединов». Маула говорил: «Пришли де они для того, что... князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить». Только посылка с Березова отряда служилых людей заставила «воров» бежать²⁵.

В 1682/83 г. Иван Шахов вновь был ясачным сборщиком в Обдорске и вернувшись в Березов сообщил об опасности новой межплеменной войны: «хотят де итти на обдорскую ясашную самоедь войною Сургуцкого уезду Тымские волости ясашные остяки и побить на смерть». В Сургуте был проведен розыск, допрошенные ханты показали: «на березовскую де обдорскую ясашную самоедь войною итти они не думали, и прежд де сего на них никогда не хаживали, и смертного никакова убойства и разорения им не чинивали, а они де, березовская самоедь, по многия времена к ним... прихаживали, и многих ясашных остяков побивали, и жен де и детей в полон имали, и животы их грабили»²⁶. В 1700 г. казачий пятидесятник Афанасий Тарлов, ездивший в Обдорск для ясачного сбора, столкнулся с тем, что «самоедь ... была меж собою в соре». Тарлов писал, что он их «всех их помирил, и подростков вновь пятьдесят человек прибрал и ясак с них собрал»²⁷.

Большую роль в истории Сибири играл «чрезкаменный» путь на Русь, по которому ез-

20 Обдорский край и Мангазея... – С. 25 – 29.

21 Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... – С. 140; Памятники сибирской истории XVIII в. – Кн. 1. – СПб., 1882. – С. 128 – 129.

22 РГАДА. Ф. 214. Кн. 440. Л. 76 – 82.

23 РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 398 – 402.

24 Обдорский край и Мангазея... – С. 38.

25 Сословно-правовое положение... – С. 53 – 55.

26 Сословно-правовое положение... – С. 56.

27 РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1590. Л. 4 – 4об.

дили поморские промышленники, завозились хлебные и соляные припасы из Тобольска в Березов и Мангазею, отправлялась в Москву собранная в Сибири государева казна. Но дорога эта была опасна из-за нападений «воровской самоеды». Нападениям ненцев иногда подвергались даже промышленные люди, несмотря на то, что они жили и торговали в их землях десятилетиями. В 1640 г. торговые люди жаловались царю на березовскую и пустозерскую «самоядь» в том, что «они нас, сирот твоих», на пути «через Камень Собыю рекою на каменных волоках разбивают»²⁸. В 1641 г. торговый человек Михаил Кондаков бил челом о том, что «изстари родители мои, дед и отец и дядья» имели «торги... и промыслы» с «карачейкою и закаменною самоедью большие», многие ненцы были им должны значительные суммы. В 1635/36 г. мангазейские воеводы послали его дядю Венедикта Кирилова с тобольскими служилыми людьми в Москву. Проводники из мангазейских ненцев доставили их до «карачейской самоеды в их землю здорово». Но «карачейские самоеды», узнав, что у Кирилова с собой 300 руб., «не хотя платить ему долгу, до Березова не доvezчи, убили»²⁹.

Более часто ненцы нападали на служилых людей, сопровождавших государеву казну. В 1635 г. «юраки Тынгина роду» напали в Надымской губе на мангазейских стрельцов, перевозивших в Москву из Магазеи государеву казну, «побили их» и захватили все товары³⁰. 23 августа 1641 г. на красноярских, кетских и нарымских служилых людей, перевозивших государеву соболиную казну, «напущались... многие самоедские люди на оленях... и учили стрелять из луков». Во время сражения четверо служилых и двое промышленников были убиты, а остальные «переранены». Государева казна оказались в руках нападавших³¹.

В 1641 г. на березовских казаков, перевозивших государеву казну в Москву, напала «безвестно самоед и учили по ним из луков

стрелять и государеву казну громить», убили «литвина» Льва Михайлова и целовальника Сидора Рокова, а остальных казаков «из луков переранили»: Федора Игнатьева «ранили в правую ногу, а Ваську Михайлова ранили ж в осьми местах, а Тимошку Докучаева ранили в голову подле левого уха, а Якунку Левонтьева ранили в левое плечо». Израненные казаки сумели отбиться и возратить почти все товары, захваченные ненцами. После этого они «сидели от той самоеды в осаде два дни да ночь» пока не встретились с енисейскими казаками, также перевозившими казну в Москву. Но енисейцы бросили их уже «посеред Соби Нижней», т.к. боялись нападения «воровской самоеды» и не хотели задерживаться из-за раненых и больных. Несмотря на это, березовцы все же сумели добраться с казной в Москву³².

Через год на тех же волоках нападению самоедков вновь подверглись служилые люди, доставлявшие на Русь томскую, кетскую и березовскую соболиную казны. Трижды посылавшиеся на «Камень» по горячим следам отряды березовских служилых людей захватили в плен в общей сложности полтора десятка самоедов. Впоследствии трое из них, содержащиеся в Березове в качестве заложников, умерли от цынги³³.

Пытка захватить продовольствие толкала ненцев даже на нападения на Обдорск. В начале апреля 1644 г. оставленные «для бережения ... государевых хлебных запасов» тобольские и мангазейские служилые люди Иван Михайлов «с товарищи» писали березовскому воеводе: «приезжали на Обдорь воровская самоедь и, дождавшись, когда служилые люди «вышли из анбара под вечер в ызбу ужинать», подошли «к ызбе ... за щитами, и у избы окна снегом заметали, и сени заперли. И у... хлебного анбара двери высекали, и взяли ... хлеба мешков с пятнатцать и больши муки ржаной. И как де они, служилые люди, из избы выбились, и щиты отбили, и вышли к самоеды на берег, и самоедь от анбара отбили, и в то время самоедь ранили их, служилых людей, четырех человек».

28 Бахрушин С.В. Науч. труды. – Т. III, ч. 1. – С. 85.

29 Обдорский край и Мангазея... – С. 20 – 21.

30 Обдорский край и Мангазея... – С. 19.

31 Бахрушин С.В. Науч. труды. – Т. III, ч. 1. – С. 85.

32 РГАДА. Ф. 214. Стб. 103. Л. 266 – 270.

33 РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 340; Стб. 560. Л. 318 – 319.

Узнав об этом, воевода послал в Обдорск сына боярского Родиона Лихачева с двадцатью казаками. Во время произведенного им «сыска» со слов обдорских остяков выяснилось, что в нападении участвовали «воровская самоядь роду Карачеи — Харва да Вена, да Мауня, да роду Адоров самоядин Тутида, да зять ево, Харвин, роду Лохеев, с товарищи». Стало известно, что той же весной в юрты князя Молика Мамрукова приезжала «иная воровская ж самоядь», убившая «у Молика до смерти сына. А и вперед де ... та же самоядь грозят Березовскому уезду, обдорским да Куновацких, да Ляпинских волостей ясачным остяком убивством и грабежем»³⁴.

В 1645 г. ненцы вновь напали на казенный караван: «...как шли из Сибири через море в Мангазею с ...хлебными и со всякими запасы Тобольского города атаман казачей Яков Елизаров и Тобольсково ж и Мангазейсково городов служилые люди и тобольские ж казачьи наемщики, и их де ... воровская самоядь, наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили». После прибытия каравана в Мангазею воевода Петр Ухтомский послал отряд служилых людей «для умиренья на тое воровскую самоядь». В происшедшем бою погибли два князца и многие «самоядцы», были пленены 11 человек, но были ранены двое служилых³⁵.

Московские власти неоднократно требовали для пресечения набегов ненцев захватить у них аманатов. Впервые на это пошел березовский воевода Михаил Лодыженский. Осенью 1649 г. он послал в Обдорск Василия Кокоулина и Дмитрия Свечникова с тридцатью казаками, которые собрали «самояцких лутчих князцов» с шести «землиц». Ясатчики начали переговоры, но самоеды «учали давать в аманаты худых людей», что привело к вооруженному столкновению. Несколько казаков было ранено. Тогда Василий Кокоулин возобновил переговоры с «лутчими людьми», во время которых напоил их и захватил трех «самоецких лутчих князцов — Поска Хулеева да Юра Ипкина, да Воюту Умрусова». В это

время на помощь отряду Кокоулина пришел еще один отряд во главе с атаманом Иваном Аргуновым. В феврале 1650 г. собранная «мяхкая рухлядь» и аманаты были доставлены в Березов. Вскоре, однако, самоедские князцы «вырезався ис тюрьмы», сумели бежать³⁶.

В сентябре 1651 г. новый березовский воевода Яков Лихарев послал в Обдорскую волость для сбора ясака с карачейской «самояди» 35 казаков во главе с сыном боярским Алексеем Лихачевым. 8 февраля 1652 г. отряд вернулся, приведя с собой вторично захваченного в плен князца Пося Хулеева, его сына Мугалея, «князца Шигова Нынкова сына, да обдорской и карачейской же самояди лутчево самоядина Обчина Татова сына». Позднее этих аманатов заменили другими, в числе которых оказался Илга, еще один сын Пося Хулеева³⁷.

Захват аманатов с обдорских ненцев не привел к прекращению нападений на казенные караваны. В ноябре 1656 г. князец карачейской «самояди» Пося Хулеев сообщил в Обдорске березовскому атаману Ивану Аргунову, что ненцы из неподконтрольного ему рода Адеры напали на «коч на море за Руским заворотом» и убили трех служилых людей. Позже выяснилось, что на этом коче перевозилась государева хлебная и соляная казна из Тобольска в Мангазею³⁸.

Только в конце 1650-х гг. русская администрация отказалась от захвата аманатов у ненцев, что имело положительный эффект. В 1660 г. березовский воевода Борис Зубов писал в Сибирский приказ: «...вашу государеву казну самояд князь Поско Хулеев с товарищи привезли на Березов в город на своих подводах. А наперед сево оне, самояд, с вашим государевым ясаком в город на Березов не приезжали и подводы под вашу государеву казну не давали, а платили оне ваш государев ясак преж сево на тундре и на льду под Обдорским городком»³⁹.

Рассматривая историю восстаний, межплеменных и межродовых войн, разбоев на

34 Акишин М.О. Новые документы... С. 126 – 127.

35 Обдорский край и Мангазея... – С. 33 – 35.

36 РГАДА. Ф. 214. Стб. 440. Л. 76 – 82; Стб. 457. Л. 529, 537 – 543.

37 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1056. Л. 13 – 14; Стб. 457. Л. 603 – 604, 610 – 613; Стб. 505. Л. 112 – 113; Стб. 594. Л. 202 – 203.

38 Обдорский край и Мангазея... – С. 44 – 48.

39 РГАДА. Ф. 214. Стб. 594. Л. 202 – 202об.

Ямальском Севере следует отметить, что они не носили антирусского характера: в течение столетий промышленные и служилые люди подолгу жили среди хантов и ненцев, вели с ними оживленную торговлю. Нападая на русских людей, ненцы видели в них просто более богатую добычу, чем их соплеменники из других ненецких родов или ханты. Между тем, межплеменные и межродовые войны наносили ущерб развитию хозяйства ненцев и, в первую очередь, переходу от мелкотабунного к крупнотабунному оленеводству. Установление сильной государственной власти на Ямальском Севере, способной пресечь такие войны, можно рассматривать как благо.

Наконец, необходимо отметить, что в XVII в. русские служилые люди уже вполне обжились на Ямальском Севере. Им была хорошо знакома северная тундра, они имели много знакомых среди аборигенов, знали «самояцкой и зырянской языки». Не меньших навыков требовал путь «через Камень». В 1647 г. воеводе Михаилу Лодыженскому потребовалось переправить из Березова в Мангазею караван с хлебными запасами. Он стал подыскивать кандидатов для этого дела и выяснил, что только четыре казака из всего гарнизона — «вожи и кормщики», которым «морской ход за обычай». О таких служилых людях воеводы писали: «...дорогу в Русь и из Руси ... знают и путь им за обычай гораздо». Именно их и посылали в Обдорск для ясачного сбора и с казенными караванами⁴⁰. Некоторые из таких служилых людей заслуживают особого внимания.

Династия Аргуновых появилась в Березове на рубеже XVI — XVII вв. Казачий атаман Истома Аргунов во главе отряда из 70 березовских казаков участвовали в походе на Пегую орду (около Нарыма), где «городок взяли» и царских «непослушников под ... царскую высокую руку привели». В 1607 г. он во время бунта иноземцев сидел в осаде на Березове⁴¹. Его потомок Иван Аргунов, служил казачим

атаманом в Березове в 1630 — 1650-х гг., неоднократно возглавлял отряды «годовальщиков», отправлявшихся для ясачного сбора в Обдорск⁴². В 1647 г. казачьим десятником в Березове служил Василий Аргунов⁴³. В 1662 г. казак Никита Аргунов посылался воеводой в Сосьвинскую волость для проведывания «шатости» среди хантов, захватил нескольких и доставил на Березов⁴⁴.

Одним из основателей Березова был казак Первой Яковлев. В 1621 г. он ездил с ясачной казной в Москву и по требованию судей Казанского приказа рассказал об основании Березова и восстаниях 1595 и 1607 г. В 1646 и 1652 гг. Первой Яковлев в чине казачьего атамана и сына боярского сопровождал березовскую ясачную казну в Москву⁴⁵.

Замечательной личностью среди березовских казаков был сын боярский Федор Игнатьев. В 1624/25 и 1643/44 г. был «головальщиком» в Обдорске. В 1646/47 г. с ратными людьми был послан «войною» на самоедов. Они захватили самоедов, виновных в нападениях на русских служилых и промышленных людей, и доставил их в Березов. 1642, 1644 и 1647 гг. он ездил по «чрезкаменному» пути в Москву с ясачной казною. После смерти Федора его вдова Ульяна в челобитной от 3 августа 1649 г. писала, что муж ее начал служить жильцом при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. С 1609/10 г. служил в детях боярских по Березову «и ранен многожды был». В 1648/49 г. Федор Игнатьев умер в Тобольске. У Федора был брат — Константин Игнатьев, который в 1640-х гг. служил «по Костроме по выбору»⁴⁶.

Большую роль в истории Березова и Обдорска сыграла служилая династия Лихачевых. В 1607 г. казак Иван Лихачен участвовал в отражении набега хантов на Березов и был послан служилыми

42 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 392 — 392об.; Стб. 503. Л. 10.

43 Обдорский край и Мангазея... — С. 124.

44 Обдорский край и Мангазея... — С. 61, 62.

45 РГАДА. Ф. 214. Стб. 302. Л. 2; Стб. 408. Л. 592об.; Тобольский архиерейский дом... — С. 183 — 184; Обдорский край и Мангазея... — С. 36.

46 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 392 — 392об.; Стб. 103. Л. 266; Стб. 130. Л. 475; Стб. 302. Л. 1об.; Стб. 440. Л. 77; Стб. 373. Л. 262 — 263; Обдорский край и Мангазея... — С. 32, 101.

40 Обдорский край и Мангазея... — С. 18, 123 — 125.

41 Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — С. 400 — 401; Т. II. — С. 240.

людьми с коллективной челобитной об этой их службе в Москву. В ноябре 1627 г. он в чине сына боярского сопровождал по «чрезкаменному» пути в Москву ясачную казну. В 1631/32 г. собирал ясак с «самоедов» в Мангазейском и Енисейском уездах. В челобитной 1631/32 г. сын боярский Иван Иванович Лихачев писал, что служит на Березове уже 31 год⁴⁷.

Его сыновья — Алексей и Родион — упоминаются в детях боярских по Березову с 1630-х — 1660-х гг. В 1644 и 1647/48 г. Родион Лихачев собирал ясак с остяков и самоедов Обдорской волости. В 1663 г. он во время воеводского сыска о замысле хантов напасть на Березов был послан в Обдорск и сумел захватить князя Ермака Мамрукова и других «лучших людей» («Сыклю, Ермакова брата, Гынду Моликова, Сыка Ваембоева, Назарка Шилова, ляпинского остяка Яя Вынева»). В феврале 1642 г. Алексей Лихачев ездил по «чрезкаменному» пути в Москву с ясачной казной. В сентябре 1650 г. он был послан в Обдорск для сбора ясака, собрал ясак и поменял аманатов: князца Посю Хулеева на его сына и племянника. В 1652 г. вновь ездил для ясачного сбора и взятия аманатов в Обдорскую волость. Он собрал ясак и привез в Березов аманатов из лучших самоецких людей: князца Посю Хулеева, его сына Мугалея, князца Шитово Нинково, Обчи Татова⁴⁸.

Лихачевы играли большую роль в жизни Березова в XVIII в. В 1706 г. головой таможенного и кружечного двора был сын боярский Матвей Лихачев. В 1716 г. должность березовского воеводы временно занимал сын боярский Василий Лихачев. В 1730-х гг. березовским казачьим атаманом был Яков Лихачев. В начале XIX в. атаман Яков Лихачев с сыном был одним из самых крупных торговцев в Березове⁴⁹.

Не менее известной в Березове XVII — XVIII вв. была династия Кокоулиных. В 1641 г. бе-

резовский казачий атаман Бажен Кокоулин собирал ясак в Обдорской волости. В 1647 г. березовские служилые люди говорили воеводе Михаилу Лодыженскому, что во всем гарнизоне только четыре казака являются «мангазейскими жожами и кормщиками» и в числе их — Семен Кокоулин, которому «морской ход за обычай». В 1627 и 1649 г. казак Василий Кокоулин посылался с служилыми людьми в Обдорск, где собирал ясак с хантов и ненцев. Причем, в 1649 г. ему удалось захватить первого аманата с обдорских «самоедов» — князца Посю Хулеева. В 1658 г. березовский городничий Семен Кокоулин находился в Москве с воеводскими отписками. В 1663 г., во время сыска о «шатости и измене» остяков Березовского уезда, сын боярский Иван Кокоулин с двумя казаками ездил в Кодскую волость и захватил несколько остяков⁵⁰.

Известной служилой династией Березова XVII в. были Шаховы. Дмитрий Шахов с 1603/04 по 1626/27 г. служил по Березову в казаках, а в 1626/27 г. «по высмотру» березовского воеводы князя Михаила Белосельского был определен подьячим на Собскую и Обдорскую заставы. В 1648/49 г. таможенные головы Лука Плесовский и Первой Ружников потребовали его отставки, обвиняя подьячего в том, что он «норовил» своим многочисленным родственникам и друзьям. Воевода Иван Франзбеков провел сыск среди служилых и промышленных людей. Они заявили, что Шахов им не «норовит». 11 июля 1659 г. Дмитрий Шахов умер. В том же году его внук березовский казак Иван Шахов подал челобитную с просьбой поверстать его в таможенные подьячие с окладом деда, а «то таможенное дело за обычай». Челобитье, видимо, не было удовлетворено. В 1679 и 1682/83 г. Иван Шахов в чине березовского казака возглавлял отряды служилых людей, отправлявшихся для ясачного сбора в Обдорск⁵¹.

47 Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. II. — С. 240; РГАДА. Ф. 214. Стб. 24. Л. 206 — 219; Стб. 31. Л. 134, 512.

48 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 392 — 392об.; Стб. 103. Л. 257об.; Стб. 408. Л. 452 — 455; Стб. 440. Л. 77 — 78; Стб. 1056. Л. 13 — 14; Обдорский край и Мангазея... — С. 30, 31, 35 — 38, 41 — 44, 57.

49 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 43об.; Памятники сибирской истории XVIII в. — Кн. 2. 1713 — 1724. — СПб., 1885. — С. 171; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... — С. 87 — 89.

50 РГАДА. Ф. 214. Стб. 103. Л. 257; Стб. 440. Л. 78, 79; Стб. 505. Л. 112об.; Оп. 5. Д. 757. Л. 1об.; Д. 788. Л. 14об.; Первое столетие сибирских городов. XVII век. — Новосибирск, 1996. — С. 51; Обдорский край и Мангазея... — С. 38, 40, 55, 123 — 125; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... — С. 223, 224.

51 РГАДА. Ф. 214. Стб. 83. Л. 424 — 443; Стб. 651. Л. 407 — 408об.; Сословно-правовое положение... — С. 53 — 55, 56.

Подведем итоги. В результате разгрома ханства Кучюма московские самодержцы распространили свою власть на хантов и ненцев Ямальского Севера. Унаследовав от татар податное обложение коренных народов в форме ясака, русская администрация усовершенствовала ясачный сбор введением переписей налогоплательщиков. Реакцией на это стали восстания березовских хантов и ненцев 1595 и 1607 г. Однако русская администрация предоставила хантам широкую территориальную автономию, которая была закреплена в жалованных грамотах их князьям. Поддержка русской администрации способствовало укреплению власти князьев и развитию социальной организации хантов, позволила обдорским князьям в XVII – XIX вв. распространить свою власть на ненцев Ямала.

Воинственным кочевникам ненцам в XVII в. удалось избежать переписей, ясак они платили «повольно». Незрелость хозяйства кочевников-оленоводов приводила к тому, что на протяжении всего столетия в северной тундре велись ожесточенные межродовые и межплеменные войны, происходили нападения на русских промышленных и служилых людей с целью захвата продовольствия. Русская администрация и казаки Березовского уезда сыграли ключевую роль для прекращения этих войн и грабежей, что ускорило развитие крупнотабунного оленеводства как основы хозяйства ненцев. Таким образом, включение народов Ямальского Севера в состав Российского государства стало важным фактором их прогрессивного развития.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1. 1634 г., не ранее ноября 24.

**Отписка березовского воеводы в приказ
Казанского дворца о нападении карачейских
самоедов на казымских¹**

(Л. 398) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Олешка Мешков Плещеев челом бьет.

В нынешнем, государь, во 142 году июня в 8 день в твоей государеве царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью твоего государева дьяка Ивана Переносова писано ко мне, холопу твоему, на Березов, что в нынешнем же, государь, во 142 году ноября в 28 день писал я, холоп твой, к тебе, ко государю, к Москве, что в прошлом во 141 году июля в 5 день били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Березовского уезду ясачные люди казымская самоед Корымко Вонин, Ерма Пурасидин и во всех товарищев своих казымские самоеди место на березовскую ж ясачную самоед, которая приезжаючи платят твой государев ясак на Обдори роду Карачей на Пидирииска, да на брата ево на Трясоголова, да роду ж на Вонду да на Хачюнзю Сандонина сына и на иных товарищев на трехсот человек. А в челобитной их писано: В прошлом же де во 141 году приходил тот самоедин Пидириско и Вонда с своими товарищи на их кочевные места ратью и убили де они твоих государевых ясачных людей товарищев их казымские (Л. 399) самоеди дватцать человек да десять человек подростков, которые в твой государев ясак поспели, и же де их и детей, и в полон взяли пятьдесят человек, и животы их пограбили, и впредь де им твоего государева ясаку платить нечем. И чтоб их тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, пожаловати, велеть карачейской самоеди Пидириску с товарищи полон их и животы и что у них взяли отдати им назад, а в убитых головах свой государев указ учинить. И как та твоя государева, царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамота ко

мне, холопу твоему, на Березов придет и мне б послати в Березовской уезд в ясачные волости х карачейской самоеди и велети карачейской самоеди лутчих людей призвати к себе на Березов. А как они на Березов придут и мне б, холопу твоему, про убойство казымские самоеди роспросить и сторонних волостей ясачными ж людьми про то сыскать накрепко, коим обычаем они, карачейская самоед, казымскую самоед побили, за что и хто имянем побивал, и ково имянем казымскую ж самоед и их жен и детей в полон взяли, и что у ково животов пограбили. Да будет карачейская самоед в роспросе, а сторонних волостей ясачные люди в сыску скажут, что карачейская самоед казымскую самоед побивали и жен их и детей в полон поимали и животы их поразбили, (Л. 400) и той карачейской самоеди жен и детей и грабленные животы казымской самоеди тот час велеть отдать, а за воровство карачейской самоеди велети учинить наказание, смотря по их вине, примерясь к прежним твоим государевым указом. А учиня наказание, велети б мне, холопу твоему, карачейской самоеди говорить с угрозою накрепко, чтоб они вперед так не воровали своей братьи ясачных людей не побивали и животов их не грабили, жили меж себя смирно. Да что карачейская самоед про казымскую самоед в роспросе, а сторонних волостей ясачные люди в сыску скажут, и как карачейская самоед жен и детей и грабленные животы казымской самоеди отдадут, и мне б, холопу твоему, о том отписать к тебе, ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве. И в нынешнем, государь, во 142-м году по сказке казымские ясачные самоед и по помете в ясачных книгах ясачных зборщиков березовских казаков Микитки Шахова с товарищи, которые были в Казымскую волость для твоего государева ясачного збору посланы, карачейская самоед в прошлом 141-м году убили казымския ясачные самоеди семнатцать человек да четырех человек в полон взяли, опричь жон их и детей и подростков. (Л. 401) Да шесть человек казымские ж ясачные самоеди сошли

¹ Датируется по дате подачи в Сибирский приказ

в Сургуцкой уезд, и того де, государь, казымская самоед подлинно не ведают, что тех шти человек сургуцкие остяки побили или будет де та самоед шесть человек живы. И в прошлом, государь, во 141-м году на Березове я, холоп твой, Березовского уезду обдорскому князю Маируку словесно приказывал накрепко и в нынешнем во 142 году к нему с ясачными зборщики писал, чтоб он, князец Маирук, однолишно карачейской самоеди Пидириску с товарищи говорил, чтоб они казымской самоеди полон, которой у них поймали, и жен, и детей, и грабленные животы, отдали назад, а вперед бы они твоих государевых ясачных и никаких людей не побивали и не грабили. И Березовского, государь, уезду обдорской князец Маирук карачейской самоеди Пидириску с товарищи о том де говорил накрепко, и карачейская де самоед хотели казымской самоеди полон и грабежные животы, что поймали, отдать назад. И в нынешнем, государь, во 142-м году казымской самоеди карачейская самоед полону и грабленных животов не отдали. А призвати, государь, карачейские самоеди добровольно на Березов не умею и сыскивати их березовским служилым людем по тундрам немошно, (Л. 402) самоед люди кочевные, живут от Березовского уезду далече по тундрам и у моря. А приезд, государь, карачейской самоеди на Обдор живет по первому по зимнему пути до остяцкого ясачного платежу. И только, государь, карачейские самоеди и немногих людей, человек дву или трех обманом переимать, и чаяти, государь, тово, что карачейская самоед твоим государевым ясачным людем обдорским остяком учнут чинити обиды и грабеж, потому что самоед приезжают на Обдор родами своими вся вместе многие люди, а обдорские остяки живут не вместе, по юртом, порознь, всего человека по дватцати и меньше вместе. И в твоём государеве ясачном зборе с обдорских остяков, которые твой государев ясак платят по окладу, учинят самоед убыль.

(Л. 398об.) *Адрес:* «Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии».

Помета: «143, ноября в 24 день. Подал бе-

резовской сын боярской Алексей Лихачов».

Приговор Сибирского приказа: «Послать государевы грамоты в Тоболеск к воеводам, велеть той самоеди учинить государев указ по высмотру и смотря по тамошнему делу, как бы государевым делом было прилично. И на Березов о том писать же».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 398 – 402. Подлинник.

№ 2. 1642 г., января 4.

Распросные речи березовских служилых людей в Сибирском приказе о нападении на них самоедов

(Л. 266) 150 год генваря в 4 день. Приехали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Сибири, з Березова от воеводы от Ивана Франзбекова с отписки и з государевою соболиною казною березовские служилые люди сын боярской Федор Игнатъев, да казаки Тимошка Докучаев, да Якунко Левонтъев, да Васька Михайлов.

А в роспросе сын боярской Федор Игнатъев с товарищи сказали: В прошлом де во 149-м году после Успеньево дни на третьей день отпустил их к государю к Москве з Березова воевода Иван Франзбеков з государевою соболиною казною шти человек и с целовальником. А наперед де их отпуску за три дни з Березова ж отпущена сургуцкая соболиная казна. Да при них же пришли на Березов з государевою ж казною енисейские служилые люди, от них на Березове остались, и как де они будут на Камени речкою Собью. И в нынешнем же во 150-м году назавтрея Семенова дни пришли они к первому обводному волоку и учили главу казны (Л. 267) носить через волок на речку на Еле на понизную воду. И тут де на них пришли безвестно самоед и учили по ним из луков стрелять и государеву казну громить и убили же тут у них товарищей березовского литвина Левку Михайлова да целовальника, которой за тою государевою казною за отчотом послан, еренца торгового человека Сидорка Рокова до смерти. А их же всех из луков переранили: ево, Федора, ранили в правую ногу, а Ваську Михайлова ранили ж в осьми местах, а Тимошку

Докучаева ранили в голову подле левого уха, а Якунку Левонтьева ранили в левое плечо. А отгромили де у них на том бою той государевой казны два выюка бобров да суму с соболями да два меха холщовых да две сумы олених з белкою. И как де они на том бою учели с ними дратца и казак Васька Михайлов убил самоедина. И та же самоед побежали. И они у них отбили выюк бобров з бобрами да суму с соболями да белки две сумы олены да мех холщовой, а другова холщового ж половина меха з белкою ж. А как де та самоед ту белку у них и бобры поймали и сумы резали чая, что те сумы (Л. 268) с соболями. И ту они белку после их побегу побирали за ними по земле. А иную белку та самоед з бобрами увезли, а сколько бобров во выюке числом увезли и того не ведают, потому что тот выюк бобров был связан государевою березовскою печатью, а запечатаны были и ярлык у них был написан глухо. И которой выюк бобров же отбили, то ж запечатан наглухо и ярлык писан глухо ж. А сколько де белки счотом увезли и они потому ж не ведают, потому что з белкою сумы и мехи то ж были за государевою березовскою печатью и ярлыки написаны и приложены глухо, а не имянно. И как де они после того бою ту государеву соболиную казну сносили к судам и сидели от той самоеди в осаде два дни да ночь и на них де наехали на третей день в субботу з государевою ж соболиною казною (Л. 269) енисейские служилые люди. И с тем де они с енисейскими служилыми людьми пошли через Камень вместе. А от енисейских служилых людей они отстали на Камени ж посеред Соби Нижней, потому что сами были ранены и больны, а люди с ними проводников мало. А енисейские де служилые люди их покинули. И которые торговые люди в те ж поры с ними шли лалетин Тимошка Кудря, да шурин ево Ивашко Сумкин лалетин же, да устюжанин Баженко Кляунов с своими покрученики и они де тем торговым людям били челом, чтоб они их не покинули, и наем давали, чтоб ту государеву казну проводить с ними вместе. И те де торговые люди их то ж непослушали и их покинули и найму не взяли. А то де они подлинно ведают, (Л. 270) что

ныне их и наперед их государеву ж соболиную казну красноярскую да нарымскую громила пустозерская самоед, потому что они ту пустозерскую самоед по их стрелам знают, да и по руски де та пустозерская самоед на них наезжая говорили, а сибирская де самоед по руски говорить не умеют. А ту де пустозерскую самоед и погромную государеву казну только государь укажет для того с Москвы нарочно послать дворянина добра, сыскать мочно, потому что та самоед приезжая торгует в Пустозере с пустозерцы с пермяками и на Усть-Целми и на Имже и на Мезени с торговыми людьми. А на государевых де соболях и на бобрах подпись сибирских городов подьячих. Да и государев де ясак та пустозерская самоед платит в Пустее ж озере.

[...]² руку приложил.

(Л. 266об.) *Приговор Сибирского приказа*: «150 февраля в 14 день. Писать в государевых грамотах в Тоболеск и на Березов и к воеводам и Нижнюю четь в память про тое березовскую государеву погромную мяхкую рухлядь о сыску сколько чего у служилых людей взяли погромом имянно».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 103. Л. 266 – 270. Подлинник.

№ 3. 1644 г., после июля 31.

Отписка березовского воеводы М. Квашнина в Сибирский приказ о следствии по делу о захвате самоедами государева каравана с хлебом и солью³

(Л. 470) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Мелешка Квашнин челом бьет.

В прошлом, государь, во 151 году июня в 18 день писал ко мне, холопу твоему, на Березов ис Тобольска воевода князь Григорей Куракин, что в прошлом же во 151 году в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева диака Григорья Протопопова в Тоболеск писано: В прошлом во 150-м году отпущено с Обдори в Мангазею манга-

² Пять – шесть слов неразобрано

³ Датируется по содержанию

зейским служилым человеком и ружником и оброчником на жалованье с тобольским пятидесятником с Ларкою Семеновым с товарищи на коче двести шездесят два меха муки ржаной, а по весу в тех мехах в тобольскую меру триста дватцать одна чет, да сто сорок пуд с полупудом соли. И пятидесятник Ларка Семенов пришед с моря в Тоболеск, воеводам князю Петру Пронскому с товарищи сказал: Пошли де они с Обдори с теми твоими государевыми хлебными запасы с торговыми и с промышленными людьми и служилыми людьми. И шли с Обдора две недели. И как де они будут в Голомяни против сопок и в том де месте учал дуть ветр противной и стояли на том месте два дни. И на том месте у коча их шеима и якорь переломались и коч бросило на кошку и заморозило. И к ним де пришли к тому кочю самоед человек з двесте и твои государевы хлебные запасы и соль и судовые всякие (Л. 471) запасы парус и варовые веревки и у торговых и у служилых людей запасы и русские товары все поразбили без остатку и кочи иссекли и их хотели побить до смерти. И воевода князь Петр Пронской писал ис Тобольска на Березов к воеводе к Ивану Франзбекову, а велел ему про те твои государевы хлебные запасы и про соль на Березове и в Березовском уезде сыскать всякими сыски накрепко. И в сыску воеводы Ивана Франзбекова, каковы он обыскные речи прислал под отпискою своею в Тоболеск, написано: Березовских служилых людей сто дватцать семь человек сказали по твоему государеву крестному целованью: Слышали де они на Березове у тобольских служилых людей у пятидесятника у Ларки Росторгуева с товарищи, что в заморозе пришли к кочю их многая самоед на оленях и твои государевы хлебные запасы и судовые всякие запасы, паруса и варовые веревки, и их, служилых людей, запасы пограбили и хотели их, служилых людей, побить до смерти. А про то они ведают, что торговых и промышленных людей Офонки Обрабова да Дружинки Щепеткина на прикащиков Ивашка да Мишку да промышленного человека Руданка Кузмина самоед на оленях на Обдор в Носовой городок и животы их

и русские товары привезли. Да березовские ж атаман Бажен Кокоулин да казаки и толмачи десять человек сказали: В прошлом де во 150-м году октября в 23 день приехали они из за морозу своего (Л. 472) на Обдор и заехали де они на Обдори торгового человека устюжанина Офонася Обрабова приказчика Куземку Сидорова да москвитина гостиной сотни торгового же человека Болдана Щепеткина прикащика Мишку Иванова Шубина да промышленного человека Якунку Семенова мезенца с русскими товары, а товаров у них наложено два анбара доверху, а какие у них товары, того они не ведают, потому что те их товары в бочках. А слышали они, Бажен с товарищи, у Болдановых да у Офанасьевых приказчиков, что везли те их товары и самих с моря из за морозу на оленях самоед роду Карачея Березовского уезду ясачная. И в прошлом же во 150-м году, как приехали з государевым ясаком на Обдор обдорская самоед, которые твои государевы хлебные запасы и соль взяли, князцы лутчие люди Серга да Хабар да Харню Паилептевы дети да Недера Пынгоев сын роду Ванюты з братьями своими и с племянники да роду Карачеева малой Тылуев сын з братьею Арынде Сугунейнин, Неду Неданемчин Пидирисов внук, Яур Ипкин сын, Немуседилины дети, а та самоед все Березовского уезду. И взяв де они с них твой государев ясак говорили, за што они твои государевы хлебные запасы и соль на морском заморозе поймали. И они де им сказали, что они в том перед тобою государем виноваты, что на морском заморозе твои государевы хлебные запасы и соль взяли они неведаючи для того, что сказал (Л. 473) де им торговой человек Офонька Обрабова, чтоб они вывезли из заморозов их и животы их на Обдор, а запас весь перед ними. А после де тово слух им, самоеди, дошол, что те хлебные запасы и соль твои, государевы, а не торговых людей. И они де за те хлебные запасы и за соль плательщики, а тово де будет им одним годом заплатит немочно и они де заплатят в быные годы. А те де запасы и соль у них издержаны. И по той твоей государеве грамоте велено отписать ис Тобольска ко мне, холопу твоему, на Березов

да в Мангазею к воеводе ко князю Петру Ухтомскому да к диаку Григорью Теряеву, а велено за тот твой государев хлеб и за соль взять на той самоеди и на остяках, которые те твои государевы запасы и соль розвезли, за половину мяккою рухлядью по сибирской по мангазейской по прямой цене не в один год, как бы им заплатить мочно и не в большой бы им налог, а другую половину за те хлебные запасы и за соль велено доправить на тех торговых людех на Офоньке Обрамове с товарищи, у которых товары их самоед и остяки вывозили, не выпуская их ис Сибири за то, что тот Офонька с товарищи для своих товаров возки про те твои государевы хлебные запасы и про соль имянно им, остяком и самоеди, не сказали, а говорили, чтоб они, самоед и остяки, вывезли их и товары их, а запас де весь перед ними. И то он, Офонаска с товарищи, учинил воровством, что про твои государевы (Л. 474) хлебные запасы и про соль самоеди не сказали. И будет торговые и промышленные люди Офонька Обрамов и приказщик ево Куземка Сидоров да Дружинки Щепеткина прикащики Ивашко да Мишка да промышленные люди Рудачко Кузмин да Якунка Семенов мезенец на Березове объявятца и мне б, холопу твоему, велеть у них животы их, мяккую рухлядь и русские всякие товары, переписать на роспись и велети на них за те твои государевы хлебные запасы и за соль за половину за сто за шездесят чети с осминою муки ржаной да за семьдесят пуд с четью соли доправить деньгами по мангазейской по прямой цене. А в каку цену в Мангазее во 150-м году хлеб и соль купили и о том велено воеводе князю Петру Ухтомскому да дьяку Григорью Теряеву на Березов отписать. И на Обдорскую заставу к таможенным и заставным головам к Дмитрею Котельникову да к Шумилу Степанову ис Тобольска писано ж, как торговые и промышленные люди Офонька Обрамов с товарищи на Обдорской или на Собской заставе объявятца и им велено у них мяккую рухлядь и всякие товары переписать на роспись да тое роспись за своими руками и Офоньку с товарищи присалати ко мне, холопу твоему, на Березов. И в нынешнем, го-

сударь, во 152-м году сентября в 15 день привезли на Березов с Обдори таможенные и заставочные головы Дмитрией Котельников да Шумило Степанов москвитина гостиной сотни торгового человека Болдана Щепеткина прикащика Мишку Иванова Шубина, а у него, Мишки, мяккие ево рухляди по мангазейской проезжей грамоте три сорока тритцать пять соболей, подскор пупчатой, окол соболей, лоскутье соболе (Л. 475) и бобровое за твоею государевою мангазейскою печатью, а мангазейская таможенная цена той рухляди сто восемь рублей, а опроче тое мяккие рухляди товаров и денег у него, Мишки, из Мангазеи и в привозе не было. И я, холоп твой, тое мяккую рухлядь три сорока тритцать пять соболей у Мишки Шубина взял на Березове в твою государеву казну. А подскор пупчатой, окол соболей и лоскутье соболе и бобровое, березовская им цена рубль шеснатцать алтын четыре деньги, по его, Мишкину, челобитью отдал ему, Мишке, для ево нужи на прокорм. И те три сорока тритцать пять соболей, мангазейская таможенная им цена сто шесть рублей шеснатцать алтын четыре деньги, послал я, холоп твой, к тебе, ко государю к Москве за тою ж твоею государевою за мангазейскою печатью з березовскими служилыми людьми с сыном боярским с Федором Игнатьевым да с казаки с Васьюкою Горловым с товарищи, которые посланы к тебе, ко государю, к Москве з Березова с твоею государевою з березовскою с ясачною казною в нынешнем во 152-м году июля в 31 день. И Мишкину мангазейскую проезжую грамоту, что ему дана из Мангазеи на те соболи, послал я, холоп твой, к тебе, ко государю под сею отпискою. А на Березове, государь, тех Мишкиных соболей приценить я, холоп твой, не велел и написал было в приходные книги тех соболей за сколько чети за муку и за соль взято мне, холопу твоему, подлинно не умел, потому что из Мангазеи воевода князь Петр Ухтомской о том в кокову цену в Мангазее во 150-м году хлеб и соль купили июля по 31 число нынешнего 152 году ко мне на Березов не написывал. Да в нынешнем же, государь, (Л. 476) во 152 году посылал я, холоп твой, з Березова в Бе-

резовской уезд на Обдор для твоего государева ясачного збору березовских служилых людей сына боярсково Федора Игнатъева с товарищи. Да ему ж, Федору, велел я, холоп твой, как в нынешнем во 152-м году приедут на Обдор с твоим государевым ясаком обдорская самояд лутчие люди князцы Серга да Хабыр да Харню Палептеевых дети, да Нечин Пидирисов внук, да Юр Ипкин сын с товарищи, которые в прошлом во 150-м году в заморозе твои государевы хлебные запасы и соль поимали и розвезли по себе, и как они твой государев ясак заплатят и с них, с самояди и с остяков, которые те твои государевы хлебные запасы и соль поимали, взять за те твои государевы хлебные запасы и за соль за другую половину за сто за шездесят чет и с осминою муки ржаной да за семьдесят пуд с четью соли мяхкою рухлядью как бы твоей государеве казне прибыльнее. И сын боярской Федор Игнатъев писал с Обдори ко мне, холопу твоему, на Березов, что в нынешнем во 152-м году, как приезжали на Обдор с твоим государевым ясаком самояд князцы лутчие люди Немчин Пидирисов внук, Еур Ипкин сын, Харню Паилептев сын, Недерапы Енгов сын с товарищи, и он де, Федор, говорил им, что ему велено на них взять за твои государевы хлебные запасы и за соль, что они в прошлом во 150-м году в заморозе поимали и розвезли по себе за сто за шездесят чет с осминою муки ржаной да за семьдесят пуд с четью соли мяхкою рухлядью. И они де, самояд, били челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, а сказали, что они сево году нужны (Л. 477) и голодны, рыбы и зверя не добыли, и на Обдори в остяках голод же и прокормитца де им не чем, и за твои государевы хлебные запасы и за соль платить им нечем, а учнут де они, самояд, за те твои государевы хлебные запасы и за соль платить мяхкою рухлядью на новой год. Да та же де самояд ему, Федору, сказали, что остяки де тех твоих государевых хлебных запасов и соли в заморозе не имали, а имали они, самояд. И как, государь, в нынешнем же во 152-м году приехал с Обдори на Березов с твоим государевым ясаком сын боярской

Федор Игнатъев и он на Березове в съезжей избе мне, холопу твоему, сказал то ж, что и в отписке своей писал.

(Л. 470об.) *Приговор Сибирского приказа:* «Мяхкая рухлядь принять и оценя записать в приход, а на Березов к воеводе писать, велеть на самояди за государевы хлебные запасы и за соль имать впредь мяхкою рухлядью против прежнего государева указа, как о том писано пред сего».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 130. Л. 470 — 477. Подлинник.

№ 4. 1647 г., не позднее ноября 24.

**Отписка березовского воеводы
М. Лодыженского в Сибирский приказ
о содержащихся в тюрьме самоедах⁴**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Мишка Лодыженский челом бьет.

В твоём государеве наказе мне, холопу твоему, написано: как на Березове с воеводою с Мелентьем Квашниным во всяких твоих государевых делех роспишусь и что у него возьму в тюрьме тюремных сидельцев, и мне б, холопу твоему, тем тюремным сидельцом и в какове деле хто сидит и пытан ли он и что с пытки говорили, и написати статейной список и прислати к тебе ко государю к Москве. И я, холоп твой, приехав на Березов в нынешнем в 155 году июня в 5 день, по твоему государеву указу с воеводою с Мелентьем Квашниным росписался и в тюрьме тюремных сидельцов взял на лицо прежней поимки 150 году пустозерсково самоядина Еду Нернина, брата двуродно Березовского уезду обдорсково самоядина Недалейка Селина. А пытаны накрепко о воровстве своем. Самоядин Недалейко Селин говорил с пытки: во 149 году взял он, Недалейко, государевы погромные казны у воровской пустозерской самояди три лисицы бурых, и те у него лисицы взяты в твою государеву казну на Березове во 150-м же году. А служилых людей и целовальников он, Недалейка, не побивал и сам на погроме, как громили твою государеву казну воров-

⁴ Датируется по дате подачи в Сибирский приказ

ская самоед, (Л. 2) не бывал же. Самоядин Ед Нернин брат с пытки говорил: и громил твою государеву казну на Камени, и служилых людей и целовальников побивал. Да в тюрьме, государь, сидельцом взят налицо поимки прошлого 154 году самоедина роду Лохей Ивасей Магаев, пытан в воровстве своем накрепко и с пытки говорил: громил на Камени твою государеву казну Березова города во 150-м году. И тот самоедин в нынешнем во 155-м году июня в 8 день умер. Самоядины роду Инукарачеи Сидука Харвина сына самоедина Харву Итыкова, пытаны ж накрепко в воровстве своем. Самоядин Сидук Харвин с пытки говорил: на Обдори, государь, хлебные запасы грабежем имал. Самоядин Харва Итыков с пытки говорил: в прошлом во 152 году в заморье убил он русских людей с самоедином с Маунею три человека. А в сыскном, государь, в самоецком в розбойном деле, каково сыскное дело отдал мне, холопу твоему, воевода Мелентей Квашнин за рукою вместо ево, Мелентия, Богородицково попа Иорамия Макарева написано, что о той воровской самоеди о указе писано было к тебе, ко государю, к Москве воевода Мелентей Квашнин в прошлом 154 году августа в 1 день з березовским сыном боярским с Первым Яковлевым с товарищи. И в нынешнем, государь, во 155 году марта в 28 день (Л. 3) те березовские служилые люди сын боярской Первой Яковлев с товарищи на Березов приехал, а твоего государева указу о той воровской самоеди не привез. И ныне, государь, та самоед на Березове сидят в тюрьме, иные больны. А даетца, государь, той самоеди из твоей государевы казны кормы и выходит той самоеди на корм по четверти с полосминою муки ржаной на месяц. И от той, государь, самоеди твоей государеве хлебной казне чинитца убыль многая, а вышло, государь, той самоеди со 150 году да нанешнего 155 году августа по 1 число на корм из твоей государевы казны хлебных запасов семьдесят семь чети без четверика муки ржаной, осминат толокна, три пуда соли. А на Березове, государь, на неокладные расходы лишних хлебных запасов ис Тобольска не посылают. И тое, государь, самоед караулят беспрестанно

березовские служилые люди.

И о той воровской самоеди как ты, государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, укажешь.

(Л. 1об.) *Адрес:* «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси».

Помета: «156 ноября в 24 день. Подал березовской сын боярской Федор Игнатъев».

Приговор Сибирского приказа: «Выписать в доклад».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 302. Л. 1 – 3. Подлинник.

№ 5. 1649 г., августа 3.

Челобитная Ульяны, вдовы сына боярского Ф. Игнатъева, о пожаловании ее частью оклада мужа⁵

(Л. 263) Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом бедная вдова Березова города Федорова женишка Игнатъева, Ульянка.

Служил, государь, муж мой блаженный памяти при государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе из житья. Со ста осмнадесят году почал служить в детех боярских з Березова. А брат, государь, мужа моего Федора Игнатъева, Костянтин Игнатъев, ныне служит тебе, государю, по Костроме по выбору. А муж мой служил тебе, государю, многия твои государевы службы з Березова и ранен многажды был, а оклад мужу моему был денежной семнатцать рублей да четырнатцать чети ржи, двенатцать чет овса, два пуда соли. И в нынешнем, государь, во 147-м году мужа моего, Федора Игнатъева, на твоей государеве службе в Тобольску не стало. А я, бедная вдова, осталась после мужа своего на Березове стара и бездетна. А питатца мне, бедной, нечем, скитаюсь меж двор.

Милосердый государь, царь и великой князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, бедную вдову, мужа моего за службу, вели, государь, мне на Березове из денежного и ис хлебного окладу, как тебе, государь, о мне, бедной, Бог известит, чтоб мне, бедной, до своего живота пропитатца, а

⁵ Датируется по сопроводительной отписке воеводы в Сибирский приказ

штоб мне, бедной, в беспашенном городе голодную смертью не умереть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 262об.) *Адрес:* «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси».

Помета: «158-го ноября в 12 день. Подал березовской пятидесятник казачий Петрушка Кирилов».

Приговор Сибирского приказа: «Чтена, в столп».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 373. Л. 262 – 263. Подлинник.

№ 6. 1652 г., после февраля 8.

Отписка березовского воеводы Я.Н. Лихарева о самоедских аманатах

(Л. 284) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году по твоему государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу послал я, холоп твой, з Березова в Березовской уезд в Обдорскую волость для твоего государева ясачново збору и для поимки самоецких аманатов князцов березовского сына боярсково Алексея Иванова сына Лихачева с товарищи, имать в оманаты самоецких лутчих князцов. И в нынешнем же, государь, во 160 году февраля в 7 день приехали с Обдори на Березов ясачные зборщики березовской сын боярской Алексей Лихачов с товарищи, а с собою привезли самоецких аманатов лутчих самых князцов Пося Хулева с товарищи четырех человек. И тех, государь, самоецких аманатов князцов поить и кормить нечем, потому что ис Тобольска вина и меду на тех самоецких аманатов не прислано. А которое, государь, вино и мед на Березов ис Тобольска было прислано и то, государь, вино и мед все вино вышло в расход березовским розных волостей ясачным остяком. Да кормить, государь, тех самоецких аманатов мне, холопу твоему, нечем же: в твоей государеве казне на Березове (Л. 285) хлебного запаса и денег нет. А которой, государь, хлебной запас прислан был ис Тобольска и тот, го-

сударь, хлебной запас вышел весь в расход березовским служилым людем и ружником и оброчником в твое государево жалованье и на всякие неокладные расходы. А Березов, государь, город бесхлебной и беспашенной, а купить, государь, хлеба и иного запаса рыбы и мяса не чем. Тех самоецких аманатов кормить не на что ж, потому что в твоей государеве казне на Березове городе в съезжей избе и в таможене денег в зборе ничего нет для того что, государь, в зимнее время на Березове в твоей государеве съезжие избе и в таможене денежных доходов бывает мало. А о вине, государь, и о меде я, холоп твой, посылал в Тоболеск многажды. И вина, государь, и меду ис Тобольска на Березов ко мне, холопу твоему, сверх тово, которое вино посылаетца на остяцкие расходы, не присылавали. И о том ты, государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси мне, холопу своему, как укажешь.

(Л. 284об.) *Адрес:* «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси».

Приговор Сибирского приказа: «Приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой писать в Тоболеск к воеводе для аманат знатных князей к прежнему вину и меду послать в прибавку по пяти ведр, по два пуда меду, пресного хлеба по полторы чет ржи.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 284 – 285. Подлинник.

№ 7. 1652 г., августа 5.

Челобитная самоедского князца Поси Хулеева об освобождении его с сыном из аманатов⁶

(Л. 76) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом сирота твой карачеянин ясашной самоедин князец Поско Хулеев сын.

В прошлом, государь, во 150-м году ехал из Сибири за море в Мангазею с твоими государевыми с хлебными запасы торговой человек Офонасей Обрамов служилыми людьми вместе одним кочем. И на море тот

⁶ Датируется по сопроводительной отписке березовского воеводы

коч кинуло на кошку и на кошке коч с твоими государевыми с хлебными запасы обсох. И на кошке те твои государевы хлебные запасы тот Офонасей Обрамов и служилые люди покинули. И карачейская самоед Надеры и Яптики, кочевые худые людишка, те твои государевы розгромные хлебные запасы розвезли по себе. А меня, сироты твоего, и з братьями своими в тое пору на море в Карачеи не были, были мы, сироты твои, в Мангазеи, промышляли твоим государевым ясаком. Да в прошлом же, государь, во 152-м году были твои государевы хлебные запасы в Обдорском городке в твоём в государеве анбаре. И самоед, худые людишка, были голодны и к твоему государеву анбару (Л. 77) приступали и служивых людей стреляли и взяли из анбара твоего государева хлебного запаса невеликую статью. И за тое нашу страдничю вину в прошлом же, государь, во 155-м году по твоему государеве, царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси по грамоте послан был з Березова города сын боярской Федор Игнатъев с ратными служивыми людьми войною на море на карачейскую самоед и на Адер и на Яптиков. И ратные служивые люди самоед побили, а иные самоед поиманы были и привезены в Березов город. И в Березове городе та поиманая самоед в поученье были, а иные вершены смертным вершением, где взяли твою государеву казну, хлебные запасы на море и на Обдоре и на Камене. И в прошлом же, государь, во 156-м году послан был з Березова города в Обдорскую волость для твоего государева ясашново збору сын боярской Родион (Л. 78) Лихачев. И мы, сироты твои, по твоей государеве по грамоте платили ему, Родивону, за тою твою государеву за погромную казну за хлебные запасы и за соль за двести за сорок рублей дали сорок оленей. Да в прошлом же, государь, во 157 году он же, Родивон Лихачев, послан был в Обдорскую ж волость для твоего государева ясашново ж збору и ему ж, Родивону, платили за те ж за двести за сорок рублей, дали шездесят оленей. Да в прошлом же, государь, во 158-м году послан был на Обдор для твоего государева ясашново збору березовской казак Василей

Кокоулин, взял твой государев ясак с нас, сирот твоих, против преждево весь сполна и после твоего государева ясаку напоил меня, сироту, твоим государевым жалованьем, (Л. 79) вином, и напой меня, сироту, связал он, Василей, в твоей в государеве избе, и взял меня в оманаты. И после той поимки бил челом тебе, государю, тот Василей Кокоулин, что де он приискал в карачейской самоеди в Адерах и Яптиках две тысячи двести человек с прибылью новых людей захребетников. И то бил челом тебе, государю, тот Василей ложно. А у нас, государь, в Карачеи и Адерах и в Яптиках и всей самоеди сот с семь с прибылью. И та самоед платят твой государев ясак на Обдор исстари, иная ж, государь, самоед тово ж числа отъезжают в Монгазею и платят твой государев ясак в Монгазейском городе. А иные, государь, в том же числе стары и увечны и робятишка малые, твоим государевым ясаком промышлять не могут. Да в прошлом же, государь, во 159-м году (Л. 80) послан был в Обдорскую волость для твоего государева ясачново збору Березова города сын боярской Алексей Лихачев и ему, Алексею, за тое ж твою государеву за погромную казну за хлебные ж запасы платили мы, сироты, в твою государеву казну сто оленей за те же за двести за сорок рублей. И те олени все что иманы были с нас, сирот, за твою государеву за погромную казну за хлебные запасы и продаваны иноземцом остяком и казымской самоеди и Куновацкой волости остяком же на мяхкую рухлядь. И тое рухлядь клали в твою государеву казну. А преж, государь, сего как я, сирота твой, и не в поимке был, издавна прадеды наши и деды и отцы наши и братья и мы, сироты твои, з братьями и с кочевными людишками платили твой государев ясак безпереводно по вся годы. А ныне, государь, как меня, сироту, взяли в оманаты и которые были в Карачеи самоеди кочевные людишка и та самоед из своей земли все розбрелися врознь в Мангазею (Л. 81) и на Енесею и на Пясиду и в иные сторонные реки, и в Обдорскую волость приезжать с твоим государевым с ясаком не смеют, боятца поимки, потому что преж, государь, сего платили мы, сироты

твои, государев ясак истари без аманатов. И ныне, государь, я, сирота, в оманатех и с сыном своим. И твоего государева ясаку впредь имать будет не с ково, потому что сыскивать тое будет самоед некому. А преж, государь, сего, как не был я, сирота, в поимке, и та самоед кочевые людишки все жили в своих угодьях в Карачеи без боязни приезжаючи на Обдор и платили твой государев ясак без-переводно, все сполна, и твоим государевым ясашным остяком Обдорские (Л. 82) и Куновацие волости на олени и на рыбные запасы продавали соболи и бобры и всякую мяхкую рухлядь, и покупаючи у нас, сирот твоих, тое мяхкую рухлядь те ясачные остяки клали в твою государеву казну в ясак.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, меня и с сыном из аманатов выпустить и тое кочевную самоед, которые розбрелися врознь вели, государь, мне, сироте, сыскать и привести их по прежнему в свои угодья в Карачею. И учну твоим государевым ясаком промышлять против прежнему з большею с прибылью. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 440. Л. 76 – 82. Подлинник.

№ 8. 1654 г., не позднее декабря 28.

Отписка тобольских воевод в Сибирский приказ о человеческом жертвоприношении в Сосвинской волости Березовского уезда⁷

(Л. 26) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Васька Хилков, Ивашко Гагарин, Богдашко (Л. 27) Обобуров, Гришка Углев челом бьет.

В прошлом, государь, во 162 году августа в 1 день писал ко мне, холопу твоему Ваське, з Березова воевода Гигорей Волков, что в прошлом же, государь, во 162 году ведомо ему на Березове учинилось от сосвинских остяков: собрався де они все Сосвинскую волостью на Сосве реке в Тобыновские юрты и убили на мольбище перед шайтаном самоедского малово. И он де сосвинских остяков лутчих

людей велел поставить перед собою в съезжей избе человек з десять и их роспрашивал для чего они перед шайтаном на мольбище убили малово и нет ли у них каково худово умышления. И сосвинские, государь, остяки ему в роспросе сказали: В прошлом де во 156-м году сказывал им сосвинской же остяк Моивычко (Л. 28) Чалманов, что шаманили де перед шайтанами сосвинские остяки Васька Автамов с товарищи, и шайтан де сказал им, чтоб они по своей вере перед ним, шайтаном, на мольбище убили человека и у них де в волости на людей мору не будет, а в лесу зверя и в воде рыбы много будет по прежнему. И они де, сосвинские остяки, посоветовав всею волостью по их шайтанщивым речам купили самоецкого малого у сосвинского ж остяка у Мишки. И в прошлом же, государь, во 162 году собрався в Табыновские юрты того малого по своей вере перед шайтаном на мольбище велели убить сосвинским же остяком шайтанщиком Таные Седмортову да Ондрюшке Шайтанщику. И те де, государь, остяки того самоецкого малого по их велению перед шайтаном убили, чтоб де, государь, у них на Сосве на людей мору не было и в лесу зверь, а в воде рыба была по прежнему. А иново де, государь, у них никакова заводу и худово умыслу меж себя не было. И он де, Григорей, по тех шайтанщиков, (Л. 29) которые перед шайтаном шаманили и которые малово убили, по Ваську Автамова да по Таню Седмортова с товарищи посылал березовских служилых людей Климка Трофимова с товарищи и велел их привести на Березов. И как де, государь, березовские служилые люди тех шайтанщиков Ваську Автамова и убойцов Таню Седмортова с товарищи на Березов привезли. И тех остяков он, Григорей, в съезжей избе перед собою про убийство малого роспрашивал и после роспросу тех шайтанщиков и иных сосвинских остяков лутчих людей пытал. А что, государь, в роспросе и с пытки они говорили и после пыток те остяки, каковы челобитные за своими знаменами ему, Григорью, подали и он с тех роспросных и с пыточных

⁷ Датируется по дате подачи в Сибирский приказ

речей и с челобитных списки за своею рукою прислал ко мне, холопу твоему Ваське, в Тоболеск. А Сосвинские де волости остяков лутчих людей Теплоу Рохматова с товарищи дал на поруки з записьми и отпустил их з Березова для рыбных промыслов, (Л. 30) чтоб де им зимним путем было б с чем итти на лешие промыслы для твоего государева ясаку. А шайтанщиков де, которые перед шайтаном шаманили и на убойство шайтану человека на мольбище просили Ваулу Варчиева, Ончека Сурейского и Ахмата, и убойцов, которые перед шайтаном малово убили Таню Седмортова да Ондрюшку Шайтанщика, (Л. 31) велел роздать за приставы до твоего государева указу и до моей, холопа твоего, Васькины отписки. И я, холоп твой Васька, писал на Березов к воеводе к Григорию Волкову, а велел тех остяков, которые даны за пристава, шайтанщиков и убойцов Ваулу Варчиева, Таню Седмортова с товарищи пяти человек до твоего государева указу держать за приставы ж по прежнему. А как-вы, государь, списки с остяцких роспросных и пыточных речей и с челобитных воевода Григорей Волков за своею рукою прислал ко мне, холопу твоему Ваське, в Тоболеск и мы, холопы твои, те списки послали из Тобольска к тебе, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, к Москве, запечатав в листу твоею государевою тобольскою печатью, с тобольским з десятником стрелецким с Микифором Клюковым сентября в [...] день. А в Тобольску, государь, с тех списков оставили мы, холопы твои, списки ж слово в слово.

(Л. 27об.) *Адрес:* «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси».

Помета: «163 году декабря в 28 день с тобольским стрелецким десятником с Микифором Клюковым».

Приговор Сибирского приказа: «Писать в Тоболеск, велеть тех людей из за приставов свободить, что по сыску в них штатости и измены не объявилось».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 462. Л. 26 – 31. Подлинник.

**№ 9. 1657 г., не позднее 10 февраля.
Отписка березовского воеводы С. Малово
в Сибирский приказ о гибели коча с хлебными
запасами и убийстве самоедами
двух служилых людей⁹**

(Л. 10) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю, царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии холоп ваш Сережка Малово челом бьет.

В нынешнем, государи, во 165 году послал я, холоп ваш, з Березова в Березовской уезд в Обдорскую волость для вашего государева ясачново збору березовского казачья атамана Ивана Аргунова. И в нынешнем же, государи, во 165 году ноября в 27 день писал ко мне, холопу вашему, с Обдори атаман Иван Аргунов: Приезжали де на Обдор к городку карачейская самоед князец Поско Хулеев и сказывал он, Поско, самоецкому толмачю Проньке Пустозерцу, слышал де он, Поско, от карачейсково ж самоедина, что розбило де коч на море за Руским заворотом, а на коче де были многие руские люди. А того де они, самоед, подлинно не ведают из Монгазеи ли тот коч шел с вашею государевою ясачною казною или в Мангазею с хлебными запасы. И тех де русских людей убила обдорская ясачная самоед роду Адерон с товарищи трех человек. А достальные де руские люди побиты ли или живы, (Л. 11) того де он, Поско, подлинно не ведает. А к нему, Ивану, в Обдорской городок он, Поско, чтоб ево подлинно про то роспросить сам не поехал и ины самоеди не прислал. И я, холоп ваш, писал з Березова к нему, Ивану, на Обдор, а велел ему, Ивану, для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были и из Монгазеи они ехали с вашею государевою ясачною казною или в Мангазею с хлебными запасы и есть ли хто тех русских людей живых или они все побиты. И декабря, государи, в 26-м числе писал ко мне с Обдори атаман Иван Аргунов на Березов, что послал

⁸ Дата пропущена в тексте

⁹ Датируется по дате подачи в Сибирский приказ

де он, Иван, для проведыванья того кочю в Надым к морю березовских служилых людей Федьку Пустозерца да Гришку Нестунцова. И приехав де они, Федька и Гришка, из Надыми ему, Ивану, сказали: Приезжали де к ним в Надым два монгазейские самоедина и в роспросе де им, Федьке и Гришке, сказали, которой де коч в прошлом во 164-м году отпущен был из Монгазеи с вашею государевою казною, а на том де коче был монгазейской сотник Дементей Тишков с служилыми людьми и они де за большими ветрами за море не попали и воротились назад в Мангазею и до Монгазеи доехали здорово. Да он же, Иван, писал ко мне: После де тово приезжала (Л. 12) к Обдорскому городку на реку на Пулуй многая карачейская самоеяд с ясачным платежем. И он де, Иван, к той самоеяди посылал самоеяцково толмача Проньку Пустозерца и служилых людей и обдорских остяков и велел их с вашим государевым ясаком призывать в городок, чтоб они ваш государев ясак платили в городке. И они де, самоеяд, в городок с ясачным платежем не пошли и в том им отказали, что де им в городок итти нельзя для того, что де они заворовали. И видели де они на море на кошке стоит коч, а в том де коче бочка с солью, а иново де в нем ничево нет. И убили де они, самоеяд роду Адеров, гуляючи около моря, с тово коча русских людей два человека. И против де тово коча нашли срублену рускую избушку и край моря на дороге семь нарт, только де они в той избе и у нарт русских людей не видали. И сказав де им те речи, ваш государев ясак пометали на реке на Пулуу на лед и сами де они, самоеяд, и розъехались. А поймать де было ему, Ивану, их, самоеяд, или иной какой промысел учинить было над ними немочно, потому что де их, самоеяди, приехало людно и к городку де близко не едут. И то, государи, знатно, что тот коч послан был ис Тобольска в Монгазею с вашими государевыми хлебными и всякими запасы, и как, государи, на море тот коч розбило и тех служилых людей та карачейская самоеяд всех побила, а ваши государевы (Л. 13) хлебные и всякие запасы по себе розвозила. А в зимнее, государи, время тое карачейские самоеяди сы-

скать немочно, потому что они, самоеяд, люди кочевные, в зимнее время живут переходя на оленях с места на место от Березовского уезду в дальних местех к морю и по глухим речкам и по тундром. А есть ли вы, государи, изволите для сыску тое самоеяди служилых людей послать и тоя самоеяд в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоеяд в лете выезжает для рыбных ловель край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоеяд воровала ж многие ваши государевы казны на Камени грабила и русских людей побивала ж. И по тое самоеяд посылали сыскывать на море в кочах в летнее ж время. И о том ты, государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и государь, царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии мне, холопу своему, как укажете.

(Л. 10об.) *Адрес:* «Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю, царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии».

Помета: «165 года февраля в 10 день. Подал березовской казак Васька Котелников».

Приговор Сибирского приказа: «Отписать на Березов, будет на зимнее время сыскать их нельзя, и их велеть сыскать летом как их мощно сыскать. А сыскав их, воров, в убойстве служилых людей и в грабеже пытатъ. И о том писать и пытошные их речи писать к тому [...]»¹⁰.

**№ 10. 1659 г., не ранее ноября 27.
Отписка березовского воеводы Б. Зубова
в Сибирский приказ о назначении
на должность таможенного подьячего
И. Шахова**

(Л. 407) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии холоп ваш Бориско Зубов челом бьет.

¹⁰ Три слова не разобраны

В нынешнем, государи, во 167 году июля в 12 день бил челом тебе, великому государю, царю и государю, благоверному царевичю, а мне, холопу вашему, на Березове в съезжей избе подал челобитную березовской казак Ивашко Шахов. А в челобитной ево написано, что по указу блаженныя памяти отца твоего государева великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии служил де и работал вам, великим государем, на Березове и на Собской и на Обдорской заставах и был у вашего государева таможенново и заставочново дела с таможенными головами в подьячих дед ево, Ивашков, Дмитрий Шахов со 135 году по нынешней 167 год. И в нынешнем же, государи, во 167-м году июля в 11 день Божиим праведным судом дед ево, Ивашков, Дмитрий умер. А оклад ему был вашего государева жалованья денег семь рублей, да хлеба семь четвертей ржи, четыре четверти овса, два пуда соли. И он де, дед ево Дмитрий, (Л. 408) будучи у вашего государева дела в таможене, во всем вам, великим государем, искал прибыли, а убыли де и порухи никакие в ваших государевых таможенных доходах нигде не учинили. И чтоб ты, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России, ево, Ивашка, пожаловали, велели б быть на Березове у вашего государева таможенново дела в подьячих вместо деда ево, Дмитрея Шахова, и ваше государево жалованье в хлебном и денежном том же окладе, что был деду ево, Дмитрею. И я, холоп ваш, велел ему, Ивашку, быть на Березове у вашего государева дела в таможене в подьячих вместо деда ево, Дмитрея Шахова, до вашего великих государей указу, чтоб ваше государево таможенное дело не стало. А ему, Ивашку, то таможенное дело за обычай. И о том ты, великий государь, царь и государь, благоверный царевич, мне, холопу своему, как укажете.

(Л. 407об.) *Адрес:* «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу и

государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России».

Помета: «168-го ноября в 27 день з березовским с атаманом с Божаном Аргуновым».

Приговор Сибирского приказа: «Велеть быть и дать грамоту».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 651. Л. 407 — 408об. Подлинник.

**№ 11. 1660 г., не позднее декабря 19.
Отписка березовского воеводы Б. Зубова
в Сибирский приказ о ясачном сборе
в Березовском уезде¹¹**

(Л. 202) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великой и Малой и Белой России самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России холоп ваш Бориско Зубов челом бьет.

По вашему великих государей указу велено мне, холопу вашему, быть на вашей государеве службе в Сибири на Березове городе и будучи мне на той вашей великих государей службе искать во всем вам, великим государем, прибыли. И я, холоп ваш, будучи на вашей государеве службе в Сибири на Березове в нынешнем во 168-м году по вашему великих государей указу послал в Березовской уезд во все ясачные волости для ради вашего великих государей ясачного збору ясачных зборщиков березовских служилых людей сына боярскова Семена Роева в Обдорскую волость и иных березовских служилых людей добрых, кому было мочно в вашем государеве ясачном зборе верить. И по вашему великих государей указу и по приказу меня, холопа вашего, будучи он, Семен, в Обдорской волости вам, великим государем, служил, с окладных ясачных людей с остяков по окладу ваш государев ясак на нынешней на 168-и год собрал весь сполна без недобору перед прежним и с прибылью. Да он же, Семен, будучи в Обдорской волости призвал лутчих людей самоед князцов Поска Хулеева с товарищи и ваш государев ясак оне самоед платили приезжая в Обдорской

¹¹ Датируется по даче подачи в Сибирский приказ

городок. И ту вашу государеву казну самоед князь Поско Хулеев с товарищи привезли на Березов в город на своих подводах. А наперед сево оне, самоед, с вашим государевым яском в город на Березов не приезжали и подводы под вашу государеву казну не давали, а платили оне ваш государев ясак преж сево на тундре и на льду под Обдорским городком до моево, холопа вашего, приезду. Да и во всех волостях по вашему великих государей указу и по приказу меня, холопа вашего, приискано в ваш государев ясак вновь ясачных людей остяков подростков сто один человек, а оклад им учинил я, холоп ваш, двадцать пять рублей (Л. 203) тритцать один алтын четыре деньги для новаго не по велику. И ваш государев ясак с них по окладу взял весь сполна. Да я ж, холоп ваш, прибавил к окладу на молодых людей остяков, которые платили ваш государев ясак в малых окладах, а оне люди промышлены, тритцать шесть рублей десять алтын. И по окладу с них ваш государев ясак взял весь же сполна без недобору. И всего, государи, в нынешнем во 168 году на ясашных остяков прибыло вновь окладу шездесят шесть Рублев восем алтын две деньги.

(Л. 202об.) *Адрес:* «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великой и Малой и Белой России самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя России».

Помета: «169 году декабря в 19 день подал березовской сын боярской Федор Бабарыкин».

Приговор Сибирского приказа: «Приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой за ево службу хвалить ево».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 594. Л. 202 – 202об. Подлинник.

№ 12. 1709 г., января 13.

**Челобитная березовского пятидесятника
Афанасия Торлова о поверстании его сына
Семена в дети боярские**

(Л. 4) Державнейший царь, государь милостивейший!

Служу я, раб твой, в Сибири на Березове в пятидесятниках лет шездесят и больши. И был я посылан в Обдорскую волость для ясачного збору и тот ясак в той волости собрал и самоед, которая была меж собою в соре, всех их помирил, и подростков вновь пятьдесят человек прибрал и ясак с них собрал. А что ясаку взято, и то писано в сметном списке 1700 году имянно.

Всемиловейший государь, прошу вашего величества, вели государь за мою службу поверстать сына моего Семена в дети боярские, денежной и хлебной и соляной оклады учинить против их братьи. И о том на Березов послать свою великого государя грамоту.

Вашего величества нижайший раб березовской казачей пятидесятник Афонасей Торлов. Генваря в 13 день 1709 году.

К сей челобитной вместо пятидесятника Афонасия Торлова по его велению Петр Первоо руку приложил.

(Л. 4об.) *Приговор Сибирского приказа:* «По указу великого государя за службу ему приверстать сына ево Семена по Березову в дети боярские и оклад ему учинить новичной: денег восем рублей, соли и хлеба против того же».

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1590. Л. 4 – 4об. Подлинник.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

 «ИСТОРИЯ ЯМАЛА»: ИТОГ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ

Н.А. Михалев,

Ямало-Ненецкий автономный округ играет заметную роль в экономическом, технико-технологическом и социальном развитии страны. Значимость сосредоточенных в регионе нефтегазовых ресурсов для экономики России, по крайней мере, на первую половину XXI века, для обеспечения геополитических и коммерческих интересов страны в мире так велика, что при оценке перспектив развития округа необходимо исходить как из долгосрочных интересов государства, так и регионального сообщества. Хорошо известно при этом, что при возрастании современной роли и места какого-либо явления, процесса (или как в данном случае – определенной территории), соответственно актуализируется и необходимость в изучении его истории. Отсюда – налицо растущий интерес к истории региона, стремление к сохранению культурных ценностей, использование опыта истории в решении современных крупных проблем развития. Следовательно, перед гуманитарными и социальными науками возникает задача глубокого комплексного осмысления региональных проблем, обобщения опыта их решения в прошлом. Именно в русле настоящих тенденций уже на протяжении нескольких лет осуществляется плодотворное сотрудничество Института истории и археологии УрО РАН и администрации Ямало-Ненецкого автономного округа.

Проводимые исследования выполнялись на стыке нескольких научных дисциплин и направлений – истории, геополитики, социологии, демографии, этнологии, социальной философии, культурологии, культурной антропологии, региональной экономики, экономической и политической географии. Участие в них приняли не только сотрудники Института, но и ученые из Салехарда, Тюмени, Нижневартовска, Новосибирска и других научных центров, что позволило аккумулировать научные наработки, имею-

щиеся у всех ведущих специалистов по данной проблематике.

В результате разработка североведческой тематики приобрела статус одного из ведущих направлений научно-исследовательской работы Института и принесла значимые научные результаты.

Определены основные факторы и условия, определявшие воздействие процесса освоения Севера Урала и Сибири на формирование и развитие российской цивилизации, анализируемого в широком спектре составляющих системных характеристик (тип хозяйства и экономической стратегии, структура и динамика общественных отношений, политическая культура, технологический модус, религиозные и культурные установки, ментальность).

Сотрудниками Института был выполнен целый ряд работ, в которых проанализированы роль и место Ямала в структуре российской цивилизации, модели и механизмы освоения крайнего севера Западной Сибири в сравнительно-исторической перспективе, выявлены общие и специфические черты северной модели ранней модернизации; рассмотрено развитие Ямало-Ненецкого автономного округа как пространственной системы; сформулированы предложения по корректировке этносоциальной политики в регионе. Опираясь на осуществленные фундаментальные исследования истории арктических территорий Евразии, были проанализированы долгосрочные тенденции их развития, обозначены перспективные направления северной политики с учетом задач оптимизации стратегии развития России в XXI веке. Выполненные разработки имеют важное значение для упрочения национального и регионального самосознания, предназначены для использования в образовательном процессе и культурно-просветительской деятельности.

Основные результаты исследований опубликованы в 30 монографиях и сборниках научных трудов. Среди них: «Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования)» (Салехард-Екатеринбург, 2005); «Ямал в XVII - начале XX вв.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования)» (Салехард-Екатеринбург, 2006); «Ямал-регион: историческая ретроспектива и современность» (Салехард-Екатеринбург, 2006); «Освоение Ямала в зеркале институциональных реформ: политико-экономическое и социокультурное обозрение» (Салехард-Екатеринбург, 2006); «Ямал в геополитической и цивилизационной динамике. Роль геополитических систем и пространственных «социальных порядков» Арктики в российской истории» (Салехард-Екатеринбург, 2007); «Ямал в структуре российской цивилизации» (Салехард-Екатеринбург, 2007); Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. «Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-ненецкого автономного округа» (Новосибирск-Салехард, 2007); «Прометеи ямальского газа. Очерки истории освоения нефтегазовых ресурсов региона» (Салехард-Екатеринбург, 2007) и многие другие.

Широкий спектр проблем истории, археологии и этнографии Ямала, рассмотренных в теоретико-методологическом, историографическом и историческом аспектах, освещен в тематических «ямальских» выпусках ведущих отечественных рецензируемых журналов: «Уральский исторический вестник» (2005. № 12; 2006. № 13), «Вестник УрО РАН» (2005. № 3), «Гуманитарные науки в Сибири» (2009. № 2). Результаты провидимых исследований обсуждались также на ежегодных конференциях (имеющих статус Всероссийских) – «Обдория: история, культура, современность» и «Ямальские гуманитарные чтения».

Большой интерес представляют разработки прикладного назначения. Подготовленные аналитические доклады («Создание системы комплексного изучения социальных и гуманитарных проблем ЯНАО», «Индекс уровня жизни и региональная

модель стратификации населения ЯНАО», «Государственное регулирование миграции и рынка труда в условиях Севера: анализ и прогноз», «Стратегия развития внешнеэкономического комплекса Ямала» и др.) были переданы Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа для использования содержащихся в них выводов и предложений в практике государственного управления. Эти разработки, в частности, позволили сотрудникам Института вместе с ведущими специалистами Администрации округа принять деятельное участие в обсуждении стратегических документов – «Концепции устойчивого развития Арктической зоны РФ, подготовленной Министерством экономики и развития РФ» и «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», подготовленной Министерством регионального развития РФ. Соответствующие материалы направлены в Правительство России, в «Вестнике Уральского отделения РАН» опубликованы рецензии на эти документы. Опыт взаимодействия ученых, управленцев и политиков в постановке и решении практических задач развития региона получил высокую оценку на выездном заседании Президиума УрО РАН в г.Салехарде в июне 2006 г.

Импульс, который в рамках сотрудничества Института истории и администрации ЯНАО получили исследования гуманитарных проблем региона, способствовал структурированию информационного поля и формированию предпосылок для серьезных научных обобщений. К таковым, без сомнений, относится фундаментальное научное исследование «История Ямала: в 2х томах (4 кн.)» (под общ. ред. акад. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2010). «История Ямала» – первое академическое историческое исследование края, в котором дана комплексная характеристика жизнедеятельности уникального приполярного региона с глубокой древности до современности, включая такие значимые аспекты как формирование моделей освоения человеком северных широт, складывание и эволюция систем хозяйственной и

биологической адаптации, взаимовлияние культур в широтном и меридиональном направлениях, колонизация региона с выделением при этом динамики, направленности и основных этапов колонизационного процесса, административно-управленческая, хозяйственно-экономическая, культурно-цивилизационная интеграция края в страновое пространство.

Необходимо подчеркнуть, что цель данного издания заключается не только в том, чтобы продемонстрировать традиционные модели устойчивого развития Севера, представить историю Ямала как составную, органичную и неотъемлемую часть России, проанализировать ее сквозь призму российских модернизаций и колебаний мировой экономической конъюнктуры, но и попытаться обобщить практический опыт освоения региона, извлечь из него положительные и отрицательные уроки, которые можно использовать в современной социальной практике и прогностике.

Немаловажно также, что данная работа позволила объединить усилия не только представителей различных научных центров, но и привлечь к ней представителей власти, субъектов хозяйствования, общественности. «Такое сотрудничество, — отмечает директор Института истории и археологии академик РАН В.В. Алексеев, — дает эффект и с точки зрения оценки опыта прошлого, и с точки зрения выявления проблем на перспективу и постановки практически значимых управленческих задач. Актуальность такой работы

применительно к Ямалу сегодня не вызывает сомнений».

Ретроспективный анализ регионального развития представляет собой, вероятно, наиболее интересный и поучительный предмет исторических исследований, поскольку затрагивает огромное богатство мотиваций, идей, аргументов, рациональных соображений, связанных с выбором стратегических решений, на длительный период определяющих траекторию регионального развития, место и роль региона в общей территориально-экономической структуре страны.

В настоящее время, объективно возросшее геостратегическое и экономическое значение Арктики в жизни страны, перспективное расширение ареалов добычи углеводородного сырья и развитие новых направлений эксплуатации минерального сырья, повышенное внимание к традиционному промысловому сектору существенно усложняют региональную структуру Ямала. Стратегическое проектирование будущих направлений развития округа сегодня неотделимо от формирования рациональных схем новых (или основательно забытых) инфраструктурных систем — причем с учетом совершенно новых условий внешнеэкономической, коммуникационной и гуманитарной «открытости» страны. В этом отношении опыт по разработке и реализации стратегий для регионов Севера способен обрести вторую жизнь — по крайней мере, в части доставления исчерпывающего материала для лучшего понимания достоинств и издержек принимаемых системных решений.

17 ноября 2010 г. в Тюмени прошла Всероссийская научная конференция «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера», где сквозной темой обсуждения и дискуссий стал человек, его роль и место в процессе индустриализации Севера. В работе форума, организованного Департаментом образования и науки Правительства Тюменской области и Институтом гуманитарных наук (ИГН) Тюменского государственного нефтегазового университета (ТюмГНГУ), приняли участие историки, социологи, философы и психологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары, Челябинска, Новосибирска, Тюмени, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда, Нижнего Тагила.

Открытие конференции состоялось в зале им. А.Н. Косухина ТюмГНГУ. С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились директор ИГН, д.с.н., профессор В.В. Гаврилюк, заместитель генерального директора по научной работе Сибирского научно-аналитического центра (СибНАЦ), член-корреспондент РАН И.И. Нестеров, президент Тюменского областного Фонда имени В.И. Муравленко С.Д. Великопольский.

Тон развернувшимся на конференции дискуссиям задали доклады пленарного заседания. Главный научный сотрудник (г.н.с.) Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН), д.и.н., профессор В.П. Тимошенко в докладе «Ямал – Земля для живущих на ней людей (итог работы над проектом «История Ямала»)» рассказал о результатах пятилетней работы большого коллектива учёных Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Тюмени, Ханты-Мансийска и Салехарда над первым академическим комплексным историческим исследованием края. Учёный отметил, что скоростное на протяжении четырех последних десятилетий индустриальное освоение Ямала, основанное на стратегии: найти – добыть – выкачать – продать, сопровождалось недо-

статочным вниманием к социокультурному развитию коренных малочисленных народов Севера, развитию традиционных отраслей хозяйства.

Арктическую тему продолжил доклад заместителя директора ИИиА УрО РАН, д.и.н. Е.Т. Артёмова и г.н.с. ИИиА УрО РАН, д.и.н., профессора С.П. Постникова «Гуманитарная составляющая арктической стратегии России». Учёные считают, что разговоры об экономической целесообразности «оттока» из Арктики людей, не задействованных в освоении природных ресурсов, лишены смысла. Нужно стремиться к созданию комфортных условий для всех без исключения проживающих сегодня в Арктической зоне. Авторы доклада обозначили широкий круг задач, которые необходимо решить для этого.

Анализ масштабного и глубоко противоречивого опыта освоения северных районов России предпринят в исследовании, подготовленном заведующим сектором истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения (ИИ СО) РАН, д.и.н., профессором С.С. Букиным – «Социально-экономические процессы в северных районах Сибири во второй половине XX века». В докладе прозвучало, что для человека на Севере – «всё дефицит: воздух – мало кислорода, солнце – больше половины года полярная ночь, вода – из-за большого содержания минеральных примесей необходима очистка. У него меньше квадратных метров жилья, коек в больнице, мест в детсадах, школах, в учреждениях культуры, чем у среднего россиянина». Однако и С.С. Букин отвергает получившую распространение концепцию о «перенаселенности» северных территорий. Она, по мнению учёного, опровергается всем опытом социально-демографического развития Севера.

Обоснованию необходимости смещения приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского севера – от производства к человеку – был посвящен доклад про-

фессоров ТюмГНГУ, д.и.н. В.П. Карпова и д.и.н. Н.Ю. Гавриловой. Историки обращают внимание на то, как масштабные процессы индустриализации и урбанизации огромного региона изменили жизненный уклад населения, его повседневность и менталитет.

Горячее обсуждение вызвал доклад профессора Уральского государственного экономического университета из Екатеринбурга, д.и.н. А.В. Трофимова «Проблемы качества жизни жителей советского Севера во второй половине XX века в современной историографии». Автор отметил, что индустриальное освоение российского Севера опиралось на современные для второй половины XX века промышленные строительные технологии, транспорт и т.д., что обеспечило в долгосрочной перспективе повышение или, как минимум, сохранение достойного качества жизни для российского социума уже вне рамок советского государства. Однако приобретения и потери в ходе индустриализации Урало-Сибирского региона нуждаются в дальнейшем непредвзятом анализе и научном изучении.

Г.н.с. Института проблем освоения Севера СО РАН, д.ф.н., профессор М.Г. Ганопольский в докладе «Социально-территориальная дифференциация: региональная модель» поставил и рассмотрел проблему формирования новой общности людей в ходе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Готовность и способность человека выступить в качестве средства для достижения целей освоения, высокая степень самоотдачи в стремлении принести пользу в сочетании с утилитарным отношением к среде обитания, к природным ресурсам, к истории края, где ему предстояло работать, - вот, по мнению учёного, характерные черты парадигмы интенсивного индустриального освоения Севера. Отказ от неё требует переосмысления истории повседневности северного макрорегиона.

В докладах старшего научного сотрудника (с.н.с.) ИИ СО РАН, к.и.н. А.И. Тимошенко и профессора ТюмГНГУ, д.и.н. Г.Ю. Колевой был дан обстоятельный анализ проблем формирования трудовых коллективов в районах нового промышленного освоения Сибири в

1950-е – 1980-е годы, рассмотрено влияние нефтегазового освоения Тюменского региона на демографические процессы в районах севера Западной Сибири.

Далее работа конференции проходила по секциям.

Героями докладов на секции «Личность в истории нефтегазового Севера» стали выдающиеся люди Севера с середины XIX-го (доклад с.н.с. НИИ Истории науки и техники Зауралья Н.Л. Антуфьевой об исследователях В.Ф. Шишкине и М.К. Сидорове) до конца XX века (доклад с.н.с. Музея геологии нефти и газа ХМАО-Югры Н.П. Дубовской из Ханты-Мансийска о проекте «Герои Социалистического Труда – создатели Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»).

Тему роли личности в истории нефтегазового Севера открыли московские историки к.и.н. А.А. Матвейчук («Ухтинский нефтяной проект горного инженера Боклевского») и к.и.н. Ю.В. Евдошенко («А.В.Булгаков – строитель первых северных газопроводов»). Легендарному геологу Ф.К. Салманову были посвящены доклады заведующего кафедрой истории России Сургутского государственного университета, д.и.н., профессора А.И. Прищепы, доцента Тюменского государственного университета, к.и.н. С.М. Панарина, профессора ТюмГНГУ, д.и.н. В.П. Карпова, корреспондента газеты «Невское время» Е.Ю. Летаниной (Санкт-Петербург). Интересный материал о выдающемся руководителе сибирских нефтяников В.И. Муравленко подготовил профессор Самарского государственного технического университета, д.и.н. В.Н. Курятников.

На секции «Проблемы социально-экономического развития Севера» были представлены доклады из Челябинска (доцент ЧелГУ, к.и.н. С.А. Баканов – «Опыт решения проблемы трудовых ресурсов в районах нового промышленного освоения в первой половине XX века»), Тюмени (доцент ТюмГНГУ, к.и.н. М.В. Комгорт – «Основные этапы научного обоснования нефтегазовости Западной Сибири»), Сургута (доцент СурГУ, к.и.н. Д.Н. Шкаревский – «К вопросу о профессиональ-

ной адаптации азербайджанцев и таджиков в г. Сургут»). Большой интерес вызвали доклады заведующего сектором методологии и историографии ИИиА УрО РАН, к.и.н. И.В. Побежниковой – «Освоение Ямальского региона в условиях российской модернизации XIX-XX в.» и ведущего научного сотрудника ИИиА УрО РАН, к.и.н. К.И. Зубкова – «Поиск путей развития коренного населения Ямала на старте рыночных реформ (по материалам социологического исследования 1993 г.)».

Среди выступлений, сделанных на секции «Север: здоровье человека и общества», следует отметить аналитические доклады главного специалиста Администрации Тагилстроевского района г. Нижний Тагил, к.п.с.н. И.Н. Свириденко – «Актуальные проблемы психологической диагностики лиц, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере», врача Воронежской областной клинической больницы № 1 Т.А. Жданкиной – «Медицинские аспекты

северной вахты», доцента ТюмГНГУ, к.ф.н. И.А. Попковой – «Межкультурный диалог как фактор развития Севера», доцента СурГУ, к.и.н. Д.В. Кирилюк – «Социально-бытовые условия работы учителей Сургутского района во второй половине 1940-х-1950-е гг.», аспиранта ТюмГНГУ Ю.А. Емельянова – «Анализ уровня жизни населения Ямало-Ненецкого автономного округа».

Конференция стала не только крупным событием культурной и научной жизни Тюмени, но и удачным опытом общения ученых из разных городов России. Представленные доклады подтвердили значимость исторических исследований для повышения научной обоснованности современных проектов освоения и обживания северных территорий.

К началу конференции издана книга «Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Материалы Всероссийской научной конференции» (Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – 200 с.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сердюков Дмитрий Васильевич, к.и.н., Сургутский госуниверситет, доцент

Туров Сергей Викторович, к.и.н., Тюменский госуниверситет, доцент

Акишин Михаил Олегович, д.и.н., Ленинградский государственный областной университет им.А.С.Пушкина, зав. кафедрой, профессор

Михалев Николай Александрович, к.и.н., ИИиА УрО РАН, Ученый секретарь

Карпов Виктор Петрович, Тюменский государственный нефтегазовый университет, профессор

Зубков Константин Иванович, к.и.н., ИИиА УрО РАН, ведущий научный сотрудник, доцент

Побережников Игорь Васильевич, к.и.н., ИИиА УрО РАН, зав. Сектором, доцент

Постников Сергей Павлович, д.и.н., ИИиА УрО РАН, главный научный сотрудник, профессор

Тимошенко Владимир Петрович, д.и.н., ИИиА УрО РАН, главный научный сотрудник, профессор

Корнилов Геннадий Егорович, д.и.н., ИИиА УрО РАН, зав. сектором, профессор

Кардаш Олег Викторович, г. Нефтеюганск

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Побережников И.В.</i> «ЯМАЛ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»	3
<i>Кардаш О.В.</i> «НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК В XV – XVI ВВ.: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2006-08 ГГ.»	13
<i>Туров С.В.</i> «ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОБЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО (РУССКИЕ, КОМИ) НАСЕЛЕНИЯ ОБДОРСКОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)»	21
<i>Зубков К.И., Корнилов Г.Е.</i> «ТРУДНАЯ СУДЬБА ЗАПОЛЯРНОЙ НИВЫ: АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА ЯМАЛА НА ПЕРЕЛОМЕ РАЗВИТИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – 1950-Е ГГ.)»	32
<i>Зубков К.И.</i> «ЯМАЛЬСКИЙ СЕВЕР В СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ».....	38
<i>Постников С.П.</i> «КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»	45
<i>Сердюков Д.В.</i> «В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»	48
<i>Карпов В.П.</i> «НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС ЯМАЛА В 2000-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»	54
<i>Тимошенко В.П.</i> «НОВЫЙ ЭТАП ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЯМАЛА. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ»	60

ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ

Акишин М.О.

«БЕРЕЗОВСКИЕ КАЗАКИ НА «ГОДОВОЙ» СЛУЖБЕ
В ОБДОРСКЕ. XVII ВЕК»64

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Михалев Н.А.

«ИСТОРИЯ ЯМАЛА»: ИТОГ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ».....89

Карпов В.П.

«ЧЕЛОВЕК, СЕВЕР И НЕФТЬ»92

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ95

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Издание Ямало-Ненецкого автономного округа

ВЫПУСК 6

2010 г.

Государственное бюджетное учреждение «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр»

Подписано в печать 22.12.2010 г.

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,63.

Гарнитура «Newton». Заказ 1211. Тираж 100 экз. Сверстано и отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север».
г. Салехард, ул. Ямальская, 14.